·АКАДЕМИЯ·

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1997

John F. BIERLEIN

PARALLEL MYTHS

Джон Ф. БИРЛАЙН

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

ББК 82.3(0) США
Б64

Перевод с английского
А. БЛЕЙЗ

Художник А. Д. РОЩИНА

Бирлайн Дж. Ф.
Б64 Параллельная мифология / Пер. с англ. А. Блейз. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1997 — 336 с.

ISBN 5-232-00345-3

Если мифы — это лишь сказки или суеверия, то отчего же они до сих пор продолжают волновать и очаровывать нас? Почему они пережили века и дошли до наших дней? Дело в том, что миф — это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена, это совокупное наследие воспоминаний наших предков, рассказ о событиях, совершавшихся до начала письменной истории, нить, соединяющая воедино прошлое, настоящее и будущее.

В книгу включены не только древнегреческие, скандинавские мифы, достаточно хорошо известные нашему читателю, но и мифы народов Африки, Северной и Южной Америки, Азии и Океании.

Читатель насладится удивительными параллелями между мифами совершенно различных, удаленных друг от друга культур.

Б $\frac{0403000000-345}{52Р(03)-96}$ **ББК 82.3(0) США**

© by J. F. Bierlein, 1994
© «КРОН-ПРЕСС», 1996
© Перевод А. Блейз, 1996
© Оформление А. Д. Рощиной, 1996

ISBN 5-232-00345-3

Посвящается моей матери
Веронике Ла-Флер Паррент Бирлайн
(1931—1992)
и
Роберту Г. Хиршфельду

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность: моим родителям Джону и Веронике Бирлайнам за то, что они провели долгие часы за редактированием и чтением рукописи этой книги, за моральную поддержку и дружбу, превзошедшую самый высокий зов родительского долга;

моей матери — особую признательность, ибо она умерла до выхода в свет этой книги, за то, что она подарила мне любовь к чтению и живость ума;

Роберту Г. Хиршфельду — за прочную дружбу и поддержку;

моей жене Хизер С. Дил;

Ирис Басс и Лесли Мэйлин Хелм, моим редакторам в издательстве «Баллантайн Букс», — за помощь, советы и неизменное чувство юмора;

моей сестре Шерил Бирлайн Фоулер;

Рени — за поддержку и помощь;

моим друзьям из библиотеки Хойта в Сагино (Мичиган); среди прочих — Вай, Фэю, Эрнестине, Пэт и Кейт;

моим преподавателям из высшей школы: Кэти Хьюз, Джону Кайли, Эрику Свонсону и Арту Лойзелю — за то, что они привили мне любовь к литературе;

и прочим друзьям и помощникам, в том числе Мэгги Росситер из газетты «Сагино-Ньюз», Сэму и Илоне Хиршфельд Коонс, д-ру Стивену Хиршфельду, д-ру Биллу и Дарлин Андерхилл и многим, многим другим.

Предисловие

Миф — это вечное зеркало, в котором мы видим самих себя. Миф всегда может что-нибудь сказать любому человеку, он всегда может сказать что-нибудь о каждом; миф — повсюду вокруг нас, мы лишь должны распознать его.

Эта книга предназначена для людей, не склонных постоянно размышлять о мифологии, не говоря уже о чтении книг по этому предмету. Основанный на предположении, что понимание мифа — это важный шаг к пониманию самих себя, этот труд был задуман и написан как приглашение к чтению мифов и узнаванию мифического в нашей повседневной жизни.

На протяжении 1980-х гг. и текущего десятилетия общественный интерес к мифологии постоянно растет. Новое поколение открывает для себя мифологию в том виде, в котором к ней обращались бесчисленные поколения прошлого. Свидетельствами этого может послужить популярность книг Джозефа Кэмпбелла, телепостановки индийского эпоса «Махабхарата», сделанной Питером Бруком, или, к примеру, важное место, которое стали занимать мифы в радио- и телепрограммах («Окно на Север» и др.).

Существуют многочисленные исследования, посвященные мифам и мифологии. Многие из них увлекательны, научны и всеобъемлющи, но, к сожалению, язык, которым они написаны, не всегда доступен для среднего читателя. Они не предназначены для людей, только начавших открывать для себя эту область. Я почувствовал, что в настоящее время необходим «дружественный» читателю подход к вопросам мифологии; при этом я надеюсь, что моя книга станет для читателей не последним, а первым шагом в изучении мифов.

Мифологией я заинтересовался еще в детстве. Это было много лет назад, когда мой школьный учитель читал нам отрывки из «Мифологии» Томаса Балфинча. За годы обучения в высшей

школе и университете мой интерес к мифам продолжал возрастать по мере того, как я знакомился с трудами Джозефа Кэмпбелла, Мирча Элиаде, Поля Рикера и других исследователей. Удовольствие, которое доставляли мне эти книги, дополнялось моим увлечением оперой: великие мифы древности, представленные в оперной форме, оживали для меня и становились ближе и понятнее.

Для большинства людей слово «мифология» вызывает ассоциации только с древнегреческими или скандинавскими мифами. Но моя книга не ограничивается этими источниками: в нее включены мифы народов Африки, Северной и Южной Америки, Азии и Океании. Ведь если бы я ограничился только европейской мифологией, читатель не смог бы насладиться удивительными параллелями, наблюдающимися между мифами совершенно различных, удаленных друг от друга культур.

Эти параллели наглядно показывают, что у всех людей, живущих на Земле, очень много общего между собой; понятия «примитивный» и «современный» отстоят друг от друга не так уж далеко, как мы могли бы подумать. Изучение мифов разных народов поможет сузить пропасть, разделяющую разные культуры, и обнаружить неизменную и универсальную часть общечеловеческого опыта.

Я надеюсь, что вы с наслаждением откроете для себя это удивительное единство всего человечества.

Дж Ф Бирлайн
Гамильтон, Онтарио, Канада, 1989,
и Франкенмут, Мичиган, 1993

Часть I

ПРИГЛАШЕНИЕ К МИФУ

Жизнь — узкое ущелье между двух холодных,
Бесплодных пиков вечностей бездонных.
Мы боремся вотще, чтоб заглянуть за эти горы,
И мы кричим; но нам единственный ответ —
Лишь эхо нашего стенания и крика.
С безгласных губ немого мертвеца
Ни слова не сорвется; но средь смертной тьмы
Надежда сможет разглядеть звезду, и слух любовный слышит
Шелест крыльев.
Легенды эти рождены надеждой, страхом и слезами,
И трепетной улыбкой; расцветило их, коснувшись,
Все то, что между радостью и горем:
Рассвет рождения и скорбной смерти тьма;
Они одели страстью даже звезды
И божествам придали заблужденья
Сынов земли. В легендах эти ветры
И волны пели музыкой; во всех озерах и ручьях,
Холмах, потоках, чащах и благоуханных долах
Чудесные созданья обитали.

Роберт Г. Ингерсолл (1833—1899)

Вступление

Was unterschiedet
Gotter von Menschen?
Dass viele Wellen
Vor jenen wandeln
Ein ewiger Strom
Uns hebt die Welle
Verschlingt die Welle
Und wir versinken.

—

В чем различие
Между богами и людьми?
В том, что множество волн перед каждым
из вечного потока;
Волны поднимают нас ввысь;
волны побеждают нас
и, смывая, уносят нас прочь.

Гёте

ЧТО ТАКОЕ МИФЫ?

Что такое мифы? Давайте для начала расскажем один из них.

Много веков назад в Китае маленький мальчик спросил у своего деда, как был создан мир. И дед ответил ему в тех же словах, как много лет назад ответил ему на этот вопрос его собственный дед:

«Некогда существовал лишь великий хаос, Хуньтунь. Тогда были два императора: Ху, император Северного Моря, и Шу, император Южного Моря. Когда

они нашли Хуньтунь, тот был несовершенен: у него недоставало семи отверстий, необходимых для зрения, слуха, питания и речи, дыхания, обоняния, размножения и выделений. Поэтому императоры стали пробивать в нем ударами молний по одному отверстию каждый день. В конце концов Хуньтунь от этого умер. Имена Ху и Шу, соединенные вместе, образуют слово «Ху-шу» — «молния». Таким образом, творение мира началось тогда, когда молния пронзила хаос».

В XX веке возникла научная теория, описывающая разительно похожую точку зрения на сотворение мира. Гарольд С. Урей, лауреат Нобелевской премии 1934 г. по химии, предположил, что жизнь могла возникнуть в результате действия некоторого вида энергии (быть может, молнии) на атмосферу первобытной Земли. Неизвестно, был ли Урей знаком с китайским мифом, но его гипотеза перекликается с историей творения мира, поведанной стариком-китайцем своему внуку.

В 1953 г. ученик Урея, Стэнли Л. Миллер, решил провести эксперимент, чтобы проверить эту теорию. Он подготовил два стеклянных шара, один из которых содержал газы, предположительно составлявшие атмосферу древней Земли, а второй был предназначен для собирания газов, образовавшихся в ходе эксперимента. Затем Миллер активировал газы «молнией», то есть электрическим разрядом в 60 000 вольт. К удивлению ученого, среди веществ, собравшихся во втором шаре, оказались нуклеотиды, органические компоненты аминокислот, которые при соединении образуют ДНК — основной строительный элемент жизни. Впервые за всю историю науки нуклеотиды были образованы искусственным способом, а не выделены из живого организма.

На первый взгляд изложенный китайский миф может показаться примитивным. Он слишком антропоморфен: природные силы в нем персонифицированы. Два элемента, образующие молнию, обозначены как «императоры»; хаос выступает в обличье человека. Однако этот «примитивный» миф совпадает с весьма изящной современной гипотезой о происхождении жизни. Это — первый ключ к ответу на вопрос, что такое мифы. Мифы — древнейшая форма науки, размышления о том, каким образом возникла Вселенная.

Однако, скажем, для прохожего с улицы слово «миф» будет ассоциироваться с ложью, выдумками или суевериями. В ночных

теленовостях медицинский эксперт рассуждает о необходимости «избавиться от широко распространенных мифов, связанных со СПИДом». В таком контексте «миф» означает ложную концепцию (в последнем примере — даже опасную!). Но в этой книге слово «миф» зачастую будет синонимом слова «истина». Нередко миф представляет собой силу, которая начинает работать там, где оканчиваются наши привычные пять чувств.

Если мифы — это лишь сказки или суеверия, то отчего же они до сих продолжают волновать и очаровывать нас? Почему они пережили века и дошли до наших дней? Как мы увидим дальше, понятию «миф» невозможно дать одно-единственное верное определение, поскольку миф всегда проявляется на множестве разных уровней. Как мы уже увидели, миф — это первая робкая попытка объяснить возникновение тех или иных вещей, это предок науки. Кроме того, это попытка объяснить, почему происходят те или иные явления, то есть миф имеет отношение к сфере религии и философии. Это также «история предыстории», попытка рассказать нам, что могло происходить до того, как началась письменная история человечества. Это и древнейшая форма литературы, обычно существовавшая в форме фольклора. Миф рассказывал древним людям о том, кто они такие и как следует жить. Таким образом, миф был и остается до сих пор основой морали, государственности и национального самосознания.

Миф едва ли можно назвать достоянием исключительно «примитивного, донаучного» мышления. Жизнь и в наши дни насыщена мифологическими символами и смыслами, мифологическим языком; все это — ценнейшая часть общечеловеческого наследия. Басни, сказки, литература, эпос, священные книги великих религий — все это включает в себя древние мифы, преодолевшие границы времени, пространства и культурных различий. Мифы, взятые сами по себе, проявляют удивительное сходство между культурами различных народов, разделенных огромными расстояниями. И эта общность помогает нам увидеть за всеми различиями красоту единства человечества: все народы Земли во все времена имеют между собой нечто общее.

А теперь мы можем привести несколько самых общих утверждений, связанных с понятием мифа.

- Миф — это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена. Общие модели, сюжеты и даже детали,

содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду. Это объясняется тем, что миф — это совокупное наследие воспоминаний наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф даже может входить в структуру нашего подсознания; не исключено, что он закодирован в наших генах.

- Миф — это рассказ о событиях, совершавшихся до начала письменной истории, и о значении событий, которые произойдут в будущем. Миф — это нить, соединяющая воедино прошлое, настоящее и будущее.
- Миф — это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших пяти чувств. Он заполняет пропасть между образами подсознания и языком сознательной логики.
- Миф — это «склейка», формирующая целостные сообщества людей. Он представляет собой основу самоопределения общин, племен и наций.
- Миф — это сущностно необходимый элемент во всех сводах нравственных законов. Основа моральных кодексов всегда выводилась из мифологии и религии.
- Миф — это комплекс верований, придающих жизни смысл. Миф помогает людям и обществам достойно и адекватно приспособиться к своему окружению.

ЯЗЫК И МИФ

Наш язык насыщен многочисленными терминами, происходящими из мифов, в особенности древнегреческих и древнеримских мифов. Мы используем эти слова ежедневно, даже не задумываясь об их происхождении. Проезжая по улицам города, вам, возможно, приходится иметь дело с хаосом (понятие, взятое из греческого мифа, описывающего изначальное состояние мира до творения) транспорта; слушая шлягер 40-х годов «Я — твоя Венера», вы сталкиваетесь с именем римской богини красоты; размышляя, не купить ли вам спортивную обувь фирмы «Ника», вы произносите в уме имя греческой богини победы. Покрышки вашего автомобиля сделаны из вулканизированной резины (Вулкан — римское божество, покровитель кузнецов). Путешествуя по другим городам, вы можете заглянуть в музей (получивший такое название в честь муз, покровительниц искусства в гречес-

кой мифологии); а в марте (названном в честь римского бога войны Марса) вы, быть может, планируете уйти в отпуск.

Новости мы узнаем по радио. В Европе (получившей имя в честь Европы, смертной возлюбленной греческого бога Зевса) полным ходом идет подготовка к Олимпиаде (современному аналогу спортивных игр, происходивших близ Олимпа, жилища древнегреческих богов); дипломаты в Лондоне (названном в честь кельтского солнечного бога Луга) все обсуждают, что же делать с ракетами «Тор» (скандинавский бог грома), «Титан» (великан из греческих мифов) и «Юпитер» (римское имя Зевса).

Не исключено, что кто-либо из ваших знакомых или коллег вызывает у вас эротические (от Эрота, греческого бога любви между мужчиной и женщиной) помыслы. Но если в наши смутные времена вы попытаетесь обратиться с любовными предложениями к коллеге по работе, это может оказаться ахиллесовой пятой* в вашей достойной карьере. Более того, перед вами может встать угрожающий призрак венерической болезни (от имени Венеры, римской богини любви). Да провались она в тартарары! (От Тартара, что в греческой мифологии означает «ад».)

Современные технологии позволяют почти мгновенно связаться с любой точкой земного шара при помощи телефона, факса или модема. Но где бы вы ни жили — во французском городе Лионе (названном в честь кельтского солнечного бога Луга), в Афинах (штат Джорджия) или в канадском городе Гимли (от Гимли — «высочайшего из небес» — в скандинавской мифологии), — вы поддерживаете неразрывную связь также и с отдаленным прошлым: в этом вам помогают мифы.

Миф сам по себе представляет совершенно уникальный способ использования языка. Обычные слова, обозначающие конкретные вещи, употребляются в мифе для описания понятий, превосходящих опыт наших пяти чувств.

Во многих культурах мы встречаем общий термин, обозначающий силы, превосходящие человека, либо невидимые силы, духовную мощь вещей и явлений, превосходящую наше понимание: «ваканда» (wakanda) — у индейского племени сиу, «оренда» (orenda) — у ирокезов, «мулунгу» (mulungu) — у банту, «нумен»

---

* Выражение «ахиллесова пята» восходит к гомеровскому эпосу. Боги посоветовали матери Ахиллеса искупать ребенка в священной реке, когда тот родился, чтобы мальчик стал неуязвимым в битве. Его тело действительно стало неуязвимым для ударов копий и стрел, но за исключением пятки, за которую мать держала младенца, окуная его в воду. Таким образом, убить его можно было, лишь ранив в пятку. Этот миф также дал название «ахиллесову сухожилию».

(numen) — у древних римлян. Среди современных понятий эти термины стоят в одном ряду с термином «высшая сила». Человек обычно чувствует, что не способен напрямую обращаться к этой силе.

Древние римляне, обращаясь к неизвестному божеству, «нумену», называли его «si deus si dea» («будь ты бог или богиня»). Любопытно, что, несмотря на значительные различия между разными культурами, этот общий термин, обозначавший неперсонифицированную высшую силу, устойчиво переводился христианскими миссионерами как относящийся к Богу. К примеру, имя финского небесного божества Юмала в настоящее время применяется финнами в качестве имени Бога; то же самое наблюдается в случае с Мулунгу у банту и Маниту у чиппевеев. «Силы, которые существуют» стали обозначением монотеистического божества.

Антропоморфизм — это проекция человеческих черт или качеств на божество. Его можно назвать «созданием бога по образу и подобию человека». Верховный бог древних греков, Зевс, изображался в виде мужа под каблуком у своей жены, и не без причины: ведь он постоянно вступал в любовные связи с богинями и смертными женщинами. Солнце было не просто небесным телом: оно персонифицировалось в виде бога, жизнь которого во многом напоминала человеческую. В греческой мифологии Солнцем сперва был бог Гелиос (по-гречески — «солнце»), а позже — колесница, которой правил бог Аполлон. Как мы увидим, во многих мифологиях жизнь возникает в результате брака между «отцом»-Небом и «матерью»-Землей.

Во многих мифах, приведенных в этой книге, антропоморфные элементы вполне очевидны*. Люди молились богам, которые

---

* Любопытные мысли по поводу антропоморфизма были высказаны американским теологом Паулем Тиллихом (немцем по происхождению) в I томе его труда «Систематическая теология»:

«Боги одновременно субличностны и суперличностны. Боги в образе животных не являются обожествленными зверями: это выражения запредельных для человека понятий в символах различных форм животной жизни. Боги в образе звезд не являются обожествленными небесными телами: это выражения запредельных для человека понятий в символах расположения звезд на небе и в их творческой и разрушительной силе. Сочетание субчеловеческого и суперчеловеческого в характере мифологических богов — это протест против низведения божественной силы до человеческих мерок. В тот момент, когда протест теряет свою эффективность, боги превращаются из богов в возвеличенных людей... Поэтому религия представляет божественные личности, чьи качества во всех отношениях опровергают и превосходят их личностную форму. Они — одновременно субперсональные и трансперсональные личности, парадоксальное сочетание, отражающие напряженность между конкретным и запредельным в человеческом мышлении и в каждой разновидности идеи Бога».

выглядели так же, как они сами, действовали так же, как люди (иногда на очень низком уровне нравственности), и обладали вполне человеческими пороками — тщеславием, завистью, ненавистью и страстями. Существовавший у иудеев запрет на создание идолов объясняется необходимостью отделить еврейского бога, стоящего вне всех человеческих определений, от антропоморфных богов соседних семитских и египетских народов. История о «золотом тельце» в библейской книге «Исхода» — это, вполне вероятно, выражение «тероморфизма», изображения божества в форме животного (в данном случае — египетского священного быка Аписа или богини Хатхор, изображавшейся в виде коровы).

Широко распространена была также персонификация абстрактных понятий в образах богов. Ника (Nike), имя греческой богини победы, по-гречески также означает «победу». Имя Эриды (Eris), греческой богини раздора, переводится с греческого как «раздор». Имя Ириды (Iris), греческой богини радуги, по-гречески означает «радугу» (так же, как и в современном испанском языке: arco iris). От этого слова происходит современное название цветка — «ирис» и, к примеру, название методики определения болезни по радужной оболочке глаза — «иридодиагностика». Во французском языке глагол «iriser» означает «раскладывать цвета через призму». Греческое слово Уран (Ouranos) означало одновременно небесное божество-«отца» и, собственно, небо; то же можно сказать о санскритском аналоге этого слова — Варуна.

Имена божеств приобретают куда больший смысл, когда проясняется их этимология. Вотан, германская форма имени скандинавского бога Одина, сохраняется в современном немецком слове «wuten» («бушевать, свирепствовать»). Одно из имен греческого бога Аполлона, Феб (Phoebus), означает «сияющий», указывая на его роль солнечного божества.

Эти боги являлись персонификациями тех или иных понятий и явлений, но в то же время они рассматривались как реальные духовные силы, которым следовало поклоняться, молиться и приносить жертвы. Такой смысл персонификаций может много рассказать о культурах, для которых они были обычным явлением.

Греческий миф о Купидоне и Психее — это на первый взгляд, лишь очаровательная любовная история с моралью. Но она приобретает куда более глубокий смысл, если задуматься, что

означают имена персонажей. Купидон — это римское имя греческого бога любви Эрота; «eros» по-гречески означает сексуальную любовь. Психея (Psyche) по-гречески значит «душа» и «бабочка». Таким образом, оказывается, что этот миф повествует о связи между физической и духовной любовью и о том, что любящая душа, подобно бабочке, претерпевает метаморфозы.

Мифы, приведенные в этой книге, продемонстрируют множество примеров подобного использования языка. Нередко мне попадались изложения мифов без объяснения значений имен. Подобные пересказы, несмотря на всю свою увлекательность, дают читателю весьма одностороннее представление о мифе.

Язык для мифа представляет первостепенную значимость. Изреченное слово обладает великой силой. В Библии Бог творит мир с помощью слова. В талмудической истории сотворения мира буквы еврейского алфавита спорят за право стать первой из букв первого слова, произнесенного Богом в момент творения. В персидской мифологии Ахура Мазда (благое божество) низвергает Ангро-Майнью (злое божество) в ад, произнеся одно-единственное слово. Имя Бога для евреев до сих пор столь священно, что они избегают произносить его, чтобы не осквернить.

Священный язык употребляется также для того, чтобы отделить священное от профанного (т.е. обычного, повседневного, бытового). Католическая месса, повсеместно читающаяся на латыни, символизирует единство внутри римской католической церкви и отграничивает слова священнодействия от слов повседневной жизни. Православные христианские церкви пользуются для этих целей старославянским языком. Нынешние евреи, в обычной жизни говорящие по-русски, по-английски или по-французски, продолжают молиться на древнееврейском «священном языке», ha loshen ha kodesh*. Мусульмане в Англии и Индонезии читают Коран по-арабски, полагая, что именно на этом языке Аллах говорил с пророком Мухаммедом; в прочих жизненных ситуациях почти никто из них не пользуется арабским языком.

Немецкий ученый Эрнст Кассирер в своей книге «Язык и миф» рассматривает язык как показатель религиозного развития. На ранних фазах развития религии, так называемой примитивной стадии, наблюдается недифференцированное понятие «сил,

* На loshen ha kodesh — «священный язык» (др.-евр.). Идиш, восходящий к немецкому, «светский» язык евреев, живущих в Центральной и Восточной Европе, называется mama loshen — «язык матери»

которые существуют»; они требуют, чтобы с ними считались или поклонялись им. На более позднем этапе, на стадии политеизма (греч. «многобожие»), происходит выделение богов по функциям или персонификация объектов наподобие Солнца. На этой стадии, к примеру, следует почитать богиню пшеницы, чтобы обеспечить хороший урожай.

Далее Кассирер отмечает, что размышления над религиозными вопросами и первые философские теории приводят к идее монотеизма (греч. «единобожие»), единого божества, которое стоит за всеми явлениями жизни. Сначала этому божеству могут поклоняться точно так же, как более ранним богам. Однако затем отношения с богом (Богом) становятся более личными; человек начинает искать «единения» или «личной связи» с Богом, общаться с которым ему гораздо легче, чем со множеством разнообразных божеств. Индусы говорят о Брахмане, Верховном Существе, как о «Великом Я». Христианин говорит о «сердце» как о жилище Святого Духа Господня. На этой стадии божество становится субъектом, живущим внутри человека.

ВРЕМЯ И МИФ

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему в году именно 365 дней? Само собой, очевидный ответ состоит в том, что именно столько времени требуется Земле, чтобы совершить оборот вокруг Солнца — солнечный год. И все же, почему наш календарь основан на солнечном годе, а не на лунном?

Наш календарь перешел к нам почти неизмененным от древних римлян, которые, в свою очередь, считали египтян лучшими в мире астрономами. Согласно сэру Джеймсу Фрэзеру, автору книги «Золотая ветвь», одной из первых работ по анализу мифов, истоки 365-дневного года следует искать в египетском мифе.

Египетский бог Озирис, впоследствии ставший божеством мертвых, был рожден от незаконного союза между богом земли Гебом и богиней неба Нут (распространенные египетские обелиски, такие, например, как лондонская «Игла Клеопатры», — это фаллические изображения Геба, касающегося Нут). Нут была формальной супругой бога Солнца Ра, который совсем не обрадовался, узнав, что его жена беременна от другого бога.

Чтобы выказать свое недовольство, Ра провозгласил, что

ребенок от этой связи не может быть рожден «ни в одном месяце и ни в одном году». Но его неверная супруга Нут уже нашла себе нового любовника, бога мудрости Тота. Она пожаловалась Тоту на пророчество Ра, зная, что Тот всегда находит ответы на любые вопросы. Тот пришел в гости к Луне и предложил ей сыграть с ним в триктрак. В то время Луна была повелительницей времени, поэтому египетский год состоял из тринадцати лунных месяцев по тридцать дней каждый, т.е. из 360 дней. Тот победил Луну в состязании, выиграв у нее каждую семьдесят вторую часть каждого дня года, что составило в сумме пять полных дней. Эти дни были вставлены между концом последнего месяца лунного года и началом первого месяца следующего года. Таким образом, эти пять дней оказались «ни в одном месяце и ни в одном году». В этот пятидневный период и родился Озирис, исполнив пророчество ревнивого мужа Ра и заменив 360-дневный лунный год на 365-дневный солнечный.

Названия дней недели в немецком, кельтском, индийском и романских языках (за исключением португальского) основаны на мифологии:

Английский	*Голландский*	*Немецкий*	*Норвежский*
Monday	Maandag	Montag	Mandag
Tuesday	Dinsdag	Dienstag	Tirsdag
Wednesday	Woensdag	Mittwoch	Onsdag
Thursday	Dondersdag	Donnerstag	Torsdag
Friday	Vrijdag	Freitag	Fredag
Saturday	Zaterdag	Samstag	Lørdag
Sunday	Zondag	Sonntag	Søndag

Гаэльский	*Французский*	*Итальянский*	*Испанский*
De Luain	lundi	lunedi	lunes
De Mairt	mardi	martedi	martes
De Ceadoin	mercredi	mercoledi	miércoles
Deardoin	jeudi	giovedi	jueves
De hAoine	vendredi	venerdi	viernes
De Sathairn	samedi	sabato	sábado
De Domhnaig	dimanche	domenica	domingo

Хинди	*Санскрит*
Ravivaar	Bhanuvaasarah
Somvaar	Induvaasarah
Mangalvaar	Bhaumavaasarah
Budhvaar	Saumyavaasarah
Brihispativaar	Guruvaasarah
Shukravaar	Shukravaasarah
Shanivaar	Shanivaasarah

Этимология

Понедельник — день Луны (англ. Moon).

Вторник — день, посвященный германскому богу войны Тиру (Tir) или Тиу (Tiw); день, посвященный римскому богу войны Марсу (Mars).

Среда — день, посвященный германскому верховному богу Вотану (Wotan), или Одину (Odin); день, посвященный Меркурию (Mercury).

Четверг — день, посвященный богу-громовержцу — германскому Тору (Thor) или римскому Юпитеру (Jupiter, Jove).

Пятница — день, посвященный богине красоты, германской Фригге (Frigga) или Фрейе (Freya).

Суббота — день, посвященный богу Сатурну (Saturn), прародителю олимпийских богов. Названия, созвучные русскому «суббота», происходят от древнееврейского Shabbat, английского sabbath.

Воскресенье — день, посвященный Солнцу. В романских языках и гаэльском название этого дня недели восходит к латинскому «dominus», что значит «господин», отсюда представление о воскресенье как о «дне Господа».

Дни недели носят имена в честь небесных тел, идентифицирующихся с богами. Эту связь можно проследить вплоть до древнего Вавилона*.

Планета	*Вавилонские*	*Латинские*	*Древнегерманские*	*Староанглийские*
Солнце	Шамаш (Samas)	Sol	Sonne	Sun
Луна	Син (Sin)	Luna	Mond	Moon
Марс	Нергал (Nergal)	Mars	Zivis	Tiw
Меркурий	Набу (Nabu)	Mercurius	Wotan	Wotan
Юпитер	Мардук (Marduc)	Jupiter	Donner, Thor	Thor
Венера	Иштар (Ishtar)	Venus	Freia	Frigga
Сатурн	Нииб (Ninib)	Saturnus	Saturn	Saturn

Можно проследить любопытную параллель: Иштар, Венера и Фригга считались богинями красоты у соответствующих народов. Мардук, Тор и Юпитер принадлежали к младшим поколениям богов и были громовержцами. Интересно, что и Мардук, и Юпитер стали верховными божествами, свергнув предыдущего царя богов.

Названия месяцев, так же как и названия недель, восходят к мифологии. Очевидно, что месяцы связывались с Луной. Выражение американских индейцев «много лун» аналогично выражению «много месяцев».

Этимология

Январь — от Януса, двуликого римского божества дверей и ворот, глядевшего одновременно вперед и назад.

Февраль — от латинского слова «februare», означающего «очищать».

Март — от Марса, римского бога войны.

---

* Из книги Роберта Грейвса «Белая богиня»:
«В Индии соблюдается тот же образец, испытавший влияние древнего Вавилона, в языке хинди:
Mangalvaar — Мангал, планета Марс;
Budhvaar — Будха, планета Меркурий;
Brihispativaar — Брихаспати, планета Юпитер, верховный жрец среди богов (дэвов);
Shukravaar — Шукра, планета Венера (в санскрите: Shukravaasarah);
Shanivaar — Шани, планета Сатурн (в санскрите: Shanivaasarah);
в санскрите: induvaasarah — Индра, бог неба;
Guruvaasarah — Гуру, планета Юпитер.

Апрель — от латинского слова «aprire», означающего «открывать» (в этом месяце начинают раскрываться почки).

Май — от латинского названия месяца, посвященного пожилым людям («maiores»). Этот месяц был посвящен также римской богине Флоре, чье имя означает «цветок». Обычай майского дерева (украшенного цветами столба, вокруг которого танцуют в день 1 мая), очевидно, восходит к ритуалу плодородия, в котором участвовал фаллический символ.

Июнь — либо от Юноны, богини деторождения и супруги Юпитера, либо от названия месяца, посвященного молодым людям («juniores»).

Июль — от имени обожествленного римского императора Юлия Цезаря.

Август — от имени обожествленного римского императора Августа.

Сентябрь — от septem («семь»).

Октябрь — от octo («восемь»).

Ноябрь — от novem («девять»).

Декабрь — от decem («десять»).

Способ нашего летосчисления, наблюдения за ходом истории, тоже основан на мифологии и религии. Давайте возьмем для примера любой год, скажем, 1993-й. Мы могли бы обозначить его как «Год от Рождества Господа Нашего (Иисуса Христа) 1993-й». Те, кто не принадлежит к христианской религии, пользуются сокращением «н.э.» — «наша эра», но начало этого летосчисления, тем не менее, восходит к христианской системе датировки. Подобное мифологическое происхождение датировок встречается во всем мире. В Японии традиционный календарь отсчитывается с даты начала правления первого мифического императора Йимму, потомка солнечной богини Аматэрасу. Римляне отсчитывали годы от легендарной даты основания Рима близнецами Ромулом и Ремом (754 г. до н.э. по нашей системе

летосчисления), а позднее подразделяли датировку в соответствии с периодами правления императоров. Календарь исламского мира начинается с даты Хиджры — бегства Мухаммеда и его спутников из Мекки в Медину в 622 г. н.э.

Мифы отмечают вехи, по которым мы отсчитываем время.

Священное время

«Вот достоверное содержание Учения о Вечном Возвращении: вечность — это Настоящее, мгновение — не просто преходящее «сейчас», предназначенное лишь для стороннего наблюдателя, но столкновение прошлого с будущим».

Мартин Хайдеггер (1889—1976)

«Разнородность времени, его подразделение на «священное» и «профанное», означает не просто периодические «насечки», сделанные на профанной длительности, чтобы поместить в них священное время; эта разнородность предполагает, что эти вставки священного времени связаны между собой воедино, представляя еще одну длительность... Ритуал не просто повторяет другой, предшествовавший ему ритуал... но связан с ним и продолжает его, происходя в определенные фиксированные периоды или как-либо иначе».

Мирча Элиаде (1907—1986)

Священное время — это совершенно отдельное время для отдельной реальности, лежащее за пределами часов и календаря и отмечающее наши встречи с Вечным.

Читая мифы и исполняя религиозные ритуалы, мы почти бессознательно проводим разграничение времени на «священное» и «профанное». «Профанное» время — то, что показывают наши наручные часы и календарь. В качестве примера священного времени можно привести христианскую евхаристию — причащение освященным хлебом и вином; христиане в обряде евхаристии напрямую возвращаются к моменту Тайной Вечери Христа и его апостолов. Католики, лютеране, англикане и православные верят, что Иисус присутствует при каждой евхаристии. Для большинства протестантов этот обряд служит напоминанием о Тайной Вечере. Каждая воскресная месса в христианской церкви связана со всеми мессами, отслуженными до нее, и все они восходят к пасхальной трапезе в Палестине, произошедшей две тысячи лет назад. Подобная связь, ощущение безвременности внутри времени, является иллюстрацией священного времени.

Иудейская суббота (Sabbath) — это, возможно, самый близкий нам пример священного времени. Суббота — это напоминание о «времени, которое было до времени»; она была установлена, когда Бог отдыхал от трудов после сотворения мира. Первые люди жили в Раю (по-древнееврейски — Ган Эден), где не было ни грехов, ни труда, ни страха. Иудеи верят, что праведники после смерти попадают в это счастливое место. Самый знаменитый из иудеев, Иисус Христос, сказал разбойнику, висевшему рядом с ним на кресте: «Завтра же будешь со Мною в Раю». Второе пришествие Мессии, в которое верят иудеи, описывается как воссоздание Ган Эден и конец истории. Люди представляют себе, как выглядел Рай в начале времен, и надеются, что он вернется; суббота же считается небольшой частицей Рая, включенной в повседневную жизнь.

Священное время субботы следует тщательно отделять от профанного времени с помощью обязательного ритуала. Необходимо на время забыть о профанном мире тревоги, трудов и забот. По традиции, евреи заблаговременно готовили специальные блюда для субботы. Суббота персонифицировалась в образе «Королевы Саббат» и прославлялась как прекрасная невеста в гимне «Lekhah Dodi»:

Lekhah dodi, likrat kallah
P'nau Shabbat, nekabalah.

(Приди, любезный друг, чтоб встретить невесту.
Явление Саббат прославим.)

Саббат, словно невесту, ждут с нетерпением и встречают с радостью. Субботний день является важным элементом в самосознании еврея: празднование субботы отделяет иудея от его соседей-неевреев. Священное время субботы очерчено настолько четко, что даже устанавливается точное время для зажжения ритуальных свечей, отмечающего начало праздника. Завершается суббота церемонией Хабдалах (Habdalah, буквально — «отделение»). При этой церемонии открывают ларец с благовониями и читают молитвы, что позволяет насладиться последними сладостными мгновениями Саббат. Когда ларец Хабдалах закрывают, возвращается профанное время.

ИСТОРИЯ И МИФ

«История не есть набор объективных эмпирических фактов; история — это миф. Миф — это не выдумка, а реальность; однако эта реальность иного порядка, нежели так называемый эмпирический факт. Миф — это история, сохраненная в народных воспоминаниях о прошлых событиях, которая преодолевает рамки внешнего объективного мира, открывая мир идеальный...

Исторические мифы исключительно важны для акта воспоминания. Миф содержит историю, сохранившуюся в народной памяти и помогающую вызвать к жизни некие глубинные слои, погребенные в недрах человеческого духа. Разделение между субъектом и объектом как результат просвещенного критицизма может обеспечить материалы для исторического знания; однако, разрушая миф и отрывая глубину времен от глубины человека, оно служит лишь разрыву между человеком и историей. Ибо историческая традиция, которую пытался дискредитировать критицизм, предоставляет возможность для великого и таинственного акта воспоминания. Она поистине представляет не какой-либо внешний или навязанный извне факт, чуждый человеку, а тот факт, который служит проявлением таинственной внутренней жизни, в которой человек может приблизиться к познанию себя и ощутить себя неотъемлемым участником».

Николай Бердяев,
русский христианский философ-экзистенциалист.
«Смысл истории»

«Я близок к тому, чтобы поверить, что в нашем обществе история заменила мифологию и выполняет ту же самую функцию; что в обществах, не знающих письменности и не имеющих архивов, цель мифологии состоит в том, чтобы будущее продолжало хранить верность прошлому. Для нас же будущее всегда будет все более и более отличаться от настоящего... Но все-таки пропасть в нашем мышлении... разделяющую

мифологию и историю, вероятно, можно заполнить изучением историй, не полностью оторвавшихся от мифологии, но продолжающих ее».

Клод Леви-Стросс,
французский антрополог. «Миф и смысл»

«Коротко говоря, понадобится противопоставить «историческому человеку» (современному человеку), сознательно и добровольно творящему историю, человека традиционной цивилизации... относящегося к истории отрицательно. Периодически отменяя историю либо обесценивая ее, постоянно обнаруживая вместо нее трансисторические модели и архетипы... человек традиционной цивилизации не придает историческому событию самому по себе никакой значимости; иными словами, он не рассматривает его как специфическую категорию своего образа жизни».

Мирча Элиаде

Для так называемого примитивного человека миф — это история. Современные люди считают миф и историю двумя разными и совершенно отличными друг от друга вещами. Вопреки тому, что наша собственная светская история пользуется понятиями, пришедшими непосредственно из мифологии и религии, мы, как правило, не рассматриваем историю в единстве с нашей религиозной жизнью так, как это делали древние народы.

Для человека, живущего в традиционной культуре, такого разграничения не существует, и единственная история, имеющая для него подлинный смысл, — это миф. С точки зрения традиционной культуры, все, что мы делаем в жизни, является лишь воспроизведением событий, описанных в мифах. История в привычном для нас смысле слова, как специфические и уникальные поступки живущих и умерших людей, может быть отменена. Возможно восстановление изначального состояния вещей (таково происхождение современного празднования кануна Нового Года). В прошлом ценность всего человеческого опыта выводилась из мифа, считавшегося бесконечно более важным, чем жизнь индивидуума. Даже в наши дни для человека, живущего в традицион-

ной культуре, неудивительно, скажем, незнание собственного возраста: подобные вещи для него просто ничего не значат.

Ритуалы, существующие в традиционных культурах, — это возвращение in illo tempore (лат. «в то время»), в никак не датированное «некогда», «давным-давно», в период мифов, заложивших образцы для всех форм человеческого опыта и поведения.

Чтобы правильно осмыслить мифы, нужно иметь представление о двух противоположных концепциях истории — линейной и циклической. Мы живем согласно линейной концепции: история начинается в некой фиксированной точке и развивается по прямой линии вплоть до сегодняшнего дня. В христианстве, иудаизме и марксизме время движется по прямой к концу истории, где происходит Апокалипсис или начинается утопия. В прошлом выделяется точка начала, в будущем — точка конца.

Согласно циклической концепции, история — это всего лишь череда идентичных циклов. Существуют вечные, бесконечно повторяющиеся принципы. Индуистские мифы не говорят просто о Кали-юге («веке Кали»). Они скажут: «В каждой из Кали-юг». По индуистской теории, мир многократно создается, разрушается и снова воссоздается. Эта идея несовместима с западным представлением об «истории». Вечен только Брахман*, который последовательно сменяет различные аватары, или роли, чтобы соответствовать той или иной стадии цикла: сперва он выступает в виде Брахмы (Творца), затем — в виде Вишну (Охранителя) и, наконец, в виде Шивы (Разрушителя). С такой точки зрения линейная история и хронология почти ничего не значат, ибо они ничтожны по сравнению с вечными принципами, проявляющимися в циклах гигантской продолжительности.

Мексиканские ацтеки также придерживались циклической концепции истории, благодаря которой они знали о предыдущих мирах достаточно, чтобы понимать принципы искупления и правильного поведения, необходимые в мире настоящего. Им не нужны были подробности происходившего в прошлые эпохи. Единственным неизменным и вечным фактором оставался Онтеотль, Высшее Существо; все остальные божества были преходящими.

---

* «Брахман» означает вечное, абсолютное; «Брахма» — это форма, которую принимает Брахман в качестве Творца.

ГРАЖДАНСКИЙ МИФ

«Судьба государства была тесно связана с судьбой богов, которым поклонялись и приносили жертвы. Если Государство претерпевало потрясения, то в соответствующей степени падал престиж богов, и наоборот. Общественная религия сливалась с общественной моралью: это были два различных аспекта одной и той же реальности. Прославить Город означало то же самое, что и воздать почести божествам — покровителям Города — и наоборот».

Эмиль Дюркхейм (1858—1917),
французский социолог и философ,
о гражданской религии в греческих городах-государствах

Что придает нациям единство? Естественно, фактором объединения может быть общее происхождение или общий язык; но во всех государствах, а особенно в государствах с разнообразным этническим составом, роль социальной «склейки» выполняет миф. Единство нации покоится на общей истории и общих национальных символах. Гражданские мифы создают основу для образования государства и обеспечивают полномочия правительства, объединяя всех граждан с помощью общего символизма.

Американский гражданский миф состоит из множества символов: флаг, статуя Свободы и т.д. Символы гражданского мифа США можно обнаружить на банкнотах: здесь перед нами предстает история Вашингтона, Джефферсона и Линкольна, а также американский орел.

На британских деньгах и марках мы находим портреты королевы, символа национального единства. В бумажнике канадца можно обнаружить ее портрет в качестве «королевы Канады» на банкнотах, текст которых отпечатан на двух национальных языках — английском и французском. На гербе Канады соединены британский флаг и французская лилия.

В бывшем СССР основной миф, скрепляющий нацию воедино, дал трещину. При падении коммунистического правительства первыми подверглись нападкам символы Советского государства

— Ленин, серп и молот. Большинство населения отвергло советский гражданский миф* и стало искать для него замену.

Евреев и ранних христиан в Древнем Риме преследовали как «безбожников», «атеистов». Но в современном смысле их едва ли можно назвать «атеистами». Просто они не желали поклоняться императору как богу, а этого требовал римский гражданский миф, отличавший римских граждан от всех прочих людей. В Риме существовал тесный сплав религии и государства.

Библия представляет нам отличную иллюстрацию связующей силы гражданского мифа, а также того, что происходит, когда этот миф ломается. Быть древним евреем означало признавать царя и Тору как нравственные, гражданские и религиозные авторитеты. Человек должен был отождествляться со священной историей иудейского народа и признавать, что этот народ выделен среди всех прочих благодаря завету с Богом. Ветхий Завет подчеркивает, что Израиль процветал до тех пор, пока народ был верен этому завету; когда же люди отступились от завета и стали поклоняться божествам соседних народов, общество разрушилось и евреи оказались обречены на изгнание. Такова сила мифа в действии.

НРАВСТВЕННОСТЬ И МИФ

> «На протяжении многих веков нравственность и религия были тесно связаны и полностью перемешаны друг с другом. Даже в наши дни приходится сталкиваться с этой теснейшей связью, до сих пор существующей в мышлении большинства людей. Очевидно, что нравственность никогда не могла и никогда не сможет избавиться от всех признаков, объединяющих ее с религией. Когда два закона оказываются связаны настолько прочно, когда подобное близкое родство между ними существует в течение такого долгого времени, то для них уже становится невозможным полностью разъединиться и стать независимыми друг от друга. Чтобы это произошло, они должны были бы пройти

---

* Или, быть может, этот миф никогда так и не был полностью принят, поскольку национальные мифы народов СССР (т е русские, украинские, узбекские и пр) были сильнее

через полную трансформацию. Таким образом, мы наблюдаем нравственность в религии и религию в нравственности».

Эмиль Дуркхейм

«Когда были свергнуты их старые табу, они немедленно распались, разобщились и стали добычей пороков и недугов... Сегодня [1961] то же самое происходит с нами. Когда наша современная наука пошатнула наши старые табу, коренящиеся в мифологии, повсюду в цивилизованном мире стало гораздо больше пороков и преступлений, душевных заболеваний, самоубийств и пристрастия к наркотикам, разбитых семей, «трудных» подростков, насилия, убийств и отчаяния. Таковы факты, и я ничего не выдумываю. Поэтому проповедники и взывают к покаянию, смирению и возврату к старой религии.

Джозеф Кэмпбелл.
«Мифы, которыми следует жить»

Миф, в особенности в том виде, в котором он зафиксирован в религии, всегда являлся основой общественной нравственности. Этическая система нерушимо покоилась на мифологической основе откровения Бога или богов. Оспаривать ее было невозможно: усомниться в ценности нравственного закона было равносильно сомнению в ценности мифа и законности самого общества.

Возвращаясь к примеру Ветхого Завета, мы видим, что государство древних евреев определялось Торой, которая, в свою очередь, устанавливала абсолютный стандарт нравственности в Десяти Заповедях. Здесь гражданский миф был неотделим от абсолютного нравственного закона. Во множестве ранних культур наказанием за нарушение табу являлась не смерть, а нечто куда более ужасное с точки зрения традиционной культуры — изгнание из общества.

Обесценивание жизни в нашей культуре через насилие, преступность и пагубные пристрастия, а также упадок общественной и личной нравственности служат указаниями на то, что мы утратили уважение к мифу. Ведь наиболее важными функциями

мифа являются установление и поддержание всеобщего нравственного закона.

Читая мифы самых разных народов, мы встретимся со множеством уроков нравственности. Особый интерес представляют «дуалистические» мифы, такие, как история творения мира у персов или у чиппевеев. В таких мифах сталкиваются два божества, доброе и злое, и добро всегда побеждает зло. Подобные рассказы служили нравственными уроками для людей, помогая приспособить поведение индивидуума к жизни группы.

СМЫСЛ СВЯЩЕННОГО

Из книги Рудольфа Отто «Идея святости» (цит. по: Виктор Голланц «Из тьмы к Свету»):

> «Макс Эйт в своем рассказе «Трагедия призвания» повествует о строительстве огромного моста через устье Эннобухт*. Для постройки этого великого сооружения, ставшего настоящим чудом и символом человеческого могущества, потребовалась самая усердная и углубленная работа ума, самый упорный и неутомимый труд мастеров. Несмотря на бесчисленные трудности и огромные препятствия, мост был достроен и устоял против напора ветра и волн. Но потом налетел яростный циклон, унесший в пучину и строителей, и мост. Казалось бы, бессмысленная стихия восторжествовала над прекраснейшим смыслом человеческой жизни, слепой рок перешагнул через поверженные добродетели и таланты. Рассказчик повествует, как он присутствовал при разыгравшейся трагедии:
>
> «Когда мы добрались до конца моста, не ощущалось ни малейшего движения воздуха; высоко над головой зеленовато-голубым, сверхъестественным свечением сияло небо. Позади нас разверстой могилой лежал Эннобухт. Над водами в безмолвном величии реял Господь жизни и смерти. Мы чувствовали Его присутствие так же явственно, как человек чувствует свое собственное тело. И тогда мы со стариком пре-

* Эннобухт — устье реки, впадающей в Балтийское море в Северной Германии.

клонили колени перед этой разверстой могилой и перед Ним».

Почему они встали на колени? Почему они почувствовали в этом необходимость? Ведь человек не склоняется ни перед циклоном, ни перед слепыми силами природы, ни даже перед самим Всемогущим. Но он преклоняет колени перед недоступной пониманию Тайной, приоткрывшейся перед ним и все же по-прежнему скрытой, и душа его замирает при виде свершения и подтверждения этой Тайны».

Действующие лица

Слово «пантеон» происходит от греческих слов «pan» («все») и «theon» («боги»). Таким образом, пантеон — это сообщество богов, список действующих лиц мифов.

ГРЕЧЕСКИЙ И РИМСКИЙ ПАНТЕОНЫ

В греческой мифологии действует множество мелких богов и богинь, но главными божествами считались двенадцать Олимпийцев, живших, как полагали, на вершине горы Олимп в Греции, и два божества, связанных с землей. В скобках приведены латинские (римские) имена соответствующих богов.

Двенадцать Олимпийцев

Зевс (Юпитер)

Его имя на архаическом греческом наречии означает «яркое небо». Это — верховный бог и громовержец, победитель титанов (древнейшей расы великанов), простерший свою власть над всей Вселенной. Его имя родственно латинскому deus («бог») и санскритскому Dyaus (имя древнего индийского небесного божества).

Зевс и два его брата бросили жребий, чтобы разделить владения. Брату Зевса, Посейдону, досталась власть над морем, а другой его брат, Аид, стал господином подземного мира. Зевс владеет небесами и поверхностью земли.

Гера (Юнона)

Супруга и сестра-близнец Зевса. Она часто гневается из-за неверности своего мужа, но сама никогда не изменяет ему.

Впрочем, она ничуть не боится Зевса и часто бранится с ним.

Ее имя по-гречески означает «защитница». Ее почитали как покровительницу невест в первую брачную ночь, матерей при деторождении и кормилиц. Она может периодически возвращать себе девственность, купаясь в священном источнике. Жены обращаются к ней за помощью, когда хотят отомстить неверным мужьям.

Афродита (Венера)

Ее имя означает «рожденная из пены», поскольку считается, что она появилась обнаженной из морской пены, уже совершенно взрослая, восседая на гигантской раковине.

Афродита — богиня красоты и сексуального желания. Она соответствует ближневосточным богиням плодородия Иштар и Астарте.

Сын Афродиты — Эрот (Купидон), бог любви, чьи стрелы, не знающие промаха, вызывают в сердцах смертных безнадежную любовь.

Зевс выдал Афродиту замуж за Гефеста, хромого бога-кузнеца, но отцом ее детей стал бог войны Арес (Марс), с которым она изменяла мужу.

Гермес (Меркурий)

Его имя означает «столб» или «фаллос».

Гермес — сын Зевса от нимфы Майи. Это бог перекрестков и покровитель торговли, защитник путников и воров и вестник богов. Его изображали обутым в крылатые сандалии и считали ловким обманщиком.

Аполлон

Его имя, звучащее по-латыни точно так же, переводится либо как «яблочный человек», либо как «разрушитель». Сын Зевса и Лето, Аполлон — это солнечный бог, управляющий колесницей Солнца. Он является покровителем атлетических состязаний и искусств. Он изрекает пророчества через оракул в Дельфах. Его сестра-близнец — Артемида.

Аполлон заместил более раннего греческого бога Солнца, Гелиоса, который был персонификацией небесного тела. Одно из имен Аполлона, Феб, означает «сияющий».

Артемида (Диана)

Сестра-близнец Аполлона, лунная богиня, покровительница детей и охотников, вечная девственница. В числе прочих имен, ее зовут Фебой (женский аналог Феба-Аполлона). Особо почитавшаяся в Эфесе, Артемида упоминается в послании Св.Павла к эфесянам в библейской Книге Деяний Апостолов.

Арес (Марс)

Его имя означает «воин». Это кровожадный, ненасытный, бесчестный и яростный бог войны, совершенно непопулярный по сравнению с другими олимпийскими богами. Его сестру зовут Эрида, что означает «раздор». Он считается сыном Зевса и Геры.

Гестия (Веста)

Имя ее означает «очаг». Это покровительница дома и домашнего очага. Гестия настолько же добра и мягкосердечна, насколько Арес жесток и злобен. Из-за нее никогда не возникало никаких раздоров. Считается, что она изобрела искусство строительства.

Посейдон (Нептун)

Роберт Грейвс утверждает, что имя Посейдон — производное от «potidan» («тот, кто дает напиться»). Посейдон — это бог моря, брат Аида и Зевса.

Аид (Плутон)

Имя его означает «слепой». Это брат Зевса и хозяин подземного мира, жилища мертвых. Его римское имя, Плутон, по-гречески значит «богатый», подчеркивая, что все богатства недр земли находятся в распоряжении этого божества. Поэтому Плутон также считался богом богатства. Его жена — Персефона, или Кора (римская Прозерпина).

Афина (Минерва)

Согласно Р.Грейвсу, ее имя происходит от шумерского «anatha» («царица неба»). Другое имя этой богини, Паллада, по-гречески означает «девушка». Считалось, что она родилась необычным образом: Зевс страдал от ужасной головной боли, а потом Афина появилась из его головы уже совершенно взрослой и в полном боевом облачении.

Афина — покровительница города Афины, богиня мудрости,

изобретательница флейты, трубы, плуга, скребка, воловьего ярма, лошадиной уздечки, колесницы и корабля. Она создала числа и математику, а также поварское искусство, ткачество и прядение. Афина также считалась богиней справедливости. Она единственная из всех олимпийцев сумела победить Ареса в битве. Она — вечная девственница. Символом ее выступает сова, считающаяся птицей мудрости.

Гефест (Вулкан)

Его имя могло произойти от стяжения hemero-phaestos («тот, кто сияет днем»), Гефест — сын Зевса и муж Афродиты.

Изображавшийся уродливым и хромым, этот бог являлся изобретателем кузнечного ремесла и покровителем кузнецов. Его связывали с извержениями вулканов, что отражено в римском варианте его имени — Вулкан. И в наши дни процесс укрепления резины с помощью огня называется «вулканизацией».

Два божества Земли

Деметра (Церера)

Ее имя означает «ячменная мать». Она считается богиней земледелия и может являться пережитком древней богини-матери. От ее латинского имени, Церера, происходят английское слово «cereal» («хлебный злак») и испанское слово «cerveza» («пиво»). Эта богиня обеспечивает прорастание семян.

Дионис (Бахус, Вакх)

Его имя означает «хромое божество». Это бог вина, винограда и виноделия, а также покровитель театра. В храме Диониса в Элевсина проходили Элевсинские мистерии. Веселые попойки до сих пор зовутся «вакханалиями» — в честь римского праздника, посвященного этому божеству. От имени Дионис происходит современное мужское имя «Денис».

Включение Деметры и Диониса в список важнейших богов может многое сказать нам об образе жизни древних греков.

Хлеб и вино были основными компонентами в питании древних греков и римлян. В мифах можно прочесть о том, как некоторые герои пьянеют, выпив «неразбавленного» вина: обычно вино смешивали с водой, чтобы уменьшить его крепость для повседневного употребления. Этот обычай до сих пор сохранился в Испании и Франции.

Современный пантеон?

«...Несмотря на то что Запад номинально считается христианской областью, на практике получается, что нами правит нечестивая троица божеств: Плутон, бог богатства, Аполлон, бог науки, и Меркурий, бог воров. Еще более усугубляет положение вещей то, что эти трое постоянно враждуют между собой и завидуют друг другу. Меркурий и Плутон то и дело осыпают друг друга сквернословиями, Аполлон потрясает атомной бомбой, словно громовержец своим перуном: с тех пор как западные ученые в XVIII столетии провозгласили начало века Здравого Смысла, Аполлон занял пустующий трон Зевса (временно находящегося не у дел) и возглавил эту дьявольскую троицу».

Роберт Грейвс. «Белая богиня»

СКАНДИНАВСКИЙ ПАНТЕОН

Один (у германцев — Вотан)

Один — одноглазый верховный бог. Свой глаз он отдал в залог великану Мимиру, чтобы напиться из его колодца мудрости. Два ворона летают по всему миру, собирая сведения для Одина. Этого бога изображали мудрым и в целом справедливым.

Фрейр

Германский и скандинавский бог земледелия, торговли и мира. Современные немецкие слова «frei» и «Freiheit» и английские «free» и «freedom» («свободный», «свобода») связаны с именем этого божества.

Фрейя, Фрея

Сестра Фрейра, богиня красоты и любви.

Фригг

Германский или староанглийский вариант Фрейи; в то же время могла восприниматься в качестве отдельного божества. Скандинавская Фригг — жена Одина, не отождествлявшаяся с Фрейей.

Тир, Тиу

Бог войны. Он был более популярен среди германцев и англосаксов; в скандинавских мифах фигурирует не очень часто.

Локи (Логе у германцев)

Трикстер, обманщик, постоянно вредивший богам.

Хель

Дочь Локи, хозяйка подземного мира, где обитают мертвые. От ее имени происходят немецкое слово «Holle» и английское «hell» («ад»).

БОГИ ИНДИИ

Великое, единое и вечное божество индусов — Брахман, называемый «Божественным Я». Индуизм может принимать как монотеистические формы (большинство индусов в конечном счете воспринимают Брахмана как Бога с большой буквы или даже «великую силу», стоящую за Богом и всеми богами), так и политеистические (Брахман проявляет себя через множество аватар, или воплощений, которым и поклоняются верующие).

Тримурти — троица индийских богов — состоит из Брахмы (Творца), Вишну (Охранителя) и Шивы (Разрушителя). Эти три божества — лишь инкарнации вечного и абсолютного Брахмана. Это мужские божества, но у них есть и женские ипостаси — «шакти». Шакти Шивы — Махадеви (Великая богиня), которую также называют Джаган-Мата (Мать Мира). Некоторые секты в Индии поклоняются Махадеви как верховному божеству. Шакти Брахмы — Сарасвати, шакти Вишну — Лакшми. У каждой из этих трех шакти есть свои секты почитателей.

Два великих эпоса индусов — «Рамаяна» и «Махабхарата»; последняя обрела популярность в США благодаря современной постановке Питера Брука. Обе поэмы повествуют о том, как Вишну принимает человеческую форму, чтобы спасти человечество от гибели: в «Рамаяне» Вишну выступает под именем Рама, а в «Махабхарате» — Кришну.

Прочие божества индусов:

- Брихаспати, планета Юпитер, жрец богов.

- Индра, небесное божество.
- Варуна (санскритское имя, тесно связанное с греческим Ураном), глава раннего индуистского пантеона; его также называют Отцом Небес.
- Кубера, бог богатства.
- Рудра, бог грозы, а также аватара Шивы, разрушающего мир.
- Пушан, хранитель стад.
- три сына Шивы и его шакти Парвати:
  - Ганеша, весьма популярный бог мудрости со слоновьей головой (в Индии переворачивание статуэтки Ганеши вниз головой служит знаком закрытия магазина из-за банкротства).
  - Сканда (или Кумара), бог войны.
  - Камадева, бог любви, и его жена Рати («любовное желание»); Камадева буквально переводится как «бог любви», а древнее индийское сексуальное руководство называется «Камасутра» — «любовные стихи».

Сколько всего богов?

Из «Брихадараньяка-Упанишад» в переводе Макса Мюллера:

«И тогда Видагдха Саклайя спросил его: «Сколько всего богов, о Яджнавалкья?» Он же ответил таким нивидом [санскр. «нивид» — «высказывание»]: «Столько, сколько названо в нивиде гимна из молитвы, обращенной к Вишведевам [всем богам] ... тридцать и три сотни, тридцать и три тысячи».

«Да, — сказал он и снова спросил: Сколько же богов существует в действительности, о Яджнавалкья?»

«Тридцать три», — ответил он.

«Да, — сказал он и снова спросил: Сколько же богов существует в действительности, о Яджнавалкья?»

«Шесть», — ответил он.

«Да, — сказал он и снова спросил: Сколько же богов существует в действительности, о Яджнавалкья?»

«Три», — ответил он.

«Да, — сказал он и снова спросил: Сколько же богов существует в действительности, о Яджнавалкья?»

«Два», — ответил он.

«Да, — сказал он и снова спросил: Сколько же богов существует в действительности, о Яджнавалкья?»

«Один», — ответил он.

ЕГИПЕТСКИЙ ПАНТЕОН

Эннеада

Слово «ennea» по-гречески означает «девять», и главных египетских божеств действительно девять. Ра, верховное божество и бог Солнца, возникает из водной бездны и творит мир. Его дети — Шу, бог воздуха и жизненный дух, и Тефнут («влага»), богиня мирового порядка. Дети Шу и Тефнут — Геб, бог Земли, и Нут, жена Геба, богиня Неба. Нут, в свою очередь, рождает Озириса и Изиду, которые тоже становятся мужем и женой, и Сета с Нефтидой, также составивших супружескую пару.

Озирис, история которого приводится в этой книге позднее, — это бог мертвых. Изида — богиня мудрости и красоты. Сет — злое божество пустыни, а Нефтида — богиня сумерек. Озирис и Изида произвели на свет Гора — покровителя царствующего фараона.

Прочие боги египтян:

- Баст, богиня-кошка, покровительница любви и «женских» вещей и занятий.
- Хатхор, богиня мести, «Око» Ра.
- Маат, богиня справедливости.
- Эрнутет, покровительница рожениц.

ГАВАЙСКИЙ ПАНТЕОН

Полинезийцы (в том числе гавайцы, таитяне, маори и другие народы) подразделяют все силы, действующие во Вселенной, на «Ао» (мужская сила, день, небо) и «По» (женский принцип, ночь, земля). Бога Ао зовут Ку, что значит «подниматься», «выпрямляться»; с ним ассоциируются Солнце и фаллос. Богиню По зовут Хина, что значит «опускаться», «склоняться»; с ней связывают заходящее Солнце. Ку молятся, обратившись лицом к востоку, а Хине — лицом к западу.

Ку является покровителем земледелия; к нему также обращаются рыбаки с просьбами о богатом улове. Хина — владычица подземного мира и покровительница женщин. Ку и Хина породили других богов:

- Пеле, богиня вулканов.
- Каналоа, бог моря, целительства и путешественников.
- Мауи, трикстер, сын Каналоа.
- Лоно, божество земледелия.

АЦТЕКСКИЙ ПАНТЕОН

- Онтеотль, вечное и верховное божество, стоящее над всеми богами.
- Тлалок, бог дождя и предводитель духов дождя, живущий на вершинах гор.
- Эекатль, бог ветров, ипостась Кецалькоатля — пернатого змея, бога-героя ацтеков.
- Шипе-Тотек, бог весны.
- Шочипилли, бог цветов.
- Тласольтеотль, богиня любовного желания; любопытно, что именно к ней обращались, исповедуясь в прегрешениях.

- Уицилопочтли, бог неба и покровитель воинов.

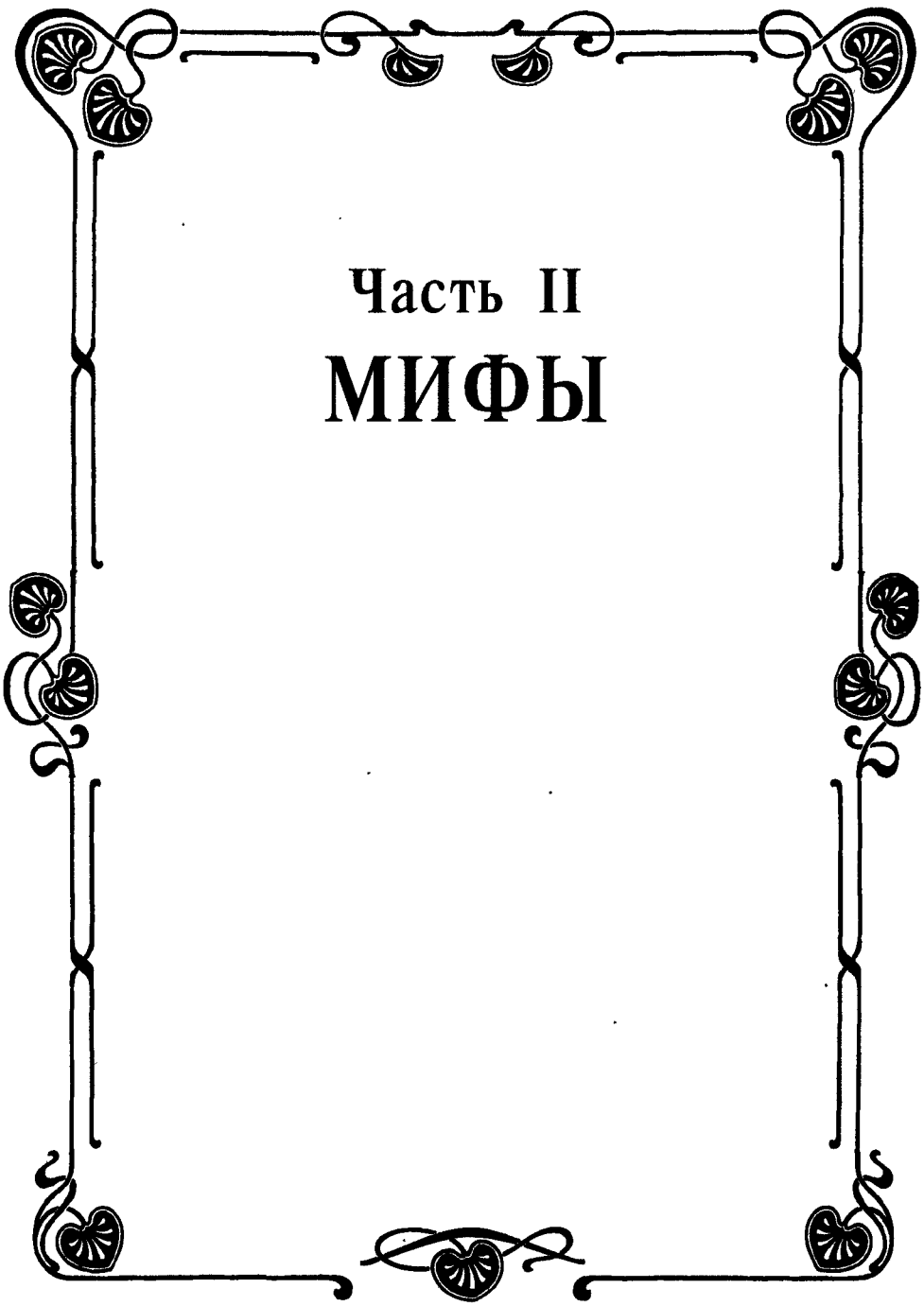
Более мелкие божества

- Тетеоиннан, мать богов; Коатликуэ, «она в платье из змей»; Чикуакоатль, «змея-женщина»; и Ицпапаотль, «обсидиановая бабочка», — богини плодородия и деторождения.

- Хуэхуэтеотль, бог огня.

- Кентеотль, бог маиса.

- Ометочтли, бог пьянства.

- Чальчиутликуэ, «она в одежде из нефрита», богиня пресной воды, и ее сестра Уишточикуатль, богиня соленой воды и океана.

Часть II
МИФЫ

Начало. Мифы творения.

When Science from Creator's face
Enchantment's veil withdraws
What lovely visions yield their place
To cold material laws.

—

Когда Наука с лика Творца
Отдергивает вуаль волшебства, —
Что за чудные видения уступают место
Холодным законам природы!

Томас Кэмпбелл,
шотландский поэт-романтик.
«К радуге»

МИФЫ ТВОРЕНИЯ В ИНДИИ

В НАЧАЛЕ БЫЛО НИЧТО

Классический гимн «Насадийя», или «Было ничто», содержащийся в древних индийских писаниях — Ригведе:

«Тогда не было ни несуществования, ни существования; не было ни царства пространства, ни неба, что лежит за его пределами. Что пришло в движение? Где? По чьему повелению? Были ли бездонно глубокие воды? Тогда не было ни смерти, ни

бессмертия. Не было признаков ночи и дня. Так Единый дышал, не поднимая ветра, по собственному своему побуждению. Кроме этого, не было ничего. В начале тьма была скрыта во тьме; и все это было водою без границ. Жизненная сила была покрыта пустотой, и Единый взволновал ее силою жара. И пришло к Единому желание; и это было первое семя разума. Мудрые поэты ищут в своих сердцах узы существования в несуществовании. Был ли тогда низ? Был ли тогда верх? Тогда были сеятели; тогда были силы. Тогда было побуждение снизу; тогда было возвещение сверху. Кто знает, как было в действительности? Кто заявит об этом здесь? Когда это началось? Когда произошло творение? Боги пришли после, когда Вселенная была создана. Так кто же знает, когда она поднялась из вод? Когда началось творение — быть может, оно само сотворило себя, а быть может, и нет — тот, кто смотрит на нее сверху вниз, тот, кто на высочайшем из небес, только он это знает — а быть может, не знает и он.

МЫСЛИ БРАХМЫ

Этот миф содержится в «Брахаманда Пуране», одном из древнейших индийских писаний. Брахма–Творец создает различные виды тел и трех изначальных субстанций: тьмы (тамас), энергии (раджас) и добра (сатва).

Брахма много, много раз создавал мир вновь и вновь. Никто не знает, сколько миров существовало до нашего и сколько будет после него. Четыре эры, или юги, составляют вместе одну кальпу (эон). В конце каждой кальпы мир разрушается и возвращается в состояние водного хаоса.

Когда Брахма медитировал, из его ума начали возникать существа. Он принял тело, созданное из тьмы, и из его заднего прохода вышли ветры — так родились демоны. Затем Брахма отверг это тело из тьмы, и отвергнутое тело стало ночью.

Затем он принял новое тело, созданное по большей части

из добра и света. Из его уст вышли сияющие боги — дэвы. Он отбросил и это тело, которое стало днем. И сейчас люди посещают храмы и поклоняются богам именно днем, а не ночью.

Потом Брахма взял третье тело, которое целиком состояло из сатвы [добра]. У Брахмы родились прекраснейшие мысли об отцах и сыновья, матерях и дочерях, и так возникли «духи предков». Эти духи появляются в сумерках, на рассвете и на закате, когда встречаются ночь и день.

Затем Брахма отбросил и это тело и принял четвертое, состоявшее из энергии, которая изошла из его разума. Мысли этого тела сотворили людей, мыслящих существ. Брахма отбросил прочь и это тело, и оно стало Луной. И по сей день люди при лунном свете танцуют, поют и занимаются любовью.

После этого Брахма сделал несколько странную вещь: он принял пятое тело, состоявшее из энергии и тьмы, и породил ужасные создания, которые желали пожрать первобытный океан хаоса; это были великаны и чудовища.

Это последнее творение настолько расстроило Брахму, что он от горя потерял все волосы на голове. Эти волосы превратились в существ, ползающих на брюхе, — змей и прочих рептилий. Они прячутся в сырых и темных местах, в болотах, под камнями и скалами.

Но Брахма продолжал переживать из-за того, что создал чудовищ, и из его мрачных мыслей родились ужасные Гандхарвы-упыри.

Наконец, Брахме удалось взять себя в руки, и он снова обратился к приятным помыслам. Он припомнил мирные и счастливые времена своей молодости. Он был счастлив, и из этого счастья родились птицы. А затем из тела Брахмы возникли новые творения: звери, растения и другие формы жизни.

Все качества, которыми сейчас наделены живые существа, происходят из мыслей Брахмы и пребывают неизменными, пока существует этот мир.

БРАХМА ОДИНОК

Этот древнейший миф взят из «Брихадараньяка-Упанишад», датирующихся примерно 1500 г. до н.э. (пер. Макса Мюллера).

Вначале не было ничего, кроме Великого Я, Брахмана. Иными словами, существовал лишь Брахман. И когда люди приносят жертвы тому или иному богу или богине, в действительности они поклоняются только Брахману. Ведь он стоит за всеми вещами в этом мире.

Итак, Брахман огляделся по сторонам и никого не увидел. И он почувствовал страх. Чего он испугался? Ведь ничего, кроме него, не было! Брахман был совершенно одинок, а чтобы бояться, надо, чтобы было чего бояться. Но Брахман был одинок. И в наши дни встречаются одинокие люди, чей единственный спутник — страх, даже если им некого бояться.

Тогда Брахман принял форму Брахмы, Творца. Брахма не обрадовался: чему можно радоваться в одиночестве? Ему был нужен кто-то, с кем он мог бы общаться. И тогда силой мысли он разделил свое временное тело на две половины, подобно тому, как расщепляется скорлупа устрицы. Одна половина была мужской, другая — женской. Они взглянули друг на друга с любовью. И с тех пор счастливые супруги — словно две половины единого существа, и в обеих живет Брахма. Итак, Брахма понял, что этим первым людям нужен огонь, чтобы жить безбедно. И Брахма достал огонь из своего рта. Этот огонь спалил волосы, которые росли у него во рту. И с тех пор волосы растут на щеках только снаружи.

Мужчина и женщина взглянули друг на друга и, узнав, что они — две половины единого существа, они соединились и полюбили друг друга. Так было положено начало роду человеческому.

Но женщина подумала: «Как мы можем любить друг друга, если мы — части одного существа?» И она попыталась убежать от мужчины, превратившись в корову. Но мужчина превратился в быка, и они положили начало всему домашнему скоту. Затем женщина превратилась в кобылу; мужчина же стал жеребцом, и они зачали жеребенка. Так продолжалось до тех пор, пока не было создано мельчайшее из живых существ. Почему женщина пыталась избежать мужчины? Женщины до сих пор таковы: они часто играют с мужчинами, и мужчине нередко приходится измениться, чтобы завоевать сердце женщины.

Итак, все живые существа, населяющие Землю, были созданы посредством деяния Брахмы, который дал им всем имена и разделил на мужской и женский пол. Брахма живет в каждом существе, ибо все они возникли из него.

ИРАНСКИЙ МИФ О ТВОРЕНИИ МИРА

До появления ислама религией Ирана был зороастризм — вера, основанная на учении пророка Зороастра. В настоящее время во всем мире насчитывается около 100 000 зороастрийцев (преимущественно в Индии и в парсийской общине Великобритании, а также в Иране, где они в свое время подвергались жесточайшим преследованиям).

Отличительное свойство зороастрийской религии — ее дуализм: благой бог Ормузд непрестанно воюет со злым божеством Ахриманом. В конце концов добро победит, но лишь после долгой и упорной борьбы, которая отражена в мифе о творении мира.

Ормузд — Мудрый Господь, вечный и всеведущий источник всего добра. Его противоположность и враг всего живого — Ахриман, источник страданий, греха и смерти. Ормузд, будучи всеведущим, знал о существовании Ахримана еще до того, как был сотворен мир. А его злобный противник не знал о существовании Мудрого Господа: ведь зло и невежество идут рука об руку.

Ормузд начал творить мир, пролив частицу своего чистого света в необъятную бездну космоса, отделявшую его от Ахримана. Ахриман был так потрясен, что при первом же проблеске этого света объявил войну всему творению. Ормузд убеждал Ахримана, что нет нужды ни в какой войне, что все будет хорошо. Но, как и все злые существа, Ахриман был подозрителен; он подумал, что Мудрый Господь пытается задобрить его, потому что слаб. И Ахриман продолжал бороться против творения.

Тогда Ормузд начал читать священный стих. Было достаточно одного-единственного слова из этого стиха, чтобы оглушенный Ахриман провалился в ад и пребывал там в течение трех тысяч лет. Это позволило Ормузду некоторое время беспрепятственно трудиться над сотворением мира.

Первым делом Ормузд создал себе Вечных Спутников, Бессмертных — Амеша Спента. Они являются персонификацией принципов деятельного добра. Это Воху Мана (Благая Мысль), Аша (Истина), Сраоша (Послушание), Армаити (Преданность) и

близнецы Хаурват (Целостность) и Амертат (Бессмертие). Шестеро Амеша Спента называются «детьми Господа».

Затем Мудрый Господь сотворил прекрасных и милосердных язатов — ангелов. Они стали вестниками Ормузда и воинами, защищающими добро. В опасные и тяжелые времена язаты впоследствии охотно помогали людям, когда их призывали на помощь. (После того как Ахриман освободился из ада, он создал злых ангелов, вступивших в борьбу с язатами. Эти демоны существуют ради единственной цели: приносить людям несчастья.)

Ормузд — это бесплотный дух. Тем не менее у него есть мужской и женский аспекты. Создавая наши физические тела, он выступает в качестве Отца. Создавая духовное начало в людях, он проявляется как Мать.

Ормузд сотворил все живые существа, и поскольку он по сути своей — свет, то всем существам для жизни нужен свет. Последними творениями Ормузда стали Гайомарт, первый человек, и его бык. Поскольку они вышли непосредственно из рук Мудрого Господа, Гайомарт сиял, подобно Солнцу, а бык светился, подобно Луне. Гайомарт и его бык жили мирно и спокойно тридцать лет, а потом Ахриман наконец вырвался из ада и немедленно начал создавать демонов, мух, паразитов, болезни и прочие нехорошие вещи. Иногда Ахримана называют «повелителем мух», поскольку эти насекомые роятся вокруг нечистот и разлагающихся трупов.

Одна из жестоких прислужниц Ахримана, демоница по имени Йохи, пожелала, чтобы Гайомарт и его бык претерпели страдания и умерли. Йохи — это персонификация зла в женском облике. От нее пошли блуд, тщеславие, сплетни, склоки и другие отрицательные качества, свойственные женщинам. Это не значит, что женщины сами по себе злы: ведь они — творения Ормузда, и даже могут превосходить мужчин по своим моральным качествам.

Йохи удалось сделать так, что бык заболел, и она переключила усилия на Гайомарта. Гайомарт не испытывал к ней любовного влечения и сперва не обращал на нее никакого внимания. Это еще больше разозлило Йохи. Она насылала на быка все новые и новые ужасные болезни, и бык начал умирать. Мудрый Господь дал быку пожевать марихуаны, чтобы облегчить его страдания. И тогда бык умер.

И Гайомарт тоже смертельно заболел. Когда он умер, его сияющее тело распалось, образовав золото и серебро. Из его спермы проросло крошечное растение, пустившее мужской и женский побеги. Затем это растение превратилось в огромное дерево, на котором как плоды, висело десять человеческих рас. Дерево разделилось, и мужская его часть стала мужчиной по имени Машйя, а женская — его женой по имени Машйана.

Мудрый Господь любил Машйю и Машйану и снабжал их всем необходимым, чтобы они не трудились и не страдали. Ормузд говорил с ними напрямую и открыл им историю их родителя Гайомарта. Они узнали о том, как Гайомарт был предан Мудрому Господу, несмотря на все трудности и мучения. Ахриман возненавидел Машйю и Машйану и решил обмануть их.

И вот однажды люди, еще не познавшие зла, начали говорить между собой, что их сотворил не Мудрый Господь, а Ахриман. Это был первый грех — грех лжи. И, как это всегда бывает, за этим грехом последовали другие. Первая ложь стала причиной всех грехов человечества. Услышав эту ложь, Ормузд спустился на землю и сказал Машйе и Машйане, что отныне им придется трудиться, чтобы выжить. Они должны будут возносить молитвы и приносить жертвы только Мудрому Господу, иначе они лишатся его покровительства и будут уничтожены Ахриманом. Ормузд также научил их, как заниматься любовью, чтобы продолжить человеческий род.

Но Ахриман и Йохи были решительно настроены помешать творению, и они отняли у Машйи и Машйаны любовное желание на целых пятьдесят лет. А когда Машйя и Машйана наконец смогли породить детей, демоны сожрали первую человеческую пару. Мудрый Господь спас человечество, отняв у детей сладость, и они стали такими же, как обычные дети в наши дни.

Ормузд любит род человеческий и хочет, чтобы он выжил. Он нуждается в помощи людей, чтобы победить Ахримана. И наоборот, если бы Мудрый Господь не помогал людям, Ахриман уничтожил бы человечество. Но, в конце концов, победа добра неизбежна.

* * *

«В наши дни совершенно очевидно, что МЫ — на стороне света. ОНИ — на стороне Тьмы. И, будучи на стороне тьмы, ОНИ заслуживают наказания и должны

быть уничтожены (ибо НАШЕ божественное правосудие оправдывает все) самыми жестокими способами, какие только есть в нашем распоряжении. Идолопоклонствуя самим себе, как Ормузду, и считая тех, кто не с нами, Ахриманом, Воплощенным Злом, мы, люди двадцатого века, делаем все, чтобы обеспечить триумф дьявольских сил».

Олдос Хаксли. «Дьяволы Лоудуна»

СКАНДИНАВСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ

Германские мифы были известны среди народов, которые были предками современных немцев, скандинавов, голландцев и англичан. Поскольку из этих народов скандинавы были обращены в христианство позже всех, скандинавские мифы просуществовали дольше остальных. Дольше всего они сохранялись в Исландии, откуда происходит эпос «Старшая Эдда», содержащий миф о творении мира.

Давным-давно не было ни неба наверху, ни земли внизу, и лишь огромная бездна простиралась повсюду, окутанная туманом. Где-то в этой бездне забил источник, из которого потекли во все стороны двенадцать рек, подобно спицам от колеса. В удалении от источника реки замерзли и покрылись льдом.

К югу от туманного мира был мир огня. Однажды с юга подул теплый ветер, и лед начал таять. Теплый воздух смешался с холодным, и появились облака. Из облаков возникли снежный великан Имир и корова Аудумбла, молоком которой питался великан. Когда лед таял, сверху выступала соль, и Аудумбла лизала эту соль. Она лизала и лизала, и из-под ледяной корки постепенно появлялся человек. В первый день показались волосы; во второй день — голова и плечи. На третий день появилось все тело. Это был первый бог, отец Одина, Вили и Ве.

Эти три молодые бога убили Имира, и его соленая кровь растеклась повсюду, образовав моря (ведь Имир питался молоком коровы, которая лизала соль, выступавшую на льду). Кости Имира стали горами, а плоть — землей. Из его волос возникли

все растения. Среди них были Аск-ясень и Эмбла-вяз. Один сделал из ясеня мужчину, а из вяза — женщину. От Одина люди получили жизнь и душу. Вили дал им разум и способность двигаться, а Ве научил их говорить.

Один обустроил мир, отделив тьму от света, сотворив ночь и день. Один создал Мидгард — Срединную Землю* и поселил там человечество. Он создал и Асгард, жилище богов. Вселенную поддерживает могучий ясень Иггдрасиль. Один из корней ясеня находится в Асгарде, другой — в Мидгарде, а третий — под землей, где обитают души умерших и властвует ужасная Хель.

Великан Имир не погиб окончательно: часть его тела до сих пор жива и спит у основания великого ясеня Иггдрасиль. Когда он ворочается во сне, происходят землетрясения.

Скандинавский миф о сотворении человека из ясеня и его параллель в мифологии североамериканских индейцев

Скандинавский миф о сотворении человека из ясеня часто сопоставляют с похожими мифами у народов Северной Америки. Многие авторы пытались обнаружить влияние викингов на индейцев племени алгонкин.

Льюис Спенсер (1874—1955) в своей книге «Мифы североамериканских индейцев» пишет о возможных скандинавских влияниях:

> «Но несмотря на то, что Мальсум [персонаж алгонкинского мифа] был убит, он впоследствии появляется в мифах алгонкинов как Локс, или Локи, предводитель волков, коварный и беспокойный дух. Чарльз Годфри Леланд в своем описании алгонкинской мифологии утверждает, что общая [североамериканская] система была значительно усложнена благодаря влиянию скандинавской мифологии, прошедшей через эскимосов. И хотя эта теория представляется маловероятной, все же между двумя этими системами много общего, как мы увидим позднее, и в частности тот потрясающий факт, что и у скандинавов, и у алгонкинов предводитель злых сил носит одно и то же имя [Локи].

---

* Ср. Средиземье у Дж. Р. Р. Толкиена («Властелин колец»).

Когда Глускэп завершил творение мира, он сотворил человека и маленькие создания вроде фей и гномов. Он сделал человека из ствола ясеневого дерева, а эльфов — из его коры. Подобно Одину, он повелел двум птицам приносить себе известия со всего мира...»

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Мифы творения эпохи матриархата

ЭВРИНОМА И ОФИОН

В начале был Хаос и тьма. Хаос был огромным просторным морем, в котором смешались между собой все элементы без форм. Из этого моря поднялась Эврином а (греч. «носящая доброе имя»), Великая Богиня всего сущего. Она возникла из волн обнаженной и начала танцевать на поверхности вод, ибо еще не было твердой земли, на которую она могла бы опереться. Внезапно подул северный ветер и закружил ее.

Говорят, что северный ветер нес в себе чудесную плодородную силу, и Эврином а, закружившись, вдохнула этот ветер. Великий водяной змей, Офион, увидел танцующую Эвриному и преисполнился желанием. Он полюбил ее и тут же соединился с ней. Тогда Эврином а приняла образ птицы и произвела на свет великое вселенское яйцо. Офион обвил свой хвост вокруг этого яйца и сжимал его, пока оно не треснуло, освободив живые существа, которые распространились по всему миру. Эврином а любила Офиона, и они поселились на горе Олимп, в жилище богов.

Однако Офион стал назойливым и несносным, он постоянно твердил, будто бы именно он произвел на свет все живое. Эврином а устала от него и «поразила его пятой в голову» [ср. подобную фразу в мифе о сотворении мира из библейской Книги Бытия: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт., 3:15).]. И Офион был сброшен в темные области земли.

ГЕЯ И УРАН

Гея, Мать-Земля, возникла из Хаоса и во сне родила сына Урана (чье имя означает «небо», «небеса»). Уран, поднявшись на отведенное ему место в небесах, излил свою благодарность на мать в образе дождя, который оплодотворил землю, и дремавшие в ней дотоле семена пробудились к жизни.

Патриархальный миф творения

РОЖДЕНИЕ БОГОВ

В начале не было ничего, кроме Геи (Земли) и великого моря Хаоса. Из Хаоса возникли ночь и Эреб (тьма). Из ночи возникли «эфир» — верхние слои воздуха — и день. Земля породила море, а затем великий Океан и других детей, в том числе Титанов: Гипериона (Солнце, «идущее наверху»)*, Рею, Мнемозину («память»), Фебу (Луну, «сияющую») и, наконец, Кроноса. Отцом детей Геи-Земли был Уран (Небо).

Уран завидовал той любви, которую Гея питала к своим детям, и задумал уничтожить их. Сперва он заточил их внутри нее, в подземной пещере. Гея страдала от этого, дети ее росли и причиняли ей ужасные муки. Младший из ее детей, Кронос, решил отомстить жестокому отцу. Гея впустила Кроноса в свою постель и дала ему серп. Когда Уран вошел к Гее, чтобы возлечь с ней, Кронос оскопил своего отца и выбросил отсеченные части его тела в море; из них родилась Афродита, богиня любви, вышедшая на берег из морской пены, оплодотворенной семенем Урана.

Кровь Урана пролилась на землю, породив Фурий, мстящих тем, кто нарушает справедливость.

Кронос стал верховным божеством и взял в жены Рею. У них родились дети: Гестия (богиня домашнего очага), Деметра (богиня земледелия), Гера (богиня деторождения), Аид (бог подземного мира), Посейдон (бог моря) и, последним, Зевс. Кронос, опасавшийся, что дети вырастут и свергнут его, проглатывал их всех при рождении; спасся только Зевс, которого Рея спрятала

---

* Гипериона впоследствии заменил Гелиос («Солнце»), а еще позднее Солнце представлялось в образе колесницы Аполлона.

на острове Крит. Она обманула Кроноса, дав ему проглотить вместо Зевса камень, завернутый в пеленки. Подобно своей матери, Рея сговорилась со своим сыном, чтобы отомстить жестокому отцу. Рея знала, что Зевс свергнет отца и сам станет владыкой богов.

Зевс вырос в пещере на острове Крит. Он питался молоком козы Амалфеи и медом диких пчел. Через несколько лет он уже стал взрослым. Он явился к Кроносу и заставил его выплюнуть всех проглоченных детей и даже камень. Этот камень Зевс поместил в Дельфах, где находился оракул бога Аполлона. Кронос был оскоплен и низвергнут в подземную область. Еще десять лет Зевс со своими братьями сражался с Титанами за власть над миром. Наконец, Титаны были побеждены, и Зевс со своими сторонниками поселился на горе Олимп и стал владыкой богов.

АФРИКАНСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Йоруба (Западная Африка)

В начале мир был бесформенным водным Хаосом; не было ни суши, ни моря, а лишь сплошное бесплодное болото. Над ним, в небесах, обитало Верховное Существо, Олорун, а с ним и другие боги, в том числе Ориша Нла, называемый Великим Богом. Олорун призвал к себе Ориша Нла и повелел ему сотворить мир. Настало время создать твердую почву, и Олорун вручил для этого Ориша Нла скорлупу улитки, наполненную волшебной землей, голубя и курицу с пятью пальцами. Ориша Нла спустился в Хаос и принялся обустраивать его. Он бросил волшебную землю в маленькую ямку. Голубь и курица начали рыться в волшебной земле и рылись до тех пор, пока суша окончательно не отделилась от моря.

Когда Ориша Нла вернулся к Олоруну, чтобы отчитаться о проделанной работе, Олорун послал хамелеона на проверку. Хамелеон сообщил, что дела идут хорошо, и Олорун, довольный работой Ориша Нла, послал его довершить свои труды. Первое место, возникшее на земле, известно под названием Ифе, что на языке йоруба означает «широкое». Потом к нему добавилось Иле, означающее «дом». В наши дни город Ифе-Иле считается у народа йоруба самым священным.

Сотворение земли продолжалось четыре дня. На пятый день Ориша Нла отдыхал от своих трудов. Йоруба обычно работают четыря дня подряд, а на пятый отдыхают в память о сотворении мира.

Ориша Нла снова вернулся на землю, чтобы посадить деревья, в том числе первую масличную пальму. Олорун пролил с небес дождь, чтобы напоить семена, и вырос огромный лес.

На небесах Олорун начал творить первых людей. Ориша Нла вылепил их формы из земли, но вдохнуть в них жизнь мог только Олорун, Верховное Существо. Ориша Нла спрятался в мастерской Олоруна, чтобы подсмотреть, как это будет происходить. Но Олорун узнал об этом и погрузил Ориша Нла в глубокий сон; так что только Олорун знает тайну оживления тела. И по сей день Ориша Нла делает новые человеческие тела посредством отца и матери будущего новорожденного, но вдыхает жизнь в них именно Олорун.

Мадагаскар

ТРИ ЧЕЛОВЕКА И СТАТУЯ

Творец создал двух мужчин и женщину, и каждый из них скитался по земле в одиночестве, не зная, что существуют другие люди. Первый мужчина был одинок и вырезал из дерева статую прекрасной девушки. Второй мужчина случайно проходил мимо, увидел статую и влюбился в нее. Но его поразила нагота статуи, и он покрыл ее прекрасными цветами. Позже мимо прошла женщина, которая тоже была одинока. Она взяла статую с собой, отнесла к себе домой и попросила Творца, чтобы он вдохнул в нее жизнь. Женщина положила статую на ночь с собой в постель, а когда она проснулась, статуя уже превратилась в живую девушку.

Двое мужчин отправились на поиски статуи. Когда, наконец, трое людей повстречались, они принялись спорить. Женщина не хотела отдавать мужчинам девушку, в которую превратилась статуя. Но тут в их спор вмешался Творец.

Он объявил, что первый мужчина, который сделал статую, был отцом девушки. Женщина, которая взяла ее к себе домой, была ее матерью. Мужчина же, который одел статую и влюбился

в нее, должен был стать мужем девушки. И от этих двух супружеских пар произошли все люди.

Мадагаскар

Творец увидел, что его дочь, Мать-Земля, лепит из глины маленьких кукол, и Творцу стало интересно. Он заговорил об этих куклах со своей дочерью и вдохнул в них жизнь; так возникли живые люди.

Шло время, и люди плодились и процветали. Они воздавали хвалу Матери-Земле, но забыли о Творце. Творец сказал дочери, что ей не следовало принимать все жертвы, которые приносили ей люди, и не делиться с ним. Чтобы возместить свои потери, Творец отобрал души у половины людей, а остальных оставил в живых. Но он был терпелив, и почти все души, которые он взял, принадлежали старикам. Поскольку именно Творец дал людям души, он вправе отобрать их обратно; а Мать-Земля сделала их тела, поэтому после смерти тела людей возвращаются в землю.

ЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

ВОДНАЯ БЕЗДНА

Перед тем как возник Великий Ра, бог-Солнце, был его отец — Водная Бездна. Ра появился из Водной Бездны, а потом из его уст вышли все живые существа. Сперва Ра выдохнул первый воздух (Шу), затем — первую влагу (Тефнут). Так возникли бог воздуха Шу, обладавший жизненной силой, и его супруга Тефнут, сотворившая мировой порядок. Из воздуха и влаги Ра создал Око Ра, богиню Хатхор, чтобы видеть, что он творит. Когда у Ра появилось око, он начал плакать. Из его слез возникли люди.

Хатхор, Око Ра, сердилась из-за того, что она существовала отдельно от тела Ра. Тогда Ра подыскал для нее место у себя на лбу. После этого Ра создал змей, а из них уже возникли все прочие существа.

Мемфисский миф творения

ЭННЕАДА

Мемфис был религиозным и теологическим центром Древнего Египта. Приводящийся ниже миф происходит из этого города. Текст датируется примерно 2700 г. до н.э. и дается в переводе Джона Э.Уилсона (в кн. «Ближний Восток в древности»).

«Нечто возникло к бытию в виде сердца и в виде языка в форме Атума. Могущественный Птах передал [жизнь всем богам], а также их ка [душам], через сердце, благодаря которому Гор стал Птахом, и через язык, благодаря которому Тот [бог мудрости] стал Птахом.

Так и случилось, что сердце и язык получили власть над [всеми другими] членами тела, ибо он учит, что он есть в каждом теле и в устах всех богов, всех людей, домашнего скота и ползучих тварей и [всего], что живет; ибо он думает и приказывает делать все, что он пожелает.

Его Эннеада [девятка верховных божеств] перед ним [в форме] зубов и губ. Это [то же самое, что] семя и руки Атума. Однако Эннеада Птаха — в его зубах и губах в этих устах, которые произнесли имена всего, из которых вышли Шу и Тефнут и которые образовали Эннеаду.

То, что видят глаза, то, что слышат уши, то, что чует нос, они передают сердцу. Именно это — причина проявления каждого завершенного [понятия], и язык объявляет то, что мыслит сердце.

Так были созданы все боги, и его Эннеада была завершена. Поистине весь божественный порядок обрел существование благодаря тому, что мыслит сердце и что велит язык. Так были созданы этой речью духика и назначены пуки-хемсут, те, кто создает всю пищу и все питание. [Так справедливость была дана] тому, кто делает то, что желательно, [и несправедливость] тому, кто поступает нежелательно. Так жизнь была дана тому, у кого есть спокойствие, и смерть — тому,

у кого есть грех. Так были созданы все труды и ремесла, деяние рук, движение ног и подвижность каждого члена, в соответствии с [этим] повелением, которое помыслило сердце, которое было явлено через язык и которое всему дает свою цену.

Так и случилось, что о Птахе было сказано: «Он, кто сотворил все и даровал жизнь богам». Поистине он — Та-танен, который даровал жизнь всем богам, ибо все произошло из него, питание и пища, жертвы богам и всякая добрая вещь. Так и было открыто и понято, что его сила больше, чем [у всех других] богов. И Птах был доволен, сотворив все и создав божественный порядок. Он создал богов, он сделал города... он поместил богов в их святилища и установил для них жертвоприношения... он сотворил их тела такими, [какими] удовлетворились их сердца. И боги вошли в свои тела, созданные из всех [видов] дерева, из всех [видов] камня, из всех [видов] глины и изо всех, что могло вырасти над ним, в чем они приняли форму. И все боги и их ка собрались вокруг него, довольные, и соединились с Господином Двух Земель [Верхнего и Нижнего Египта]».

ФИНСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ

Источник мифа — «Калевала», финский национальный эпос.

Илма была богиней воздуха. У нее была дочь-девственница по имени Луоннатар, обитавшая в звездах. Луоннатар почувствовала одиночество и спустилась вниз, к первозданному морю, где она плавала семь сотен лет, не находя места для отдыха.

Потом она встретила селезня, летавшего в поисках места для гнезда*. Не найдя ничего в огромном море, он опустился на колено Луоннатар и свил гнездо. Селезень отложил яйца в гнездо и высиживал их три дня.

---

* Читая мифы творения североамериканских индейцев, мы снова встретим мотив утки и первозданного моря

Луоннатар было очень больно: гнездо селезня обжигало кожу ее колена. И она перевернула гнездо, и яйца упали в море. Но воды первозданного моря были плодородны, и яйца, упав в них, изменили форму. Желток яйца стал Солнцем, а белок — Луной. Пятна на скорлупе превратились в звезды, а черные крапинки — в облака.

КИТАЙСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ

Хаос был подобен куриному яйцу. Половинки яйца разделились на Инь и Ян, мужскую и женскую субстанцию всех вещей. Более легкие частицы собрались вверху, образовав небеса, а более тяжелые опустились вниз и стали землей и морем. Из этого яйца также вышел великан Паньгу.

Паньгу рос в течение восемнадцати тысяч лет, увеличиваясь каждый день на десять футов, и наконец его рост стал равен расстоянию между землей и небом. Тогда Паньгу умер.

Когда он умер, тело его разложилось. Из желудка образовались срединные горы; глаза превратились в Солнце и Луну; его слезы стали реками, дыхание — ветром, а кости — металлами и камнями. Из семени Паньгу возникли жемчужины, а из костного мозга — нефрит.

ЯПОНСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ

Источник мифа — «Койики», мифическая история Японии и генеалогия первых императоров.

Вначале не было ничего, кроме бескрайнего маслянистого моря Хаоса, в котором были перемешаны все элементы. В небесах обитало три духа, или «ками», которые взглянули на это море и решили, что следует сотворить мир. Духи породили множество богов и богинь, в том числе Идзанаки («мужчину, который приглашает») и Идзанами («женщину, которая приглашает»). Идзанаки вручили волшебное копье, украшенное драгоценными камнями.

Идзанаки и Идзанами опустились с небес. Идзанаки погрузил

копье в море и начал вращать его. Когда он вытащил копье обратно, на кончике его собралось несколько капель. Упав обратно в море, капли образовали остров.

Тогда Идзанаки спросил Идзанами, на что похоже ее тело. Идзанами ответила, что ее тело очень красиво, но между ног у нее находится странное место, где кожа не срослась вместе. Идзанаки стало это интересно: ведь у него между ног плоть выдавалась вперед. Идзанаки и Идзанами решили соединиться этими частями, и тогда Идзанами зачала множество чудесных вещей.

Первое существо, которое они зачали, разочаровало их: это была пиявка. Они положили ее в тростниковую корзину и пустили плыть по воде. И по сей день пиявки обитают в тростниках. Затем Идзанами произвела на свет остров — Пенный Остров, который был бесполезен. Но еще немного постаравшись, Идзанаки и Идзанами смогли породить острова Японии, водопады, горы и другие чудеса природы. Потом Идзанами родила Пятерых Духов, которые очень сильно обожгли ее тело, от чего она тяжело заболела. Ее рвота превратилась в князя и княгиню Гор Металла, от которых произошли все рудники. Ее испражнения стали глиной, а моча — духом Пресной Воды.

Идзанами умирала. Когда она наконец спустилась в Страну Ночи, Идзанаки плакал горькими слезами. Он умолял ее вернуться, но Идзанами ответила, что не может уйти оттуда, ибо вкусила пищи в Стране Ночи. Тогда Идзанаки отправился в Страну Ночи, чтобы выручить свою жену. Но, увидев ее, он испугался: Идзанами уже начала разлагаться. Идзанаки был так устрашен ее видом, что убежал. Идзанами же послала следом за ним уродливого Духа Ночи, чтобы задержать его и вернуть.

Идзанаки продолжал бежать, охваченный ужасом и отвращением, прочь из Страны Ночи. Убегая, он бросил на землю гребень из правой стороны прически, и гребень превратился в виноградные лозы. Потом он бросил гребень из левой стороны прически, и тот превратился в заросли бамбука. Когда ужасный Дух Ночи остановился, чтобы поесть винограду и бамбуковых побегов, Идзанаки спасся от него и вырвался из Страны Ночи.

Но Идзанами решила обязательно вернуть себе мужа. Она послала за ним восемь духов грома и всех воинов Страны Ночи. Когда войско, посланное Идзанами, приблизилось к Идзанаки, он стал бросать в него персиками. И, к удивлению Идзанаки,

воины в ужасе побежали прочь; по сей день считается, что персики способны отгонять злых духов.

Идзанами была в ярости. Она крикнула своему мужу: «Если ты будешь и впредь избегать меня, я буду каждый день забирать к себе тысячу человек!» Идзанаки же ответил, что если она будет так поступать, то он каждый день будет давать жизнь тысяче новых людей. Так в мир пришла смерть, но род человеческий не погиб. Идзанаки взял большую скалу и закрыл ею вход в Страну Ночи. Дух Идзанами остался там и властвует над мертвыми.

Идзанаки утомился и решил искупаться в ручье. Ему надо было смыть с себя всю грязь из ужасной страны мертвых, и когда он вымылся, на свет появились боги и богини. Когда Идзанаки промыл левый глаз, родилась Аматэрасу Омиками, солнечная богиня и прародительница императора. Когда он промыл правый глаз, появился Цукийоми-но-Микото — Луна. Когда Идзанаки вымыл нос, родился Сусано-О, бог бури.

ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Полинезийский культурный регион простирается от острова Пасхи, вдоль побережья Чили и до Новой Зеландии, Таити и Гавай.

АО И ПО

Вселенная двойственна по своей природе. Одна половина — Ао — свет, день, небо, мужское начало. Его противоположность — По — тьма, ночь, земля, женское начало. Тьму, олицетворяемую По, не следует связывать с понятием зла. Тьма-По теплая и плодородная, подобно чреву Земли.

В гавайском мифе творения «Кумулипо» («Происхождение всех вещей») говорится, что в начале был лишь огромный водный Хаос. Затем Ку, Творец, начал петь, отделяя Ао от По:

Hanau ke po i ke po no
Hanau mai a puka i ke ao malamalama.

—

Вещи, рожденные из «по» есть «по»;
вещи, рожденные из «ао» есть «ао».

Это можно перевести по-разному, например: «вещи, состоящие из тьмы, дали жизнь тьме», а «вещи, состоящие из света, дали жизнь свету». Одним словом, великий акт сотворения мира представлял собой отделение Ао от По, дня — от ночи.

Ку породил Каналое, бога моря. Потом Ку породил Кане (в Новой Зеландии — Тане). Возможно, Кане родился от союза Ку, Неба-Отца, и Хины, Земли-Матери. «Кане» означает «человек». Кане совокуплялся со множеством существ, и так возникли травы, ручьи и пресмыкающиеся. Но он хотел, чтобы у него родился ребенок, похожий на него. Поэтому он взял на Гавайике, мифической родине полинезийцев, немного мягкой красной глины и слепил Хине-хау-она, «женщину, сделанную из земли». Их первой дочерью стала Хине-титама, «рассветная женщина»: ведь на рассвете ночь встречается с днем. Но потом Кане стал нехорошим и взял себе в жены собственную дочь Хине-титаму, скрыв от нее, что был ее отцом.

Это было против законов природы, и так возникло великое «kapu», или табу, на инцест. Хина знала о греховных желаниях Кане. Когда Хине-титама наконец узнала, что Кане был ее отцом, она с воплями бежала в жилище своей матери, мир мертвых По. Хине-титама воскликнула: «Ты разорвал пуповину мира!» Итак, было велено, чтобы Кане не прикасался к своей дочери. Хине-титама и ее мать стали вместе властвовать над миром мертвых По под землей. А Кане был вынужден остаться наверху, в мире Ао.

Из-за преступления Кане его дети при жизни обитают на земле. Но, умирая, они возвращаются к матери, и Мать-Земля скрывает своих детей в мире По от греховного Кане. Впрочем, мы знаем По и при жизни в виде ночи — времени прекрасных грез, любви и явления духов.

Новая Зеландия

МАТЬ-ЗЕМЛЯ И ОТЕЦ-НЕБО

Боги родились от союза Ранги (Неба-Отца) и Папа-туануку (Матери-Земли). Ранги — это Ао, Папа — По. Небо и Земля занимались любовью и породили семьдесят детей-богов.

Но тогда еще не было места, чтобы эти дети могли расти, потому что земля и небо еще не отделились друг от друга.

Один из богов, Ту-матауэнга, отец войны и раздоров, предложил своим братьям и сестрам убить отца. Другие боги пришли в ужас от этого предложения. Но Ту-матауэнга ничем не отличался от всех жестоких людей, которые считают, что убийство — решение любой проблемы.

Тане-махута, ласковый бог лесов, предложил более разумную мысль, как и полагалось тому, кому хватает терпения, чтобы дождаться, пока крошечные семена прорастут и превратятся в огромные деревья, достающие до небес. Он предложил своим младшим братьям и сестрам просто разъединить Отца-Ранги и Мать-Папа. Это предложение понравилось всем богам, кроме Та-уири-матеа, бога ветра, который заревел громким голосом в знак несогласия. Ронго-матане*, бог земледелия, попытался отделить небо от земли, но смог отдалить их друг от друга лишь на высоту растения таро. Этого было недостаточно. Тангароа (Каналоа гавайцев), бог моря, тоже попытался, но поднял небо от земли лишь на высоту волны, и этого было мало. Потом за дело взялся Гумиа-тикитики, бог диких плодовых деревьев, но расстояние от земли до неба получилось не больше высоты бананового дерева.

Терпеливый Тане-махута смотрел на тщетные усилия своих братьев. Наконец, он решил отделить небо от земли, встав на голову и оттолкнув небо ногами, наподобие того, как растет дерево. Плечи его прижались к Папа, а ноги коснулись Ранги. Медленно и неторопливо Тане-махута начал отталкивать небо от земли. Именно так деревья до сих пор разделяют небо и землю.

Родители богов закричали и застонали, отделяясь друг от друга. Но когда пространство между ними стало больше, тьма и свет разделились. Теперь стало достаточно места для богов, деревьев, людей и животных.

Ранги до сих пор печалится в разлуке с Папа, и его слезы каждое утро падают на землю росой, а иногда проливаются дождем.

---

* Гавайский бог Лоно.

АМЕРИКАНСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Сиу

Этот миф приводится в книге «Письма и записки об обычаях, традициях и обрядах индейцев Северной Америки», которую написал Джордж Кэтлин, первопроходец, художник и писатель.

До того как был создан человек, Великий Дух (следы которого до сих пор видны на камнях у Красной Трубки в форме большой птицы) убивал бизонов и поедал их на вершине Красных Скал, и кровь бизонов стекала по скалам, окрашивая их в красный цвет. Однажды, когда большая змея забралась в гнездо птицы, чтобы съесть яйца, одно яйцо раскололось с громовым грохотом, и Великий Дух, набрав пригоршню белой глины, швырнул ею в змею, вылепил ее [sic!] в человека. Ноги этого человека сразу же приросли к земле, и он простоял так много веков, подобно большому дереву, и стал очень старым; он был старше сотни людей; и, наконец, рядом с ним выросло другое дерево, а большая змея перегрызла их корни, и они ушли вместе скитаться по земле; от них произошли все народы, населяющие землю.

Поуни

Тираува Атиус («atius» значит «господин») — это великий вечный Бог, сотворивший все вещи и поддерживающий жизнь во всех существах. Он создал Тропу Уходящих Духов, которую Белый Человек знает под названием Млечный Путь. К востоку от Тропы находится Мужское Начало — Утренняя Звезда, к западу — Женское Начало, Вечерняя Звезда. Все, что случилось и должно будет случиться, провозгласил Тираува, а звезды — его слуги. Утренняя Звезда с востока погнался за Вечерней Звездой, чтобы соединиться с ней в любви, но Вечерняя Звезда бежала от него. Она поставила множество препятствий на его пути, но все же продолжала манить его к себе. Почему? Потому что еще не пришло время создать живые

существа; и поэтому женщины всегда дразнят мужчин и заставляют их пройти через множество трудностей, чтобы испытать силу их любви.

Число «десять» всегда представлялось значимым для людей, и Вечерняя Звезда поместила на пути своего преследователя десять препятствий. Одним из этих препятствий был хаос, простиравшийся внизу, под ними. Это был бескрайний океан, по которому плавала Великая Змея. Утренняя Звезда метнул в змею огненный шар, и змея скрылась под водой. Когда огонь упал в воду, часть воды высохла, и обнажились суша и скалы. Утренняя Звезда взял камень, бросил его в океан, и появилась земля.

Когда была сотворена Земля, Тирауа повелел четырем божествам управлять ею. Это были Восток, Запад, Север и Юг. Они взялись за руки, встав на берегу великого моря на востоке, и из моря поднялась новая суша.

В конце концов Утренняя Звезда догнал Вечернюю Звезду и соединился с ней. Вскоре Вечерняя Звезда родила маленькую дочь. Она поместила девочку на облако и отправила ее на Землю. Потом Вечерняя Звезда попросила Утреннюю Звезду напоить ее небесный сад, и он пролил первый дождь как дар любви.

В небесных садах Вечерней Звезды выросло множества растений, и среди них — Мать Маиса, величайшего из съедобных растений. Вечерняя Звезда послала маис в дар своей дочери, и девочка посадила растение на земле. Вскоре у Солнца и Луны родился сын, взявший в жены дочь Вечерней Звезды и Утренней Звезды. Дочь Вечерней и Утренней Звезды и Сын Солнца и Луны породили всех живущих на земле людей и первыми научились возделывать маис.

Арикара

Великий Небесный Дух, Несару, которого иногда называют Великой Тайной, был владыкой всего творения. Под небом расстилалось безбрежное море, по которому вечно плавали две утки. Несару создал двух братьев, Человека-Волка и Счастливого Человека, которые повелели уткам нырнуть на дно великого моря и принести немного земли. Из этой земли Человек-Волк создал Великие Равнины, а Счастливый Человек — холмы и горы.

Два брата спустились под землю и нашли двух пауков. Они

объяснили паукам, как размножаться. Два паука породили множество видов животных и растений, а также людей. Кроме того, они породили расу злых великанов.

Эти великаны были такими злобными, что Несару в конце концов пришлось уничтожить их, наслав великий потоп. Людей же Несару любил и спас их от гибели.

Чиппева/Алгонкины

Варианты этого мифа можно найти во всем алгонкинском языковом ареале, простирающемся от Атлантического побережья до реки Миссисипи и от Северной Каролины на юге до субарктических областей.

ГЛУСКЭП И МАЛСУМ

У великой Земли-Матери было двое сыновей, Глускэп и Малсум. Глускэп был добрым и мудрым творцом; Малсум был злым и себялюбивым разрушителем. Когда их мать умерла, Глускэп начал создавать из ее тела растения, животных и людей. Малсум же сотворил ядовитые растения и змей. Глускэп продолжал творить чудесные вещи, и Малсум задумал убить своего брата.

Малсум хвастался, будто бы он неуязвим, хотя существовала одна вещь, которая могла убить его, — корни папоротника. Он много дней подряд дразнил Глускэпа, чтобы обнаружить его уязвимое место. Наконец Глускэп, не умевший лгать, признался, что убить его может только совиное перо. Узнав это, Малсум сделал стрелу из совиного пера и убил Глускэпа. Однако сила добра была так велика, что Глускэп восстал из мертвых и пожелал отомстить брату. Ожив, Глускэп также узнал, что Малсум снова пытается убить его.

Глускэп понял, что у него не остается другого выбора, кроме как уничтожить брата, чтобы добро не погибло и его творения продолжали жить. Итак, он пошел к реке и привлек внимание своего злого брата, громко воскликнув, что его может убить еще и цветущий тростник. Когда Малсум приблизился, Глускэп вырвал папоротник с корнями и швырнул его в брата; Малсум тотчас же упал замертво. Дух Малсума отправился в подземный

мир и превратился в злого волка-оборотня, который по сей день иногда мучает людей и животных, но боится дневного света.

Ирокезы

Первые люди жили на небесах, поскольку земли еще не было. Однажды дочь великого вождя заболела, и ей никак не могли найти лекарства. Некий мудрый старик посоветовал выкопать корни целебного дерева, чтобы вылечить ее. Люди все вместе взялись за работу и вырыли большую яму вокруг дерева. Но яма оказалась слишком глубокой, и дочь вождя вместе с деревом провалилась в нижний мир.

Внизу было лишь бескрайнее море, по которому вечно плавали два лебедя. Когда дерево и девушка упали в воду, раздался громкий всплеск. Лебеди услышали его и подплыли, чтобы посмотреть, что случилось. Они увидели упавшую с неба девушку и спасли ее. Но, поскольку для лебедей все это было в диковинку, им пришлось отправиться за советом к Великой Черепахе, мудрейшей из всех существ.

Великая Черепаха сказала лебедям, что дерево и девушка — это добрый знак. Потом она велела всем животным отыскать дерево и принести ей волшебную почву, прилипшую к его корням. Лебеди должны были взять эту волшебную почву и сделать остров, на котором смогла бы жить девушка. Все животные отправились на поиски дерева, но почву смогла добыть только старая жаба. Она нырнула на дно моря, вернулась, выплюнула комок грязи и умерла. И тогда комок земли превратился в большую сушу.

Но в ту пору земля все еще была темной. Девушка сказала Великой Черепахе, что в верхнем мире было светло. Тогда Великая Черепаха поручила животным, живущим в норах, прорыть дырки в небе, чтобы сквозь них сиял свет.

Эта девушка стала матерью всего живого. Существует множество версий мифа, говорящих о том, каким образом она зачала первых людей Земли. Согласно одной из них, она забеременела, когда упала в море. По другой версии, причиной зачатия стало соединение волшебный почвы с морской водой. Но, как бы то ни было, в результате союза земли и моря зародился человеческий род, а у каждого человека на небесах есть свой прообраз.

Юма

В самом начале не было ничего, кроме воды и тьмы. Вода плескалась повсюду, разбрызгивая пену. Часть пены поднялась вверх и образовала небо. Кокомат, Творец, жил под водой и представлял собой двух существ в одном. Он поднялся из воды и произнес свое имя: Кокомат, Отец и Создатель всего.

Но тогда из него вышло другое существо по имени Бакотал. Это существо окликнуло Кокомата из-под воды: «Когда ты поднялся из воды, твои глаза были открыты или закрыты?» Кокомат знал, что это существо злое, и решил обмануть Бакотала, ответив, что его глаза были открыты. Бакотал поднялся из воды с открытыми глазами и ослеп. И по сей день злые остаются слепцами; «bakotahl» на языке юма означает «слепой». Все, что создал Кокомат, было хорошим, а все, что сделал Бакотал, — дурным.

Оба они стояли на воде, потому что еще не было твердой почвы. Кокомат спросил своего слепого брата: «Где находится север?» Бакотал был слеп, поэтому указал на юг.

Тогда Кокомат ответил: «Это не север», — и создал четыре стороны света. Он повернулся лицом к западу и сказал: «Это будет запад». Потом он повернулся к востоку и сказал: «Это будет восток», — и так далее. Кокомат прошел четыре шага на юг, и юг стал существовать; он прошел четыре шага на север, и сотворил таким образом север.

Потом Кокомат сказал своему слепому брату: «Я разгоню воду и сотворю землю». И Кокомат обратил лицо к югу и создал вихрь. Вихрь отогнал воду, и образовалась сухая земля. И Кокомат уселся на землю. Бакотал подошел к нему, чтобы сесть рядом. Желая победить своего доброго брата, Бакотал сказал, что сотворит людей.

Нащупав рядом с собой сырую глину, Бакотал взял глину и воду и начал лепить людей, но у них не было пальцев на руках и ногах. Завершив свою работу, Бакотал показал людей Кокомату, который понял, что люди получились неправильно.

И тогда Кокомат решил сам сотворить людей. Взяв глину, он вылепил мужчину с правильными руками и ногами. Потом он взял этого мужчину и повернул его четыре раза лицом к северу и четыре раза лицом к югу, после чего человек ожил. Потом Кокомат вылепил женщину и проделал с ней все то же самое.

Пока Кокомат был занят созданием людей, Бакотал сотворил семерых существ. Кокомат спросил брата, что он делает. Бакотал ответил, что он тоже создает людей. Кокомат сказал своему брату, чтобы он пощупал настоящих людей, сделанных правильно. В отличие от существ, созданных Бакоталом, у людей Кокомата были пальцы, благодаря чему они могли работать и творить. Бакотал позавидовал, и ему не понравились правильные люди. Тогда Кокомат топнул ногой, и творения Бакотала упали в воду, превратившись в уток и гусей.

Бакотал разозлился и вызвал вихрь, который создал всех врагов человечества: болезни, дурные намерения и эпидемии.

Теперь Кокомат был один на всей земле с единственной человеческой парой. Он решил создать еще людей — по мужчине и женщине для каждой расы, и сделал кокопахов, мойявов и предков всех прочих людей на земле. В последнюю очередь он создал белых людей. Потом Кокомат научил всех людей, как совокупляться и продолжать род.

Когда люди рассеялись по земле, Кокомат увидел, что его работа окончена. Но среди людей была Лягушка (Ханьи), которая восстала против Кокомата и пожелала уничтожить его своей волшебной силой. Ханьи зарылась в землю под ногами Кокомата и принялась тянуть из него дыхание, пока его горло не пересохло и он не начал умирать. Когда Кокомат умер, люди познали путь смерти.

Кокомат оставил после себя сына, Комаштам-хо, который занял место Творца. Комаштам-хо создал Солнце, сияющее в небесах: он плюнул себе на ладонь, слепил шар и поднял его к небу. Он забросил Солнце на восток, где оно восходит и по сей день. Потом он снова плюнул себе на ладонь, бросил плевок в небеса, и он превратился в звезды.

Смерть Кокомата привела людей в отчаяние. Комаштам-хо решил сжечь тело своего Отца-Создателя, научив таким образом людей погребальным обрядам. Но тогда еще не было деревьев, чтобы зажечь огонь. И Комаштам-хо своим словом призвал деревья с севера и сложил погребальный костер.

Перед смертью Кокомат сказал Койоту: «Возьми мое сердце и будь добр ко всем моим созданиям». Но Койот неправильно понял его веление. Кокомат хотел сказать: «Будь таким же, как я»; Койот же подумал, что должен украсть и сожрать сердце Кокомата. Поэтому он подкрался к погребальному костру, выжи-

дая удобный момент, чтобы взобраться наверх и съесть сердце Создателя.

Комаштам-хо узнал о намерениях Койота и отослал его на восток, где встает Солнце, чтобы он принес огонь. Ведь Комаштам-хо отлично знал, что людям понадобится огонь, чтобы выжить. Когда Койот вернулся с огнем, он снова стал замышлять украсть сердце Кокомата. Но барсук успел вскочить на погребальный костер раньше и сам украл сердце. Все животные пытались поймать барсука, но так и не смогли.

Комаштам-хо сказал Койоту: «Отныне ты навеки станешь вором и будешь жить воровством. Люди будут презирать тебя и убивать, чтобы защитить свое имущество». И все люди слышали это.

Когда языки пламени охватили тело Кокомата, Комаштам-хо обратился ко всем людям. Он сказал им: «Вы больше никогда не увидите Кокомата во плоти; он умер. И все вы тоже когда-нибудь умрете. Если бы Кокомат остался жив, то все вы были бы бессмертны и мир оказался бы перенаселен. Но дух Кокомата все еще жив, и ваши духи тоже будут жить». Огонь костра был таким жарким, что высушил землю, превратив ее в пустыню, где и по сей день живет народ юма.

Потом вокруг пепла Кокомата поднялся вихрь, и люди спросили, что это такое. Комаштам-хо ответил, что это — могучий дух Кокомата. Тело умирает, но дух живет вечно. Дух каждого человека после смерти покидает тело и присоединяется к духам тех, кого он любил при жизни.

Дух Кокомата продолжает жить и защищать добро. Бакотал живет под землей и время от времени поворачивается, вызывая землетрясения. Бакотал до сих пор причиняет людям страдания. Но добрый дух Кокомата способен победить любое зло.

Пима

CHUHWUHT: ПЕСНЯ МИРА

Вначале не было ничего, кроме тьмы и воды. Тьма сгустилась в некоторых местах, и из нее возник Создатель. Он бесцельно блуждал над водой [ср. в Книге Бытия: «и Дух Божий носился над водою» (Быт., 1:2)] и начал мыслить. Он ясно понял, кто он такой и что ему надо сделать. Он погрузил руку в свое сердце и извлек из него волшебный жезл творения.

Он использовал его как посох, и когда на конце посоха собралось немного смолы [ср. с японским мифом творения], он превратил ее в муравьев. Потом он взял еще смолы и слепил из нее ступнями совершенно круглый шар, напевая при этом:

Chuhwuht tuh maka–i
Chuhwuht tuh nato
Chuhwuht tuh maka–i
Chuhwuht tuh nato
Himalo, Himalo
Himalo, Himicho!

—

Я творю мир, и глядите,
мир завершен.
Я творю мир, и глядите,
мир завершен.
Да будет так, да будет так,
Да будет так, пусть все начнется!

Пока он пел, шар становился все больше и больше, пока наконец не достиг размеров Земли; так была создана Земля. Потом Создатель взял большую скалу, разбил ее и швырнул в небеса, где ее обломки превратились в звезды. Потом он сотворил подобным образом Луну, но ни Луна, ни звезды не давали достаточно света.

Тогда Создатель взял две чаши с водой, вышедшей из его собственной плоти, и стал мыслить о свете. Когда он разъединил чаши, в небе появилось Солнце. Но оно еще оставалось неподвижным. Поэтому Создатель по сей день бросает его, словно мяч, к востоку, а оно отскакивает обратно на запад.

Зуни

Сравните описанное в этом мифе разрастание зеленых водорослей с научной теорией эволюции.

В начале была одна только влага, которая стала облаками. Великий Отец-Солнце, Создатель Авонавилона, уплотнил облака, и из них пошел дождь, образовавший великое море.

Авонавилона удобрил море собственной плотью, и на нем выросли зеленые водоросли. Из водорослей возникли земля и небо. Благодаря браку неба и земли и влиянию Солнца на зеленые водоросли возникли все живые существа.

В самой нижней из четырех пещер земли хранились яйца, из которых должны были появиться все люди и животные. Создатель согрел яйца, и из них вылупились живые существа.

Плайанос Южной Калифорнии*

Невидимое всемогущее существо по имени Нокума сотворило мир. Он скатал его ладонями в виде шара. Но он не держался на отведенном ему месте, поэтому Нокума вставил в него для тяжести большую черную скалу по имени Тосаут.

Вначале море было множеством маленьких ручьев, населенных рыбами. Рыб было так много, что некоторые из них решили обжить сушу, но им это не удалось, и они умерли под жарким солнцем. Потом рыбы покрупнее напали на Тосаут и добыли соль и новую воду; так возник океан.

Когда суша и море были созданы, Нокума взял немного почвы и морской воды и сделал первого мужчину, назвав его Эджони. Потом он сделал женщину и назвал ее Аэ. Это были предки всех людей.

Майя

Майя были развитым народом, обитавшим в областях современной Гватемалы, Гондураса, Белиза и мексиканского штата Юкатан; их потомки живут там и по сей день. Эта история взята из «Пополь-Вуха», эпоса майя. Это одновременно и миф творения, и красивая поучительная сказка.

На небесах жили четыре бога, и каждый из них сидел на троне, наблюдая нижний мир. Однажды желтый владыка предложил создать человека, чтобы он радовался жизни на земле и восхвалял богов. Остальные трое согласились.

Итак, желтый бог взял комок желтой глины и вылепил из нее

---

* «Плайанос» («playanos») по-испански означает «люди побережья»

человека. Но его создание оказалось слабым: оно размокало от воды и не могло стоять прямо.

Тогда красный бог предложил сделать человека из дерева, и остальные согласились. Красный бог взял ветку с дерева и вырезал из нее человека. Когда боги бросили его в воду, он поплыл; они поставили его, и он смог стоять прямо. Но когда они испытали его огнем, деревянный человек сгорел.

Четверо владык решили предпринять еще одну попытку. Черный бог предложил сделать человека из золота. Золотой человек был прекрасен и сиял, словно солнце. Он прошел испытания огнем и водой и даже стáл еще красивее. Но золотой человек оказался холодным на ощупь; он не мог ни говорить, ни чувствовать, ни двигаться, ни поклоняться богам. Впрочем, боги все равно оставили его на земле.

Четвертый бог, бесцветный владыка, решил сделать людей из своей собственной плоти. Он отрезал себе пальцы не левой руке, и они запрыгали и соскочили на землю. Четверо богов даже не успели рассмотреть, на что похожи люди из плоти, так быстро они убежали. С высоты, где восседали четверо владык, люди казались маленькими суетливыми муравьями.

Но люди из плоти стали поклоняться богам и приносить им жертвы. Они наполнили радостью сердце четырех владык. Однажды люди из плоти нашли золотого человека. Когда они коснулись его, он оказался холодным как камень. Когда они заговорили с ним, он промолчал. Но доброта, присущая людям из плоти, согрела сердце золотого человека, и он ожил и восхвалил богов за доброту, которую они даровали людям из плоти.

Слова похвалы от молчавшего прежде создания пробудили четырех владык ото сна, и они в восторге взглянули на землю. Они назвали золотого человека «богатым», а людей из плоти — «бедными», распорядившись, чтобы богатый заботился о бедных. После смерти богатого человека будут судить, смотря по тому, как он заботился о бедных. И с тех пор по сей день ни один богатый человек не может взойти на небеса, если его не приведет туда бедный.

Инки

Империя инков находилась в районе Анд, включая Перу, Эквадор и Боливию. Язык, на котором говорили инки, кечуа, по сей день

активно используется в Перу и Боливии. Заметьте, пожалуйста, что бога в этом мифе зовут Кон Тики Виракоча. Путешествие Тура Хейердала из Перу в Полинезию на бальзовом плоту под названием «Кон-Тики» имело своей целью продемонстрировать общность между этими двумя культурами: слово «tiki» и у полинезийцев, и у перуанцев означает «бог».

В самые древние времена земля была погружена во тьму. Потом из озера под названием Колласуйю возник бог Кон Тики Виракоча, который привел с собой нескольких людей. Потом Кон Тики создал Солнце (Инти), Луну и звезды, чтобы осветить мир. От Инти происходит Великий Инка, император Тахуантисуйо*. Из больших скал Кон Тики сделал новых людей, в том числе женщин, которые уже были беременны. Потом он разослал людей на все стороны света. При себе он оставил мужчину и женщину; они обитали в Кузко, «центре мира».

Другой миф повествует о том, что Кон, Создатель, имел облик человека, но без костей. Он сотворил на земле множество хороших вещей, чтобы поддержать жизнь первых людей. Но люди забыли доброту Кона и взбунтовались. Тогда Кон наказал их, вызвав засуху. Несчастным людям пришлось тяжело трудиться, собирая воду в лужах и высыхающих руслах рек. Тогда пришел новый бог, Пачачамак, который выгнал Кона, превратив его людей в обезьян. Пачачамак взял землю и сотворил из нее предков современных людей.

ВАВИЛОНСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ

В версии Книги Бытия Бог творит землю для человечества; в вавилонском мифе боги творят людей, чтобы они работали на них.

В начале были Апсу, небесный бог, и Тиамат, богиня хаоса. От их союза произошли все боги. Эти младшие боги восстали и выбрали своим вождем Мардука. Он завершил творение мира, убив свою мать Тиамат и ее возлюбленного Кингу.

---

* «Четыре угла мира», название империи инков

Тогда сошлись Тиамат и Мардук, мудрейшие из богов,
Они схлестнулись в битве, сцепились в схватке.
Владыка раскинул сеть, чтобы сковать ее,
И выпустил ей в лицо Свирепый Ветер, что следовал за ним.
Когда она разинула пасть, чтобы поглотить его,
Он затолкнул ей в глотку Свирепый Ветер, чтобы она не сомкнула губ.
И когда лютые ветры стали рвать ее брюхо,
Тело ее раздулось, а пасть оставалась открытой.
Он послал стрелу, и стрела разорвала ей брюхо.
Стрела вонзилась в нее, расщепив ее сердце.
Так покорив ее, он лишил ее жизни.
Он швырнул вниз ее труп, чтобы встать на него.
После того как погибла Тиамат–предводительница,
Войско ее дрогнуло, воины ее пошатнулись;
И боги, помощники ее, что шли с нею бок о бок,
Задрожав от страха, пустились в бегство,
Чтобы спастись от смерти.
Но их окружили со всех сторон, и они не смогли бежать;
Он взял их в плен и разбил их оружие.
Брошенные в сеть, они попались в ловушку;
Их отправили в подземелья, и подземелья наполнились плачем;
Испытав его ярость, они остались в темнице...
Владыка прошел по ногам Тиамат,
Своим беспощадным копьем он разбил ее череп.
Когда он осушил ее жилы, по которым струилась кровь,
Северный ветер унес их в неведомые места.
Они принесли ему дары верности, они — ему.
Тогда владыка перестал разглядывать ее мертвое тело:
Ему предстояло разделить чудовище на части и приступить к искусной работе.
Он расщепил ее, как раковину, на две половины;
Одну половину он поднял вверх и укрепил ее там как небо,
И задвинул засов, и поставил стражей,
И приказал им следить, чтобы воды ее не вытекли.

...Он соорудил жилища для великих богов,
Закрепив их небесные подобия как созвездия.

Он определил год, обозначив зоны:
Он установил три созвездия на каждый из двенадцати месяцев.

...Когда Мардук слышит слова богов,
Сердце его побуждает его приступать к искусной работе.
Открывая рот, он обращается к Эа, богу воды:
«Кровь я соберу и сотворю кости.
Я создам дикаря, назову его «человеком»;
Поистине дикого человека я сотворю.
Он займется тем, что будет служить богам,
Чтобы они жили беззаботно!»

...Кингу был тем, кто замыслил восстание,
И заставил Тиамат взбунтоваться, и вступил в битву.
Они связали его [Кингу] и привели его к Эа.
Они объявили его вину и осушили сосуды его крови.
Из его крови они сделали человечество.
Он [Эа] повелел людям служить богам, чтобы освободить богов.
После того как мудрый Эа создал человечество,
Оно должно было служить богам.

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ

Первую историю Творения называют «элохистской» версией, поскольку в древнееврейском оригинале Ветхого Завета Бога обозначают словом «Элохим» (форма множественного числа). Вторую историю называют «яхвистской» версией, так как Бог обозначается священным именем YHVH, которое прочитывается как Яхве. Некоторые исследователи Библии считают, что во время составления Торы обе эти истории вошли в нее в синтезированном виде. Авторство Книги Бытия, так же как и всей Торы, традиционно приписывается Моисею.

Первая версия Творения (Книга Бытия, 1:1—2:3)

«В начале сотворил Бог небо и землю.
Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.

И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день вторый.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо.

И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;

И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;

И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.

И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по

роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотóв, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу;

А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Так совершены небо и земля и все воинство их.

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал».

Вторая версия Творения (Книга Бытия, 2:4—24)

«Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,

И всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли;

Но пар поднимался с земли, и орошал все лице земли.

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал.

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

И золото той земли хорошее; там бдолах [ароматическая смола] и камень оникс.

Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.

И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть;

А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь.

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек:

вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа*.

Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть».

ТАЛМУДИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТВОРЕНИЯ

На протяжении постбиблейского периода иудейские раввины спорили насчет ключевых мест Ветхого Завета, стараясь прояснить противоречивые моменты. Результатом этих дискуссий стал Талмуд, вместивший в себя многочисленные комментарии, мудрые мысли, теологию и фольклор, которые составляют бесценное наследие иудаизма.

Когда Бог решил сотворить мир, перед Ним предстали двадцать две буквы [еврейского] алфавита; каждая из них желала стать первой буквой первого слова, которое Бог произнесет при творении мира. Но из них всех была избрана буква Бет, и первым словом, вышедшим из уст Господа, стало слово «baruch», что означает «благословенный». Итак, Господь начал Свои труды с благословения.

В первый день Бог сотворил небеса и землю, свет и тьму, день

---

* Здесь в древнееврейском языке игра слов «ish» означает «мужчина», «isha» — «женщина»

и ночь. Он взял камень и бросил его в великую пустоту, и он стал сердцевиной земли. На второй день Бог создал ангелов; на третий день — растения, в том числе и огромные ливанские кедры. В этот день он также создал в земле железо для топоров, чтобы укоротить ливанские кедры, которые выросли слишком высокими и возгордились. Господь сотворил Ган Эден, Рай, в котором должны были поселиться Адам и Ева и наслаждаться праведники после смерти. На четвертый день были созданы Солнце, Луна и звезды. На пятый день были созданы морские твари, в том числе Левиафан, а также птицы, и среди них — легендарная птица Зинн.

Наступил шестой день, и Бог сотворил животных, в том числе и гигантского Бегемота. В этот же день Бог создал людей. Сотворение человека Бог обсуждал с ангелами, которым показалось, что это не очень хорошая мысль. Некоторым ангелам не понравилось, что Господь сотворит еще одно разумное существо, и они стали жаловаться. Бог, утомившись от их непослушания, указал перстом на этих ангелов, и их пожрал огонь. Потом Бог повелел ангелу Гавриилу принести по пригоршне земли из четырех углов света, чтобы сотворить из этой земли человека.

Когда Гавриил приступил к выполнению этого задания, он обнаружил, что Земля не хочет отдавать почву для сотворения человека. Земля знала, что рано или поздно человечество испортит ее красоту. Услышав это, Бог собственноручно собрал землю и вылепил из нее Адама, первого человека.

Создав тело человека, Бог приготовился соединить его с душой, которая была сотворена еще в первый день. Ангелы снова озаботились тем, что появится еще одно существо, наделенное душой. Среди самых недовольных ангелов был Самаэль [что означает «злоба Господа»], которого также называют Сатаной. Он сказал Богу: «Ты создал нас, ангелов, из своей Шехины [«Божественного Присутствия»], а теперь хочешь поставить нас ниже этого низменного творения, созданного из грязи? Ты потратишь душу на комок грязи? Ты создашь мыслящее существо из пыли?»

Бог утомился от непрестанных жалоб Самаэля и его гордыни, побуждавшей его задавать такие вопросы. И он сбросил Самаэля и его товарищей с небес в ад.

Из почвы, собранной с четырех сторон света, Господь вылепил Адама [евр. «adamah»] и вдунул в его ноздри дыхание жизни. Некоторые утверждают, что этот Адам выглядел как двадцатилетний человек.

Другие раввины говорят, что Адам рассматривал многих жи-

вотных на земле и заметил, что все они были мужского и женского пола, а рядом с ним не было женщины. И сперва Господь создал из земли женщину по имени Лилит. Но Лилит сочла себя выше Адама и не хотела заниматься с ним любовью так, как хотел он — чтобы мужчина был сверху. «Почему? — сердито спросила она. — Кто ты такой, чтобы быть надо мной господином? Оба мы созданы из праха!» И в своей гордыне она произнесла священное тайное имя Бога и исчезла из виду.

Когда это несчастное существо отправилось жить среди демонов, Бог пожалел Адама и решил создать для него хорошую женщину, Еву. Адам властвовал над всеми растениями и животными мужского пола на востоке и севере Сада Эдема, а Ева властвовала над животными женского пола на юге и западе. Адам и Ева ходили нагими, если не считать повязки на плечах, на которой было написано священное имя Бога.

В то время Адам и Ева жили в невинности. Но Самаэль и Лилит вознамерились нарушить их блаженство.

ТВОРЕНИЕ

И Бог выступил из пространства
И огляделся вокруг, и произнес:
«Я одинок —
Я создам для себя мир».

Насколько простирался взор Господа,
Повсюду все покрывала тьма,
Чернее сотни полуночей
В кипарисовом болоте.

Тогда Господь улыбнулся,
И засиял свет,
И тьма откатилась на одну сторону,
И свет продолжал сиять с другой стороны,
И Бог сказал: «Это хорошо!»

Затем Господь сделал шаг —
И Солнце было у него в правой руке,
И Луна была в его левой руке;

И звезды толпились у него над головой,
И земля была у него под ногами.
И Господь пошел, и там, где он проходил,
От следов его ног оставались долины
И горы вздымались ввысь.

Потом он остановился, и взглянул, и увидел,
Что земля раскалена и бесплодна.
Тогда Господь ступил на край земли
И выплюнул семь морей —
Он моргнул глазами, и сверкнула молния;
Он хлопнул в ладоши, и прогремел гром —
И воды хлынули вниз,
И прохладные ветры спустились.

Тогда проросла зеленая трава,
И распустились маленькие красные цветы,
Сосна потянулась к небу,
И дуб раскинул руки ветвей,
Озера притаились во впадинах земли,
И реки потекли к морю;
И Господь снова улыбнулся,
И появилась радуга,
И изогнулась над его плечом.

Тогда Господь простер руку и взмахнул
Над морем и над землей,
И произнес: «Рождайтесь! Рождайтесь!»
И прежде, чем Бог успел опустить руку,
Рыбы, и звери, и птицы
Поплыли по рекам и морям,
Побежали по лесам и рощам
И рассекли воздух крыльями,
И Бог сказал: «Это хорошо!»
Потом Господь обошел все вокруг,
И Господь оглядел все кругом,
Все то, что он сотворил.
Он взглянул на Солнце,
И взглянул на Луну,
И взглянул на малые звезды;
Он взглянул на свой мир

И на всех живых тварей,
И сказал Бог: «Я все еще одинок».

Тогда Господь присел на склоне холма,
Где он мог поразмыслить;
Он сидел над широкой, глубокой рекой,
Охватив голову руками.
Бог думал, и думал,
И наконец придумал: «Я сделаю себе человека!»

На речном берегу
Бог собрал глину;
И на речном берегу
Он встал на колени;
И тут великий Бог Всемогущий,
Который зажег Солнце и укрепил его на небе,
Который разбросал звезды
По самым темным уголкам ночи,
Который скруглил землю своей ладонью, —
Этот великий Бог,
Словно мать над младенцем,
Встал на колени в пыль,
Трудясь над комочком глины,
Пока не придал ей облик, подобный своему;
А потом он вдохнул в нее жизнь,
И человек стал живою душою.
Аминь. Аминь.

Джеймс Уэлдон Джонсон (1871—1938),
афро-американский поэт

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О МИФАХ ТВОРЕНИЯ

Змея

Змей появляется во многих историях, повествующих о сотворении мира, и смысл этого образа толкуется по-разному. Наиболее распространена и очевидна интерпретация его как фалли-

ческого символа, но в действительности это — всего лишь одна из граней сложного комплекса значений змея.

По поводу значения змея в мифологии Джозеф Кэмпбелл пишет в своей книге «Маски Бога. Западная мифология»:

> «Благодаря чудесной способности сбрасывать кожу и возвращать себе молодость, змея у самых разных народов предстает перед нами как владыка тайны возрождения, небесным знаком которой является Луна, растущая и тающая, погружающаяся в тень и снова растущая. Луна — владычица и повелительница жизнетворящего цикла женского чрева, а следовательно, рождения, а также и смерти, — что в совокупности составляет два аспекта единого бытия. Луна — хозяйка приливов и росы, выпадающей по ночам, чтобы освежить пастбища для скота. Но змея — тоже хозяйка воды. Обитающая в земле, между древесных корней, торопливых ручьев, проливов и протоков, она своими скользящими движениями сама напоминает волну; порой она взбирается на ветки, словно лиана, и свисает вниз неким смертоносным плодом. Фаллическое толкование приходит на ум в первую очередь; но столь же уместно и представление женского полового органа; таким образом, змея — двойственный символ, непосредственно воздействующий на наши чувства. Еще одна двойственная ассоциация — с огнем и водой — возникает при виде молниеносного броска змеи, стрелы ее раздвоенного жала и смертельного ожога ее укуса. Представляя змею кусающей собственный хвост, как в случае мифического «уробороса», мы вспоминаем воды, во всех древних космогониях окружавшие со всех сторон — а также сверху и снизу — плавучий круглый остров земли».

Айзек Азимов в своей книге «В начале...» отмечает связь между змием из Книги Бытия и драконом из вавилонского мифа творения:

> «Змей противостоит Богу [говоря Еве, что она не умрет, если вкусит плод от древа познания добра и зла]. Почему?

Кажется, на это нет никаких причин, но сам факт того, что змей поступает таким образом, заставляет нас заподозрить, что в нем скрыт принцип Хаоса. В вавилонском мифе творения Тиамат, персонификация Хаоса, описывается как дракон, но дракон, собственно, и есть огромная змея, которая иногда изображается с крыльями (что, по-видимому, должно указывать на гладкость скольжения змеи) и огнедышащей (указание на ядовитость змеи).

Когда Исайя предрекает победу Бога над разрушительными силами, он использует всевозможные понятия, связанные с Хаосом: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис., 27:1).

В более поздние времена, когда Иудея была провинцией Персидской империи, евреи заимствовали идею вечного конфликта между принципами Добра и Зла и отвергли идею единовременной, изначальной и окончательной победы Добра.

В иудаизме возникло представление о Сатане как вечном анти-Боге, постоянно жаждущем уничтожить сотворенный мир и восстановить Хаос; чтобы помешать этому, потребовалась вечная бдительность. Потом появилась идея, что змей в действительности был воплощением Сатаны (эта идея с неподражаемым величием представлена в «Потерянном рае» Мильтона).

Однако в библейском рассказе о Саде Эдема нет никаких указаний на что-либо подобное. Судя по всему, упоминание о Сатане целиком является позднейшей вставкой».

Д-р М.Л. фон Франц, рассматривая мифологию в психологической перспективе Юнга, в своей книге «Человек и его символы», редактором которой был сам Юнг, следующим образом представляет значение мотива змеи, а также уток и лебедей, плавающих по первозданному морю в финской мифологии и мифах североамериканских индейцев:

«Другие символы трансценденции в глубину — грызуны, ящерицы, змеи и (иногда) рыбы. Это своего

рода промежуточные животные, стоящие посередине между подводной жизнью и птичьим полетом в небесах. Здесь стоит упомянуть и дикую утку или лебедя. Быть может, самый распространенный в сновидениях символ трансценденции — это змея в том виде, в котором она представлена целительским символом римского бога врачей Эскулапа, дошедшим до наших дней в качестве эмблемы медицинской профессии. Изначально это была неядовитая древесная змея; свернувшаяся кольцами вокруг жезла бога-целителя, она, по-видимому, представляет своего рода посредничество между небом и землей.

Еще более важный и распространенный символ хтонической трансценденции — мотив двух сплетенных между собой змей. Таковы знаменитые змеи-Наги Древней Индии; мы также встречаем их в Греции на посохе, принадлежавшем богу Гермесу. Древнегреческая герма (сооружение, посвященное Гермесу) — это каменный столб, увенчанный бюстом божества. С одной стороны изображались сплетенные змеи, а с другой — напряженный фаллос. Поскольку змеи представлены в акте совокупления, а фаллос просто недвусмысленно сексуален, то мы вправе сделать вывод, что герма являлась символом плодородия.

Но мы ошибемся, если предположим, что она связана исключительно с биологическим плодородием. Гермес — это еще и трикстер, и вестник [богов], и бог перекрестов, и, наконец, проводник душ в подземный мир».

Универсальный символ змеи имеет множество аспектов, и мы обсудили лишь некоторые из них. Людей всегда интересовало, почему в Ветхом и Новом Завете к змию прилагается эпитет «мудрый». По-видимому, это тоже может быть связано с чудесным свойством змеи сменять кожу и регенерировать. Однако здесь возникает и другой аспект змеи — носительницы памяти предков. С точки зрения научной теории эволюции, не говоря уже о Книге Бытия, змея хронологически возникла раньше человека. Быть может, в нас все еще жива память предков о том времени, когда хозяева земли были не гуманоиды, а рептилии.

Еще один таинственный мотив встречается одновременно в греческом мифе об Эвриноме и Офионе и в библейском рассказе о грехопадении. Имеется в виду упоминание о том, как женщина

ударяет змею пятою в голову. Это также можно трактовать различными способами. Один из вариантов объяснения состоит в том, что в свое время, когда матриархат уступал место патриархату, между мужчинами и женщинами происходила борьба. Если считать змею фаллическим символом, то образ женщины, ударяющей змею в голову ногой, может быть связан с древним воспоминанием о победе матриархата. Если же интерпретировать этот образ в системе христианства, то он связывается с первым мессианским пророчеством: Сын женщины (Христос) в конце концов поразит змею (Сатану).

Вода

Древние народы прекрасно понимали, как и мы с вами, что вода — это необходимое условие для зарождения жизни. Когда в 1970-х годах космический аппарат «Маринер» брал образцы с планеты Марс, поиск жизни в основном сводился к поиску воды. Вода составляет важнейшую часть человеческого организма: наше тело по весу состоит на две трети из воды. Плазма крови состоит из воды на 90%, и даже «плотная» мышечная ткань включает не менее 80% воды. Чтобы произвести один фунт пригодных в пищу овощей, требуется тысяча фунтов воды. Таким образом, совершенно неудивительно, что все мифы о Творении начинаются с воды.

Согласно юнговской психологии, вода в сновидениях, мифах и подсознании — это символ, связанный с глубинной мудростью. Так, когда нам снится, что мы купаемся или пьем воду, это может означать, что мы ищем мудрости или указывать на связь между сознанием и подсознанием. Еще одна возможная юнговская интерпретация мотива воды в мифах Творения — это заря человеческого сознания.

Иудаизм и христианство изобилуют метафорами, связанными с водой. В Библии упоминается о вкушении «живой воды» Божьего слова. Крещение, смывая грех с человека, создает «новое существо». Божественная природа Христа в Новом Завете открывается после крещения Иоанном Крестителем. Обращенные в иудаизм тоже проходят крещение водой; а ритуальное купание в «микве» — очистительном водоеме — необходимое требование, которое предъявляется к женщинам после менструаций.

Современные научные теории также начинаются с воды. Считается, что жизнь на этой планете зародилась именно в водной пучине. Современные ученые говорят, что вначале жизнь на Земле представляла собой своего рода «первобытный суп», в который входило около 10% всех мировых вод. В этом «супе» содержались вещества, необходимые для зарождения жизни, в частности, углеродные соединения и водород, которые со временем образовали ДНК — основной «кирпичик» жизни.

В научных теориях обнаруживаются поразительные параллели с мифами, в том числе и с библейской версией Творения.

Докембрийский период

Согласно этой теории, возраст Земли — около 4,7 млрд. лет, а первая жизнь зародилась в мелководных озерах около 2,7 млрд. лет назад. Первые ископаемые свидетельства растений, живущих благодаря фотосинтезу, датируются периодом около 2,5 млрд. лет назад.

Кембрийский период

Луис Пастер предполагал, что первые живые существа на Земле были анаэробами (то есть, обходились без кислорода) и что первое кардинальное изменение в развитии жизни произошло в тот момент, когда уровень кислорода в атмосфере достиг 1% от нынешнего состояния. Этот уровень называют первой критической стадией в развитии жизни; именно в этот момент основные формы жизни перестали быть анаэробами, превратившись в аэробов (то есть им стал необходим кислород). Считается, что этот период наступил около 600 млн. лет назад и был отмечен настоящим взрывом разнообразных форм жизни, обитавших в море. Как сообщают многие мифы творения, суша еще не отделилась от воды.

Ордовикский период

Около 500 млн. лет назад. Возникают позвоночные формы жизни, суша постепенно выступает из моря.

Силурийский период

Около 425 млн. лет назад. Благодаря фотосинтезу, растения производят кислород, и уровень кислорода в атмосфере Земли

достигает второй критической стадии — 1/10 современного уровня. Континенты становятся значительно суше — земля «отделилась от вод». Появляются первые наземные растения и животные.

Девонский период

Около 405 млн. лет назад. Появляются растения с семенами, рыбы с костями и амфибии. Континенты становятся еще немного суше; наступает обледенение.

Миссисипийский период

Около 355 млн. лет назад. Акулы и амфибии достигают расцвета, так же как и гигантские деревья и папоротники. Климат теплый и влажный.

Пенсильванский период

Около 310 млн. лет назад. Появляются рептилии, но амфибии по-прежнему остаются господствующей животной формой жизни. Для этого периода характерно возникновение гимноспермических растений, обширных лесов и болот; с этим временем также связано формирование залежей угля и нефти.

Пермский период

В этот период, около 280 млн. лет назад, земля остыла и климат стал гораздо суше. С изменением температуры связано вымирание многих видов животных.

Триасский период

Около 220 млн. лет назад. Доминирующими формами жизни становятся гимноспермические растения и динозавры. Древовидные папоротники повсеместно вымирают.

Юрский период

Около 181 млн. лет назад. Появляются первые птицы и млекопитающие. Царство динозавров.

Меловой период

Около 135 млн. лет назад. Появляются односемядольные растения и первые современные млекопитающие. В конце этого периода вымирают динозавры.

Эпоха палеоцеона

Около 65 млн. лет назад. Появляются первые плацентные млекопитающие.

Эпоха эоцена

Около 54 млн. лет назад. Возникают копытные и плотоядные млекопитающие.

Эпоха олигоцена

Около 36 млн. лет назад. Климат становится теплее, возникает большая часть современных видов животных.

Эпоха миоцена

Около 25 млн. лет назад. Появляются человекообразные обезьяны; большинство млекопитающих принимают современную форму.

Эпоха плиоцена

Появляется человек (около 11 млн. лет назад); леса уступают место травянистым равнинам.

Эпоха плейстоцена

Около 1 млн. лет назад. Среди людей возникает общественная жизнь. Происходит обледенение, многие формы жизни вымирают.

Современная эпоха

Земля стала свидетельницей появления первых действительно «цивилизованных» человеческих сообществ около 11 тысяч лет назад. Эта дата весьма любопытна, если учесть, что некоторые индийские и персидские мифы утверждают, будто современный мир возник примерно в это время.

* * *

Я не ставлю своей целью участвовать в борьбе между сторонниками эволюции и защитниками Творения. Я стремлюсь показать лишь, что наука и великие мифы древностей обнаруживают между собой черты разительного сходства и выражают очень похожие идеи относительно происхождения жизни, что просто

невозможно игнорировать. В этой точке вопрос «как?», который задает наука, сходится с «почему?» мифологии.

Дерево

Дерево естественным образом связано с богатейшей мифологической символикой. Корни его погружены глубоко в землю, выступающую во многих мифах «матерью»; ветви его поднимаются ввысь, достигая «отца»-неба. В отличие от всех других живых существ, дерево растет всю свою жизнь, а жизнь его длится очень долго — сотни, иногда даже тысячи лет. Это делает дерево символом бессмертия.

Поэтому совершенно неудивительно, что мотив дерева так распространен в самых различных мифах. У скандинавов, персов, индейцев сиу и алгонкинов из дерева создается человек. Деревья становятся людьми, и здесь скрывается мощная метафора «Грехопадения»: ведь прежде, чем стать людьми, деревья были прочно укоренены и касались неба ветвями, а сделавшись людьми, они утратили корни и не могут больше достать до небес.

Далее, дерево выступает символом мудрости. Должно быть, древние поэты глядели на огромные деревья и размышляли, сколько человеческих жизней прошло за время жизни этого великана. Под одним из таких деревьев — деревом бо, или бодхи, — Будда, как утверждают, достиг просветления. В христианстве дерево выступает инструментом, с помощью которого в мир проник грех, но также и символом искупления: ведь Христос был распят на деревянном кресте, а св.Павел вообще называет крест распятия деревом.

Карл Саган размышляет о решающей роли, которую деревья могли сыграть в развитии человеческого разума, и о том, как роль деревьев в жизни наших предков может продолжать влиять на нашу современную жизнь:

> «По сравнению с площадью своего тела, насекомые весят очень мало. Жук, падая с большой высоты, быстро набирает предельную скорость; сопротивление воздуха не дает ему падать слишком быстро, и, приземлившись на землю, он спокойно двинется дальше, как ни в чем не бывало. То же верно и относительно мелких млекопитающих — скажем, белок. Мышь мож-

но уронить в шахту глубиной в тысячу футов, и, если земля внизу будет мягкая, мышь, приземлившись, отделается лишь легким головокружением. Напротив, человек калечится или даже погибает, упав с высоты, превышающей несколько десятков футов: в этом повинны наши размеры, поскольку мы весим слишком много по сравнению с площадью нашего тела. По этой причине наши предки, жившие на деревьях, должны были быть весьма осторожны. Любая ошибка при прыжках с ветки на ветку могла оказаться роковой. Но каждый прыжок представлял собой возможность нового шага в эволюции. Могущественные силы естественного отбора трудились над созданием организмов, обладающих изяществом и гибкостью, точным бинокулярным зрением, подвижными и цепкими конечностями, превосходной координацией между зрением и движениями рук, а также интуитивным ощущением закона гравитации. Но каждая из этих способностей требовала значительного продвижения в эволюции мозга, а в особенности — нового слоя коры головного мозга наших предков. Человек обязан своим разумом тому, что наши предки провели на деревьях миллионы лет.

А когда мы вернулись в саванны, покинув деревья, разве мы не тосковали о грациозных прыжках и экстатических мгновениях невесомости в бликах солнечного света под кровлей зеленой листвы? А наши полеты во сне и страстные грезы о полетах наяву, примером которых могут служить жизни Леонардо да Винчи и Константина Циолковского, — разве они не могут в действительности быть ностальгическими воспоминаниями о той давно ушедшей поре, когда мы жили в лесу, на ветвях высоких деревьев?»

Юнговская школа психологии считает дерево в сновидениях и мифах символом постоянного роста, моделью позитивного процесса роста человеческого духа в жизненном опыте:

«Постепенно создается более широкая и зрелая личность; шаг за шагом действует все более эффектив-

но, так, что наконец это начинают замечать другие люди. То, что мы часто говорим о «задержке развития», подтверждает нашу внутреннюю уверенность в том, что подобный процесс роста и созревания возможен для любого человека. Поскольку физический рост невозможно стимулировать сознанием или силой воли, поскольку он происходит естественным и непосредственным образом, то в сновидениях его зачастую символизирует дерево, чем медленный, мощный и уверенный естественный рост реализует определенную модель».

Джозеф Кэмпбелл считает дерево одним из многочисленных символов бессмертия:

«Итак, мы снова узнаем привычные символы таинственного сада жизни, где змея, дерево, мировая ось, вечное Сонце и даже живая вода излучают блаженство во все стороны света; сада, к которому смертный человек движется под руководством божественных знамений, чтобы постичь свое бессмертие».

Здесь перед нами в полной мере открывается духовная красота рождественской ели. И пусть правда то, что рождественская ель — это пережиток древнего тевтонского языческого обряда: все равно она остается вечнозеленым деревом, исполненным жизни среди мертвой зимы, символом бессмертия. Рождество Христа придало ей прекрасный символический смысл: это небеса, спускающиеся на землю, и бессмертие, вступающее в жизнь человека.

Древнейшие времена

Я часто задумываюсь, где скрывается тайна взаимопонимания между человеком и животным, сердцу которого неведом язык речи. Через какой первозданный рай на далекой заре творения пролегал тот простой путь, с помощью которого сердца их сообщались между собой? Следы, которые они оставили за собой на этом пути, все еще не стерты, хотя память о прежнем родстве давно успела изгладиться. И порой из некой безмолвной музыки пробуждается и встает туманное воспоминание, и зверь вглядывается в лицо человека с нежным доверием, а человек глядит ему в глаза с восхищением и любовью. Словно два давних друга, лица которых скрыты под масками, встретились и пытаются распознать друг друга в неизвестном обличье.

Рабиндранат Тагор (1861—1941),
индийский поэт. «Садовник»

БИБЛЕЙСКОЕ ГРЕХОПАДЕНИЕ
(Книга Бытия, 3:1—24)

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

И сказал змей жене: нет, не умрете;

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты?

Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся.

И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

И сказал Господь Бог змею:

за то, что ты сделал это,
проклят ты пред всеми скотами
и пред всеми зверями полевыми;
ты будешь ходить на чреве твоем,
и будешь есть прах во все дни жизни твоей.
И вражду положу между тобою
и между женою, и между семенем твоим
и между семенем ее;
оно будет поражать тебя в голову,
а ты будешь жалить его в пяту.

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей.

Терние и волчцы произрастит она тебе;
и будешь питаться полевою травою.
В поте лица твоего будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю,
из которой ты взят;
ибо прах ты и в прах возвратишься.

И нарек Адам имя жене своей: Ева*, ибо она стала матерью всех живущих.

И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Современная теологическая интерпретация грехопадения

«Если рассматривать историю Сотворения мира, изложенную в 1—3 главах Книги Бытия, как миф, она может помочь нам в описании перехода от эссенциального, сущностного бытия к экзистенциальному. Это самое глубокое и яркое выражение осознания человеком своего экзистенциального отчуждения, которое представляет схему, позволяющую понять переход от эссенции к экзистенции. Во-первых, оно выделяет возможность Грехопадения; во-вторых — его мотивы;

* Жизнь

в третьих — само это событие; и в-четвертых — его последствия...

...Если переход от эссенции к экзистенции выразить мифологически — как это и должно происходить в религии, — он предстает перед нами как событие прошлого, хотя в действительности он имеет отношение ко всем трем модусам времени. Событие прошлого, к которому обращается традиционная теология, — это история Грехопадения в том виде, в котором она изложена в Книге Бытия. Едва ли какой-либо другой литературный текст получил столько различных интерпретаций, как третья глава Книги Бытия. Отчасти причиной тому ее уникальность (даже для библейских текстов), отчасти — психологическая достоверность, а отчасти — религиозная мощь. Этот текст описывает на мифологическом языке нисхождение от эссенции к экзистенции как уникальное событие, произошедшее давным-давно в особом месте и с определенными личностями — сперва с Евой, а затем — с Адамом. Сам Господь Бог тоже предстает здесь отдельной личностью, существующей во времени и пространстве, — типичной «отцовской фигурой». Описание этого события носит психологическо-этический характер, и в основе его лежит повседневный опыт людей, живших в особых культурных и социальных условиях. Тем не менее оно претендует на вселенскую значимость и ценность. Преобладание психологического и этического аспектов не исключает из библейской истории и ряда других факторов. Змей представляет динамические тенденции природы; здесь присутствуют и два дерева, обладающие волшебной силой, и рассказ о пробуждении сексуального сознания, и проклятие, наложенное на потомков Адама, тело женщины и животных земли.

Все это — следы космического мифа, облеченного в форму психологическо-этического повествования; очевидно, что «демифологизация» этого мифа не устранила, а просто подчинила мифологические элементы этическим принципам. Космический миф появляется в Библии и в форме рассказа о борьбе божествен-

ного воинства с демоническими силами и силами хаоса и тьмы. Он снова возникает также в мифе о Падении ангелов и в интерпретации змея как воплощения падшего ангела. Все эти примеры указывают на космические предпосылки и подтексты Грехопадения Адама...»

Пауль Тиллих. «Систематическая теология»

Муки деторождения

«Насколько мне известно, деторождение болезненно лишь у одного-единственного вида из миллионов живых форм на Земле: у людей. Это, судя по всему, — следствие начавшегося сравнительно поздно увеличения объема черепа. У современных людей объем черепной коробки в два раза больше, чем у Homo habilis. Деторождение болезненно потому, что эволюция человеческого черепа происходила достаточно быстро и началась относительно недавно. Американский анатом С. Джадсон Херрик следующим образом описывает развитие нового слоя коры головного мозга: «Его взрывообразный рост, начавшийся на поздней стадии филогенеза, — это один из наиболее драматических случаев эволюционной трансформации, известных в сравнительной анатомии». Неполное закрытие черепа у новорожденного младенца — так называемый «родничок» — это, вполне вероятно, признак неоконченного приспособления к описанному выше последнему этапу эволюции мозга».

Карл Саган. «Драконы Эдема»

«Одно из первых последствий появления зачатков трудовых навыков, сопровождавшегося эволюцией передних долей мозга, заключалось, судя по всему, в осознании смерти. Люди — это, вероятно, единственные живые существа на земле, обладающие относительно ясным сознанием неизбежности собственной

смерти. Погребения с захоронением пищи и различных предметов вместе с покойником восходят по меньшей мере еще ко временам наших двоюродных братьев — неандертальцев, что позволяет предположить не только распространенное повсеместно осознание смерти, но также и развитую ритуальную церемонию, призванную обеспечить умершего в загробной жизни всем необходимым. Дело не в том, что до заметного увеличения нового слоя коры головного мозга, иными словами, до изгнания из Эдема, смерти не было: просто до тех пор никто не знал, что обречен умереть.

Карл Саган.
«Драконы Эдема»

ТАЛМУДИЧЕСКОЕ ГРЕХОПАДЕНИЕ

Сатана, или Самаэль, въехал в Сад Эдема (Ган Эден) верхом на змее. Когда животные увидели приближающегося змея, они учуяли присутствие зла и в ужасе разбежались.

Сатана помнил ангельские песнопения, которые он выучил, когда жил на небесах. Он начал петь их сладким голосом. Ева, тогда еще совершенно невинная, остановилась послушать прекрасную музыку и была полностью очарована. Услыхав хвалы, возносимые Всевышнему Богу, она не могла сдвинуться с места и продолжала стоять и слушать. Змей взобрался на дерево и надкусил плод, впрыснув в него яд злонамеренности. Увидев, что Ева околдована музыкой, Сатана заставил ее съесть плод, и она повиновалась. Потом она позвала Адама, чтобы тот тоже вкусил плод, и он сделал это. Тогда яд злонамеренности проник в их вены и стал частью их плоти и природы, ибо, согласно раввинам, кровь — это вместилище жизни. Когда Адам и Ева съели плод, глаза их затуманились и не смогли больше видеть Шехину, «облик» Бога. Ибо до того они могли смотреть Богу прямо в лицо и разговаривать с ним, — теперь же эта способность пропала.

Вместе со злонамеренностью возникло желание, нагота же разожгла это желание. Повязки на их плечах, на которых было

написано имя Господа, соскользнули на землю. Адам и Ева стали совершенно нагими и впервые испытали стыд, который заставил их спрятаться в зарослях.

Тогда Всевышний Бог изгнал Адама и Еву из Сада Эдема и поставил на входе в Сад Херувима* с огненным мечом.

Земля, как вы помните, в свое время не хотела давать почву для создания людей, ибо она знала, что однажды Адам обречет Землю проклятию. Как она и предвидела, из ее тела выросли ядовитые растения и пагубные сорные травы. Ее прекрасные плоды начали пожирать черви и насекомые. Теперь для жизни ей стал необходим дождь.

Праведные ангелы на небесах скорбели о падении человечества. А жестокая Лилит, которая особенно ненавидела Еву, громко смеялась, узнав, что люди оказались такими глупцами и отпали от Бога. Из всех творений Бога смеялась только Луна. И в наказание Господь затмил ее сияние, так что с тех пор она светит тускло.

Адам, Ева и Лилит

Талмудические комментаторы выделяют ряд любопытных лингвистических ассоциаций с именем «Адам». «Adam» по-еврейски означает «мужчина», adamah — «почва». «Adam» напоминает слово «edom» или «adom», что значит «красный» — цвет новорожденного ребенка, выходящего из утробы матери. Имя Адама, записанное еврейскими буквами «алеф», «дат» и «мем», напоминает об элементах человеческого тела в традиционной древнееврейской медицине: «apher» («прах»), «dam» («кровь») и «marah» («горечь»; а также слово, означающее «желчь»). Иудеи в постбиблейские времена считали, что эти три элемента должны содержаться в человеческом теле в правильной пропорции, иначе человек заболеет и умрет (Р.Грейвс и Р.Патаи, «Древнееврейский миф»).

Исследователи Роберт Грейвс и Рафаэль Патаи возводят происхождение Лилит к злому женскому духу ветра у вавилонян и ассирийцев («Древнееврейский миф»).

Сравните Лилит с Йохи из персидского мифа творения.

---

* Херувимы — один из разрядов ангелов; их часто изображают в виде крылатых младенцев.

ИСТОРИЯ ПОЙА
(Индейцы-черноногие)

Этот миф индейского племени блэкфутов (черноногих), населявшего Великие Равнины Северной Америки, содержит много любопытных параллелей с библейской историей Грехопадения.

Однажды в древнейшие времена лето выдалось слишком жарким, чтобы спать внутри жилища, и прекрасная девушка по имени Перышко спала под открытым небом в высокой траве прерии. Она открыла глаза, увидела Утреннюю Звезду и стала любоваться им. Она восхитилась его красотой и влюбилась в него. Когда проснулись ее сестры, она сказала им, что влюбилась в Утреннюю Звезду. Сестры воскликнули, что она сошла с ума! Перышко рассказала всем в своей деревне об Утренней Звезде, и все люди вскоре стали над ней насмехаться.

Однажды она ушла из деревни, чтобы набрать воды из ручья. Там она встретила самого прекрасного юношу на свете. Сперва она подумала, что это — юноша из ее племени, вышедший на охоту, и застенчиво избегала его. Но он представился именем Утренней Звезды. Он сказал: «Я знаю, что ты смотрела на меня и влюбилась в меня. Когда ты смотрела в небо, я смотрел вниз, на тебя. Я видел, как ты лежишь в высокой траве прерии, и понял, что не хочу другой жены, кроме тебя. Пойдем со мной, будем жить в моем доме на небе».

Перышко преисполнилась благоговения и ужаса. Она поняла, что перед ней стоит бог. Она сказала Утренней Звезде, что должна попрощаться со своими родителями и сестрами. Но Утренняя Звезда сказал, что на это нет времени. Он дал ей волшебное желтое перо в одну руку и ветку можжевельника — в другую. Потом он велел ей закрыть глаза. А когда она снова открыла глаза, то увидела, что уже попала в Небесную Страну и стоит перед жилищем Утренней Звезды — домом его родителей, Солнца и Луны. Перышко и Утренняя Звезда стали мужем и женой. Тогда был день, поэтому Солнце занималось своими обязанностями, а Луна, мать Утренней Звезды, была дома и занималась хозяйством. Девушка очень понравилась ей, и Луна нарядила ее в красивые одежды.

Перышко любила своего мужа и ее родителей. Через некоторое время она родила маленького мальчика, которого назвали Мальчик-Звезда. Но Перышко хотела найти себе какое-нибудь занятие в новом доме. Луна дала ей палку для выкапывания корней, чтобы работать, и строго-настрого приказала не выкапывать Великую Репу, которая растет рядом с домом Человека-Паука, потому что это освободит ужасные болезни.

Но Перышку очень нравилась Великая Репа, и она не понимала, почему ее так боятся. В конце концов, с виду она ничем не отличалась от других реп, только была гораздо больше. Перышко все ходила вокруг нее, но была осторожна, чтобы не прикоснуться к Великой Репе. Наконец она решила выкопать эту репу. Она сняла со спины Мальчика-Звезду и посадила его на землю. Пока она копала, над головой пролетели два журавля. Перышко попросила журавлей помочь ей, и они спели тайную волшебную песню, облегчившую работу.

Но Луна была очень мудрой и не зря предупреждала Перышко не выкапывать Великую Репу: дело в том, что Великая Репа прикрывала отверстие, через которую Утренняя Звезда пронес Перышко в Небесную Страну. Перышко с громким треском вырвала Великую Репу. Взглянув через дыру, она увидела далеко внизу лагерь индейцев-блэкфутов — быть может, свою родную деревню. И, увидев смертных, она затосковала по дому и заплакала. Чтобы скрыть, что она натворила, Перышко поставила репу на место и вернулась в дом своего мужа.

Когда Утренняя Звезда вернулся домой, он был очень печален. Сперва он молчал, а потом сказал: «Как ты посмела ослушаться и выкопать Великую Репу?» Луна и Солнце тоже были очень грустны и задали ей тот же вопрос.

Сперва Перышко не отвечала, но потом созналась в своем проступке. Впрочем, родители ее мужа и без того знали, что она не послушается их и все равно выкопает Великую Репу. Причина их печали была в том, что это наконец произошло и теперь ей придется навеки покинуть Небесную Страну.

На следующий день Утренняя Звезда отвел свою жену к Человеку-Пауку, который сплел паутину и спустил ее через дыру под Великой Репой до самой земли.

Когда Перышко вернулась на землю со своим сыном, ее радостно встретили ее родители и люди из их деревни. Но она уже больше никогда не была счастлива. Каждое утро она смот-

рела на небо, чтобы поговорить с Утренней Звездой, но он не отвечал ей.

Прошло много месяцев, и Утренняя Звезда наконец заговорил с Перышком: «Ты никогда не сможешь вернуться в Небесную Страну, — сказал он. — Ты совершила великий грех и принесла в мир несчастье и смерть». Перышко не в силах была вынести этого и умерла от горя.

Осиротевший Мальчик-Звезда жил на земле с бабушкой и дедушкой, пока они не умерли. Он был очень застенчивым ребенком и каждый раз, когда слышал шаги незнакомца, убегал. На лице у него был шрам, из-за которого его прозвали Пойа, что означает «лицо со шрамом». Когда он вырос и стал мужчиной, люди жестоко насмехались над ним из-за этого шрама и из-за того, что он говорил, будто его отец — Утренняя Звезда.

Пойа терпел все эти оскорбления до тех пор, пока ему не нанесли последний удар: дочь вождя отвергла его любовь. Жизнь его стала невыносимой, и Пойа пошел за советом к старой знахарке. Знахарка сказала ему, что есть только один способ избавиться от шрама: Пойа должен вернуться в Небесную Страну и попросить своего деда-Солнце убрать шрам. Пойа знал, что его мать когда-то изгнали из Небесной Страны, и опечалился. Как же он сможет вернуться на свою родину? Знахарка сказала ему, что существует способ добраться до Небесной Страны, но Пойа сам должен найти этот путь. Пожалев юношу, она дала ему в дорогу немного еды.

Пойа шел много дней, шел через горы, леса, снега и пустыни и наконец добрался до Великой Воды, которую белые люди называют Тихим Океаном. Это был крайний запад, место, куда Солнце скрывается на ночь. Пойа три дня постился и молился. На третий день он увидел, как лучи отражаются в Великой Воде, и понял, что это — дорога к Солнцу. Он пошел по этой дороге и добрался до дома Солнца и Луны.

Обнаружив Пойа, уснувшего у них на пороге, Солнце сперва хотел убить смертного, ибо ни одному обитателю Земли не позволено входить в Небесную Страну. Но Луна убедила его не делать этого: она узнала шрам и сказала Солнцу, что это их внук. Тогда Луна, Солнце и Утренняя Звезда приняли Пойа в своем доме. По просьбе внука Солнце убрал шрам с его лица.

Солнце также научил Пойа тайнам великого волшебства и великим истинам. Дед Пойа объяснил ему, что люди на Земле

терпят страдания из-за непослушания Перышка. Солнце передал весть народу блэкфутов: если они будут воздавать ему почести, хотя бы раз в год исполняя Танец Солнца, то все больные будут исцелены. Пойа быстро выучил Танец Солнца, дед же очень сильно привязался к нему. Солнце и Луна дали Пойа волшебную флейту, звуки которой могли очаровать любую женщину и внушить ей любовь. Но из-за проступка своей матери Пойа должен был вернуться на Землю; он спустился вниз по Млечному Пути.

Когда Пойа вернулся к народу блэкфутов, все воздали ему великие почести. Он научил блэкфутов мудрости, которую поведал ему Солнце, и научил их танцевать Танец Солнца, с помощью которого можно было исцелить больных. За великие подвиги, которые совершил Пойа, Солнце и Луна позволили ему вместе с его молодой женой (той самой дочерью вождя, которая когда-то отвергла его) вернуться в Небесную Страну и остаться жить там навеки. Пойа стал звездой, которая поднимается вместе с Утренней Звездой.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА
(*Индия*)

Как нам известно, мир много раз создавался и разрушался. Один лишь Брахма-Творец знает, сколько раз это происходило. Каждый из этих циклов творения делится на четыре века. Сперва идет золотой век, век Сатвы, или «блага». Затем наступает век Раджаса, или «энергии»; за ним следует третий век, представляющий собой как бы смесь двух предыдущих. Наконец, четвертый век — век Тамаса, или «тьмы», — завершает цикл.

Золотой век продолжается четыре тысячи лет, а затем следуют «сумерки», или переходный период, длящийся четыреста лет. В течение золотого века люди рождаются парами. Они полностью наслаждаются жизнью, они свободны от забот, трудов и необходимости добывать себе пищу. Они не знают ненависти и никогда не устают. Им даже не нужны дома и укрытия, поскольку в этот период всегда стоит хорошая погода. В золотом веке нет печали.

Второй век строится на следующем принципе: если какое-либо свершение утрачено, то на смену ему находится другая форма свершения. Когда вода достигает тонкого состояния —

пара или испарений, — она образует облака. Во втором веке из этих облаков идет дождь и начинают расти деревья. Деревья помогают людям: они служат для них жилищами и снабжают их в изобилии плодами и диким медом. Во втором веке появляются жертвоприношения богам, тогда как в золотом веке была известна только спокойная медитация. Второй век продолжается три тысячи лет; его сменяют сумерки длительностью в триста лет.

Люди начинают меняться. Появляются страсти, жадность, ненависть и гнев; мирная жизнь рушится. Люди стремятся захватить себе больше деревьев, чем у соседа. Жизнь среди деревьев, которые были первой формой закрепленного места обитания, делает людей собственниками; желания их растут. Они жаждут чужого; появляются воровство и убийство. Наконец, люди вырубают все деревья и начинают требовать от земли столько плодов, что она уже не в силах прокормить их.

В этот момент люди второго века понимают, что натворили, раскаиваются, и деревья снова начинают расти. Но научил ли людей чему-нибудь этот горький опыт? Едва ли. Они начинают разбойничать и убивать друг друга. Тогда Брахма создает касту воинов — кшатриев, чтобы люди не перебили друг друга (это повторяется во втором веке каждого цикла). Второй век на этом кончается эпохой несчастья и своеволия.

За ним наступает третий век, продолжающийся две тысячи лет; за ним следуют двухсотлетние сумерки. Чтобы научить людей нравственным законам, каждый третий век каждого цикла приходит мудрец по имени Вьяса. Вьяса создает священные писания — Веды — и разделяет их на четыре части. В третьем веке из речи, мысли и действий рождаются три несчастья — смерть, засуха и болезни. Люди ошеломлены обрушившимися на них бедами.

Они начинают думать, как избавиться от страданий. Погрузившись в созерцание и отрешившись от мира, люди начинают познавать самих себя и видеть свои ошибки. Если характерной чертой золотого века была медитация, а второго века — жертвоприношения, то в третьем веке преобладает знание.

Далее надо сказать о Дхарме, вечном принципе истины, на котором, как на четырехногом троне, покоится Вселенная. Когда оканчивается золотой век, одна нога трона Дхармы исчезает; с концом второго века исчезает вторая нога. Третья нога пропадает с окончанием третьего века, и к наступлению четвертого века

Дхарма совсем ослабевает. В четвертом веке, веке тьмы, в человечестве остается совсем мало истины, и Вселенная едва удерживается на одной ноге.

В течение всего четвертого века люди блуждают во тьме, полностью невежественные и слепые к истине. Чувства их омрачены тьмой и иллюзией (майей). Они не способны отличать истину от лжи, да их и не заботит разница между ними. Они преисполнены зависти и гнева; они даже убивают святых людей, которые пытаются открыть им истину и вывести слепых из тьмы. Страны постоянно воюют между собой по нелепым причинам, которые тут же забываются, как только началась война. Люди больше не верят священным писаниям.

На протяжении века тьмы вещи все более ухудшаются, и в конце концов людям приходится рыться в отбросах в поисках пищи, подбирая любые корешки, куски мяса и плоды, какие они только смогут найти или украсть. Даже если кому-то удается что-нибудь скопить, сосед обязательно попытается обокрасть его. Наконец, у людей остается очень мало собственности, и они перестают соблюдать обряды.

Впрочем, для нескольких мудрых людей, выживших в этом темном веке, будет возможность изредка проникать сквозь покрывало иллюзии и обретать прозрение. Благодаря этому они добьются своего рода душевного покоя. Те немногочисленные люди, которым удастся пережить темный век и столетние сумерки, последующие за ним, могут надеяться вновь увидеть золотой век, когда трон Дхармы снова будет стоять на четырех ногах. Либо же они смогут стать очевидцами конца мирового цикла и разрушения Вселенной.

ПЯТЬ ВЕКОВ
(Греция)

Первым веком человечества был золотой век, когда люди напрямую общались с богами и ели с ними за одним столом, а смертные женщины рожали детей от богов. Работать было не нужно: люди питались молоком и медом, бывшими в ту пору в изобилии на всей земле. Они не знали печали. Некоторые утверждают, что золотой век окончился тогда, когда люди стали чересчур дерзки с богами, заносчивы и высокомерны. Кое-кто из

смертных будто бы даже потребовал равной мудрости и силы с богами.

Потом наступил серебряный век, когда людям пришлось научиться обрабатывать почву, чтобы добыть себе пропитание. Они стали есть хлеб. Впрочем, несмотря на то, что люди жили тогда до ста лет, они были слишком женоподобными и полностью зависели от матерей [матриархат? — *Прим.ред.*]. Они постоянно жаловались на все и ссорились между собой. В конце концов великому богу Зевсу надоело смотреть на них, и он уничтожил их.

Следом начался первый бронзовый век. Первые люди этого рода упали с ясеневых деревьев, как семена. Люди питались в ту пору хлебом и мясом, и от них было куда больше пользы, чем от людей серебряного века. Но они были чересчур воинственными и в конце концов все перебили друг друга.

Второй бронзовый век был эпохой славных героев. Эти люди родились от богов и смертных женщин. В этом веке жил Геракл и герои Троянской войны. Люди доблестно сражались, жили добродетельной и честной жизнью, а после смерти попадали на блаженные Елисейские Поля.

Наше время — это железный век. Легко заметить, что с каждым новым веком ценность соответствующего ему металла уменьшается. То же происходит и с характером человечества: в железном веке он гораздо хуже, чем во все предыдущие эпохи. Люди больше не общаются с богами; более того, они вообще утратили благочестие. Кто же может упрекнуть богов в безразличии к человеку? Люди железного века коварны, надменны, похотливы и жестоки. Единственная причина, по которой боги еще не уничтожили человечество, — то, что все-таки остается еще немного праведников.

ПЯТЬ СОЛНЦ
(Ацтеки)

Сейчас мы живем в эпоху пятого Солнца, но на что были похожи предшествующие эпохи?

Первое из пяти солнц было Солнцем Оцелота. В то время мир был окутан тьмой, а люди жили, руководствуясь лишь звериными инстинктами, не пользуясь разумом. Они были глупы, и в конце

концов всех их съели оцелоты. Второе солнце было Солнцем Воздуха. Это была эпоха духов и прозрачных существ, которые могут однажды вернуться на землю. Но люди в то время не понимали, что должны платить за свои грехи, и боги превратили их в обезьян.

Третьим было Солнце Огня. В это время люди снова забыли о богах. Все реки пересохли, и все живое погибло в огне, кроме птиц, которым удалось улететь и спастись. Четвертым было Солнце Воды, Тлалок, который уничтожил всех людей, наслав потоп.

Пятый период — тот, в которым живем мы. В нашем Солнце объединились и уравновесились все четыре предыдущих принципа — животная энергия, воздух, огонь и вода. Мы не можем утверждать наверняка, что это солнце просуществует вечно; продолжение нашего существования зависит от того, будем ли мы следовать по «лестнице искупления», которая содержится в календаре ацтеков, и соблюдать ритуалы. Если боги снова будут забыты, наше Солнце тоже погибнет, а вместе с ним — и все мы.

ПЯТЬ МИРОВ

(*Навахо*)

Нынешний мир — пятый по счету. В первом мире жили три существа, обитавшие во тьме: Первый Мужчина, Первая Женщина и Койот. Но первый мир был слишком мал и темен, чтобы жить в нем счастливо, поэтому обитатели его взобрались во второй мир, где были Солнце и Луна. Восток был черным, запад — желтым, юг — синим, а север — белым. Иногда чернота с востока распространялась и накрывала весь мир. Когда три первых существа попали во второй мир, Солнце попыталось заняться любовью с Первой Женщиной. Женщина отказалась, и возникла ссора. Койот понимал подобные вещи и созвал всех людей с четырех сторон света.

Он посоветовал им перебраться в третий мир, широкую и привольную землю. Взобравшись в третий мир, люди убедились в том, что Койот дал хороший совет: новая земля была поистине прекрасна. Здесь их приветствовали горные люди. Горные люди предупредили новых жителей, что они будут жить в мире и

спокойствии, если они не побеспокоят водяную змею, Тиехолтсоди.

Но стоило только сказать Койоту не делать чего-либо, как он обязательно это делал. Им овладело любопытство, и он отправился к морю. Там он нашел играющих детей водяной змеи Тиехолтсоди, и они так понравились ему, что он схватил их и побежал прочь. Тиехолтсоди очень рассердился и принялся разыскивать своих детей по всему миру, но напрасно. Тогда он решил наслать на мир наводнение, чтобы утопить вора.

Когда вода поднялась, люди стали думать, как спастись от потопа. Призвав на помощь волшебство, они принесли четыре горы с четырех сторон света и поставили их одну на другую. Но вода продолжала прибывать и покрыла сначала первую гору, потом вторую и третью; люди столпились на вершине четвертой горы, думая, что же им делать. Они посадили огромный тростник, он вырос и достал до неба. Вода уже плескалась у них под ногами, но в последний момент люди успели перебраться в четвертый мир. Последним поднялся по тростнику индюк; и по сей день перья у него в хвосте белые, потому что вода потопа смысла с них краски.

Четвертый мир был еще больше третьего. Но он оказался туманным и тусклым. Через этот мир протекала великая река. Люди жили к северу от реки, а души людей в форме животных — к югу.

Прошло немного времени, и люди начали ссориться между собой. Мужчины постоянно спорили с женщинами из-за пустяков. Мужчины и женщины все время пытались доказать друг другу, что они главнее. Женщины утверждали, что если бы их не было на свете, то все бы давно умерли: в конце концов, ведь именно они сажают пшеницу и убирают урожай, они делают одежду и рожают детей. Мужчины возражали, говоря, что они важнее: ведь мужчины исполняют обряды, благодаря которым вырастает хороший урожай, они пашут землю, охотятся, строят дома и зачинают детей. Кроме того, они защищают деревни от нападения. Женщины, в свою очередь, утверждали, что они плетут корзины, готовят пищу и охраняют огонь. Спор так и не решился, и мужчины решили покинуть свои дома на четыре года.

Но в эти четыре года ни мужчины, ни женщины не были счастливы. Ведь мужчины и женщины были созданы для того,

чтобы быть вместе, несмотря на все различия между ними, и в разлуке они поняли это. Ведь женщины не знали ни ритуалов, ни того, как пахать землю, поэтому пшеница плохо росла и пищи стало не хватать. Женщины не знали, что делать, потому что они не умели охотиться.

Но мужчины оказались не в лучшем положении, чем женщины. За четыре года они стали раздражительными. Не представляя себе, как делать шерсть, мужчины износили свою одежду до лохмотьев, и солнце стало палить их кожу, а в холодную погоду они ужасно мерзли. И хотя они знали ритуалы и умели пахать землю, у них не было пшеницы, потому что они не знали как возделывать посевы и собирать урожай. И хотя они умели охотиться, вскоре они заболели и зубы у них выпали, потому что им приходилось жевать сырое мясо: ведь они не умели готовить пищу. А хуже всего было то, что они лишились радости смотреть на игры маленьких детей.

Так мужчины и женщины поняли, что друг без друга они несовершенны и что никто из них не главнее. Женщины решили взглянуть по-иному на то, что они считали «недостатками» мужчин, а мужчины «простили» женам их недостатки. Когда они в конце концов воссоединились, наступил мир и счастье — и в тот первый год их новой совместной жизни родилось много-много детей.

Однако мирная жизнь продолжалась недолго: ведь дети Тиехолтсоди до сих пор оставались у Койота. Потоп, который Тиехолтсоди наслал на третий мир, был так могуч, что воды поднялись в четвертый мир, и почва размягчилась. Людям угрожал новый потоп, и они снова нагромоздили друг на друга четыре горы, вырастили огромный тростник и вскарабкались в пятый мир, где мы и живем до сих пор.

Первым в этот мир попал бобер. Он вернулся с неутешительными новостями: все, что он увидел, оглядевшись по сторонам в пятом мире, — это дно огромного озера. Тогда люди послали в пятый мир саранчу, чтобы она поднялась на поверхность озера.

На поверхности воды плавали два лебедя, стражи пятого мира. Они сказали саранче, что не пропустят в пятый мир никого, кто не пройдет испытания. Испытание состояло в том, чтобы проглотить стрелу, вытащить ее через задний проход, затем снова засунуть в задний проход и вытащить изо рта. Саранча прекрасно поняла, что почти никто из животных не выживет

после такого испытания. Но она была хитрой и сумела обмануть лебедей: она знала, что может протащить стрелу через свою грудную клетку без всякого вреда. Более того, было очевидно, что лебеди никогда прежде не видели саранчи.

Итак, саранча, к удивлению лебедей, протянула стрелу сквозь свою грудную клетку. А потом она предложила лебедям проделать то же самое, что, естественно, было бы для них смертельно. Лебеди знали, что это было бы самоубийством, и, поразившись отваге и «колдовским способностям» саранчи, разрешили людям четвертого мира войти в пятый.

Спасшись от двух потопов, произошедших из-за того, что Койот украл детей Тиехолтсоди, люди не хотели, чтобы то же несчастье обрушилось на них и в пятом мире. Поэтому они приказали Койоту вернуть детей водяной змее. Койот подчинился, и Тиехолтсоди успокоился.

Выйдя в пятый мир, люди оказались на острове посреди огромного озера. Они стали молиться Духу Тьмы, и тот вырыл канаву, чтобы отвести воду; в наши дни эта канава называется рекой Колорадо. Потом люди помолились четырем ветрам и попросили их, чтобы они дули днем и ночью и высушили почву на их острове. На небе появились Солнце и Луна, и люди четыре дня смотрели, как Солнце поднимается на свое место на небе.

Но добравшись до положенного места, Солнце остановилось, не желая больше двигаться. Возникла угроза, что весь мир сгорит. Тогда вперед вышла жена великого вождя и сказала, что ей приснился сон, будто Солнце не станет двигаться, пока не умрет человек. И она предложила себя в жертву. Люди с грустью размышляли, куда ушел ее дух; наконец, какой-то человек однажды заглянул в яму и увидел, что женщина сидит там довольная и расчесывает волосы. И с тех пор каждый день должен умирать один человек, чтобы Солнце продолжало двигаться.

МИФЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ О ВЫХОДЕ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Так же, как в мифе индейцев навахо, выход из-под земли — частый мотив в мифах ряда североамериканских народов. К ним относятся мифы мойявских апачей, обитавших в юго-западных пустынях непод-

алеку от навахо, и манданских сиу, пришедших из Дакоты, которая удалена на тысячи миль от родины мойявов*.

В чем значение подобных мифов? Быть может, они представляют последовательную смену стадий культурного развития или сознания? Быть может, это мифы об эволюции?

Манданы

Самые первые люди жили под землей на берегу прекрасного озера. Однажды над их жилищами выросла большая виноградная лоза. Корень лозы спустился вниз, в деревню подземных людей. Несколько смельчаков взобрались по нему в верхний мир.

Когда первопроходцы вернулись, они сообщили, что верхний мир прекраснее всего, что они когда-либо прежде видели, что в нем много рыбы и дичи, он полон света и красивых цветов. Тогда многие люди тоже взобрались по виноградной лозе в новый верхний мир.

Но однажды за ними решила последовать толстая женщина. Она полезла вверх, и корень обломился; половина людей осталась под землей, где они и живут по сей день. Когда мы умираем, мы присоединяемся к нашим подземным родичам.

Абанаки

Персонаж по имени Клоскурбех отождествляется с Глускапом алгонкинских мифов. Абанаки, или вабанаки, — это алгонкинский народ, живший на территории штата Мэн и Нью-Брунсвика.

Сперва Маниту, Великий Дух, создал Клоскурбеха, великого учителя. Однажды днем, когда Солнце стояло прямо над головой, Клоскурбеху явился маленький мальчик. Он объяснил, что родился, когда море вспенилось огромной пеной, которая разогрелась на солнце, сгустилась и дала жизнь ребенку.

---

* Миф мойявских апачей практически идентичен мифу манданов — с одним небольшим различием. В версии мойявов в качестве проводника в верхний мир отправляют птицу колибри.

На следующий день, в полдень, учитель и мальчик встретили девочку. Она объяснила, что родилась из земли, на которой выросло зеленое растение, породившее ее, словно плод. Таким образом, Клоскурбех, мудрый учитель, узнал, что люди возникают из соединения моря и суши. Учитель возблагодарил Маниту и научил мальчика и девочку всему, что они должны были знать. Потом Клоскурбех удалился в северные леса для раздумий.

Мальчик и девочка выросли, стали взрослыми и родили много-много детей. Но, к несчастью, детей оказалось так много, что их уже нельзя было прокормить охотой и собиранием диких плодов. Мать горевала, глядя, как голодают ее дети, и отец был в отчаянии. Однажды мать спустилась к ручью и в грустной задумчивости вошла в воду. Но когда она дошла до середины ручья, настроение ее полностью переменилось, и ее наполнила радость. Из ее тела между ногами вырос длинный зеленый побег. Когда же мать вышла из ручья, она снова опечалилась.

Позже отец спросил ее, что происходило в тот день, когда он уходил на поиски пищи. Мать рассказала ему обо всем. Потом она велела отцу убить ее и посадить ее кости в землю в две кучки. Отец, само собой, был расстроен таким приказом и много раз переспрашивал мать, действительно ли он должен это сделать. Вполне понятно, что ему было страшно убивать свою жену ради спасения детей. Но мать настаивала.

Тогда отец отправился к Клоскурбеху за советом. Клоскурбех подумал, что все это очень странно, и стал молиться Маниту, прося о наставничестве. А потом Клоскурбех сказал отцу, что мать была права: такова воля Маниту. Итак, отец убил свою жену и закопал ее кости в землю в две кучки, как она велела.

Семь месяцев подряд отец стоял над кучками костей и плакал. А потом однажды утром он увидел, что из одной кучки вырос табак, а из другой — маис. Клоскурбех объяснил мужчине, что его жена в действительности не умерла: напротив, она будет жить вечно в этих двух растениях.

И по сей день любая мать предпочтет умереть, лишь бы не голодали ее дети, и все дети мира по сей день питаются благодаря этой первой из матерей. Мужчины закапывают в землю на полях излишек рыбы от улова как дар в благодарность первой матери и как напоминание о том, что все мы — дети союза воды и земли.

ТРИ ИСТОРИИ О ТРИКСТЕРЕ МАУИ
(*Полинезия*)

Мауи, в честь которого назывался остров гавайцев, — это великий трикстер полинезийской мифологии, встречающийся в мифах всей Полинезии, от Гавай до Новой Зеландии.

МАУИ ТОЛКАЕТ НЕБО

Трикстер Мауи — сын Тангароа [Каналоа у гавайцев] и смертной женщины. Он любил испытывать предел терпения богов и был далеко не самым честным из живых существ. В юности он был очень красив и обаятелен и любил хвастаться своей силой.

Однажды, в те времена, когда небо было еще так низко, что касалось земли, Мауи прогуливался по земле и увидел девушку, пытавшуюся подтолкнуть небо вверх. «Мне надо выполнить кое-какую работу, — сказала девушка, но небо все падает и падает на меня и не дает мне попасть туда, куда я должна прийти». Поскольку девушка была очень красива, Мауи начал хвастаться своей силой, говоря, что он — сын Тангароа и что он может разрешить эту трудность. Но девушка засмеялась и сказала: «Кто бы ты ни был, ты — всего лишь хвастун!» Тогда Мауи принялся играть большими скалами и произвел на девушку впечатление.

Потом Мауи сказал девушке, что с радостью оттолкнет небо от земли, если она согласится спать с ним [в оригинале: «если ему будет позволено испить из ее тыквы»]. Мауи был таким сильным, красивым и привлекательным, что девушка не смогла отказать ему. Чтобы выполнить свою часть договора, Мауи закрыл глаза и подтолкнул небо вверх.

Но этот подвиг сделал Мауи таким самодовольным, что с тех пор он начал портиться.

МАУИ КРАДЕТ ОГОНЬ

Мать Мауи предупреждала его, чтобы он не раздражал Махуи-Ике, прапрабабку Мауи, которая была хранительницей огня в подземном мире. Но Мауи подумал, каким

сильным он станет, если только он один будет владеть огнем. Он нашел дыру в земле, которая вела в подземный мир, и отправился в гости к Махуи-Ике. Старуху настолько очаровал ее красивый потомок, что она спросила его, что он хочет получить от нее. Мауи попросил у нее немного огня, чтобы принести его к себе в дом. Махуи-Ике выдернула один из своих ногтей на руке, который был пылающим огнем, и Мауи вернулся с огнем в верхний мир.

Только-только скрывшись из виду старухи, Мауи погасил огонь в ручье. Потом он вернулся к Махуи-Ике и сказал ей, что, пока он шел домой, огонь погас. Прапрабабушка ответила, что такое иногда случается, выдернула еще один ноготь и вручила ему. Оказавшись в верхнем мире, Мауи снова погасил огонь.

Он проделывал это снова и снова до тех пор, пока у Махуи-Ике не остался всего один ноготь на ноге. Прежде она хранила терпение, но тут ей стало ясно, что ее праправнук — просто обманщик, который пытается обхитрить ее. Она выдернула этот ноготь и погнала Мауи в верхний мир огромным языком пламени. Она швырнула пламя на землю, воскликнув: «Если ты хотел огня, так получай его!» И весь мир охватил огонь. Тогда Мауи превратился в орла, чтобы спастись от жара. Посовещавшись со своим отцом Тангароа, он вызвал дождь, загасивший огонь повсюду, кроме одного-единственного места, откуда и происходит огонь, которым мы пользуемся по сей день.

Кроме того, Мауи заметил, что дерево горит лучше других материалов, и с тех пор люди используют дерево в качестве топлива.

МАУИ ПЫТАЕТСЯ ОБМАНУТЬ СМЕРТЬ

Хина, первая женщина, — хранительница подземного мира мертвых. Она решает, кому жить, а кому умереть. Никто никогда не оспаривал ее прав, кроме Мауи.

Муж сестры Мауи очень раздражал его, и Мауи превратил его в собаку. Сестра Мауи так расстроилась, что попыталась утопиться, но в последнюю минуту ее спасли. Все люди согласились на том, что Мауи отвратительно поступил с мужем своей сестры и должен за это умереть. Тогда Мауи отправился к своему отцу Тангароа и спросил его, как ему спастись от смерти. Тангароа

посоветовал ему пойти к Хине и попросить ее о снисхождении: ведь он был сыном бога. Мауи мог бы и преуспеть в этом, но в своей гордыне он решил, что может обмануть саму смерть.

Когда Мауи попал в подземный мир, великая Хина спала. Мауи попросил всех животных хранить тишину, чтобы не тревожить Хину. Потом он забрался внутрь Хины между ногами, прополз по ней изнутри и вылез изо рта. Никто до сих пор не осмеливался проделать подобную вещь. Мауи знал, что, если это удастся ему во второй раз, он станет бессмертным.

Но над богами стоит справедливость, которую нельзя провести. Мауи оказался слишком глуп и не понял этого. Он снова полез между бедер Хины. Животные так поразились его дерзости, что одна маленькая птичка громко рассмеялась и разбудила Хину. И Хина раздавила Мауи насмерть.

С тех пор ни один смертный не достиг бессмертия, а Хина никогда больше не спит. В давние времена люди умирали только по ночам, когда Хина бодрствовала, и не умирали днем, когда она спала. А с тех пор, как Мауи рассердил Хину, люди могут умирать в любое время дня и ночи.

ПРОМЕТЕЙ И ЭПИМЕТЕЙ

(*Греция*)

Давным-давно было время, когда по земле ходили Титаны — могущественные исполины*. Во время битвы между Титанами и Олимпийскими богами, предводителем которых был Зевс, два брата-Титана сражались на стороне Зевса. Один из них — Прометей, создатель человечества, вылепивший людей из глины; другой — Эпиметей**.

Но, хотя братья были союзниками Зевса, они все же оставались Титанами, и Олимпийские боги не доверяли им. Однажды люди стали обсуждать, какие части жертвенного быка следует отдавать богам. Естественно, боги ожидали, что им достанутся лучшие части, жирное и вкусное мясо. Но Прометей обманул

---

* Титаны были великанами греческой мифологии, сопоставимыми с исполинами библейской Книги Бытия — «сынами Божиими», которые брали в жены женщин из рода человеческого. Они аналогичны великанам Йотунхейма в скандинавской мифологии и гигантам, действующим в мифах перуанских и североамериканских индейцев.

** «Прометей» означает «мыслящий наперед, провидец», Эпиметей — «крепкий задним умом»

Зевса. Он разделил быка, разложив его на два мешка. В один мешок он сложил хорошее мясо, прикрыв его сверху внутренностями, чтобы Зевс подумал, будто этот мешок негодный, и вернул его Прометею. Во второй мешок Прометей сложил кости, а сверху поместил слой жира. Когда Прометей предложил Зевсу на выбор эти мешки, бог, само собой, выбрал тот, где сверху лежал жир. Но когда Зевс понял, как его обманули, он сказал: «Так пускай же Прометей вместе со своими людьми питается сырым мясом! Я никогда не дам им огонь!»

Прометей знал, что людям понадобится огонь, чтобы развиваться и научиться готовить пищу, делать горшки и ковать металл. Поэтому он пошел к Афине, богине мудрости, под предлогом того, что хочет обсудить с ней свое положение. Но он не стал говорить с Афиной. Он проскользнул во дворец богов через черный ход, подкрался к колеснице Солнца и украл немного огня, спрятав его в полый стебель фенхеля. Потом он вернулся на землю и отдал огонь смертным, вопреки велению Зевса.

Когда Зевс узнал об этой краже, он пришел ярость. До того как Прометей украл огонь, на земле жили только мужчины. И Зевс приказал Гефесту, божественному кузнецу, сделать из глины женщину. Гефест создал прекрасную женщину, Афродита добавила ей красоты и научила ее, как очаровывать мужчин. Афина наделила ее искусством готовить пищу, ткать и прясть; другие боги и богини тоже вручили ей свои дары. И ее назвали Пандорой, что значет «одаренная всем».

Зевс собирался вручить Пандору «в дар» Прометею. Боги дали в приданое женщине запечатанный глиняный сосуд. Прометей отказался от подарка, и боги предложили Пандору Эпиметею. Прометей советовал Эпиметею не принимать от богов этих подарков. И Эпиметей отказался от Пандоры. Тогда Зевс наказал Прометея за этот совет, приковав его к скале в горах Кавказа и послав хищного стервятника клевать его печень.

Испуганный ужасной местью Зевса, Эпиметей взял Пандору в жены. Прометей предупреждал Пандору не открывать глиняный сосуд, но ею овладело безудержное любопытство. Она не могла больше терпеть и открыла сосуд. Оттуда вылетел целый рой несчастий, которые с тех пор досаждают человечеству, — жадность, похоть, болезни, старость, голод и множество других. Одна лишь надежда осталась лежать на дне сосуда. И пока с нами

остается надежда, мы в силах вытерпеть все несчастья, которые обрушиваются на нас.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕДИЦИНЫ
(*Чероки*)

Некогда, вскоре после того, как был создан мир, было время, когда люди и животные свободно общались друг с другом. Но им не удалось надолго сохранить дружеские отношения. Люди начали убивать животных ради их шкур и мяса. В то время это было легко, поскольку животные совершенно не умели спасаться от охотников и доверчиво шли навстречу людям. Но вскоре животные рассердились.

Племя медведя собралось на совет, который возглавлял Белый Медведь. Когда несколько медведей высказали жалобы на людей, племя решило объявить людям войну. Но когда сердитые выкрики смолкли, Белый Медведь сказал своим соплеменникам, что у людей есть против них преимущество: люди владели копьями, луками и стрелами. Тогда медведи решили тоже сделать себе оружие.

И все же медведи столкнулись с новой трудностью: их когти мешали им бросать копье. Не могли они и стрелять из лука, поскольку когти мешали натягивать тетиву. Кое-кто из молодых медведей предложил обрезать когти, но Белый Медведь сказал, что медведям нужны когти, чтобы лазать по деревьям и добывать пищу.

Тем временем олени тоже настолько рассердились на людей, что собрались на совет; их вождем был Маленький Олень. Олени — более кроткие создания, чем медведи, так что они не стали объявлять войну людям. Они решили применить колдовство; и с тех пор, если охотник хочет убить оленя, он должен попросить разрешения на это у духа Маленького Оленя, иначе ему придется впоследствии просить прощения. Если же охотник не сделает этого, он заболеет и не сможет ходить.

Рыбы и рептилии тоже собрались обсудить свои дальнейшие отношения с людьми. Они решили запугать людей кошмарными снами о змеях. Только чероки могут отогнать такие сны с помощью целителя.

Птицы и насекомые тоже собрались на совет; каждый из них назвал болезнь, которую он рассеет среди людей.

Однако растения решили, что это будет несправедливо, заметив, что многие животные сами убивают ради пропитания, так что не стоит судить людей слишком строго. Поскольку растения растут повсюду, они слышали все, что говорилось на совете медведей, оленей, рыб и рептилий, птиц и насекомых, и узнали, какие болезни должны поразить людей. И каждое растение решило, что станет целебным средством против одной из болезней. Так родилось врачебное искусство.

МУРИЛЕ И ВОЖДЬ ЛУНЫ
(*Кения*)

Некогда жил юноша по имени Мурилe. Его мать все время ворчала на него, придираясь ко всем мелочам. Все, что бы он ни делал, казалось ей неправильным; все его усилия встречали только колкости и упреки. Устав от этого, Мурилe попросил у своего отца сиденье, прослужившее их роду много поколений. Он сел на это сиденье и произнес все магические заклинания, которые только смог вспомнить. Внезапно сиденье взлетело с земли и направилось к Луне.

Опустившись на Луну, Мурилe пришел в деревню и спросил, как пройти к дому Вождя Луны. Местные жители предложили Мурилe поработать вместе с ними в обмен на сведения, и Мурилe согласился. Жители Луны полюбили Мурилe и сказали ему, куда идти. Мурилe отправился в указанном направлении.

Придя в деревню Вождя Луны, Мурилe был неприятно удивлен тем, насколько отсталые люди здесь живут. Они не знали ничего об огне; они ели сырое мясо, не умели делать горшки и по ночам дрожали от холода. Мурилe взял палки и добыл огонь, благодаря чему стал великим героем лунного народа и любимцем Вождя Луны. Его стали прославлять как величайшего из волшебников.

В благодарность за услуги Мурилe оделили дарами и осыпали почестями. Вождь Луны и его подданные подарили Мурилe много скота и жен. Каждый отец хотел выдать своих дочерей за Мурилe.

Вскоре Мурилe стал очень богатым и начал готовиться к возвращению на землю: теперь-то его мать увидит, на что способен ее сын. Он послал своего друга, птицу пересмешника, объявить, что вскоре он вернется на землю. Но семья Мурилe

даже не поверила, что их сын еще жив: они уже давным-давно сочли его погибшим. Когда пересмешник вернулся на Луну с такими вестями, Мурилe не поверил, что пересмешник говорил с его семьей. Тогда пересмешник еще раз слетал на землю в деревню Мурилe и принес на Луну посох его отца в доказательство.

Убедившись, наконец, что пересмешник не лжет, Мурилe начал готовиться к возвращению на Землю. Он нарядил своих жен и многочисленных детей в самые лучшие платья и увешал их драгоценностями. Теперь у него было столько богатства, что его мать не могла бы не поразиться. С такой огромной свитой Мурилe не мог воспользоваться волшебным сиденьем, так что им пришлось идти пешком. Со временем Мурилe утомился. Один из его лучших быков предложил Мурилe, что он, бык, донесет своего хозяина домой на спине, а Мурилe взамен должен дать ему обещание никогда не убивать его и не есть его мяса. Мурилe с радостью согласился.

Семья Мурилe с радостью встретила его и дивилась его огромному богатству и многочисленным женам и детям. Даже мать его обрадовалась, что сын вернулся домой. Но она ничего не могла поделать со своим скверным характером и продолжала жаловаться всем вокруг на своего богатого и могущественного сына. Мурилe взял со своих родителей клятву никогда не причинять вреда быку, который привез его домой.

Но со временем родители забыли об этой клятве. Ведь у Мурилe было очень много скота, и, быть может, родители просто забыли о том, какого именно быка их сын имел в виду. Итак, родители Мурилe убили быка, и мать приготовила блюдо из его мяса. Когда Мурилe сел за стол, мясо заговорило с ним, напомнив о его обещании. Но Мурилe не обратил на это внимания и стал есть. Когда он проглотил первый кусок, земля поглотила его.

СПАСЕНИЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
(*Ирокезы*)

Некогда жил великий воин по имени Некумонта; его женой была прекрасная Шаневис. Зимой, когда выпал густой снег и трудно было найти пищу, первых людей поразила ужасная болезнь, и многие умерли. Некумонта смотрел, как один

за другим умерли все его братья и сестры, потом — мать и отец. В конце концов в живых остались только Некумонта, Шаневис и еще несколько человек. Но, казалось, весь человеческий род должен погибнуть, потому что Шаневис тоже заболела и лежала при смерти; и другие люди жаловались на приближение болезни. Некумота не в силах был вынести мысли о том, что потеряет свою жену. Он знал, что если сможет спасти ее, то род человеческий тоже будет спасен.

Тогда Некумонта стал молиться Великому Духу, умоляя его помочь ему найти целебные травы для спасения жизни Шаневис. Укрыв ее мехами, чтобы согреть, Некумонта отправился на поиски лекарства. Он искал травы под глубоким снегом, но ничего не нашел. Утомившись, он лег и уснул.

Когда он проснулся, он еще три дня продолжал искать траву, безуспешно блуждая по замерзшим озерам, лесам и холмам. Потом перед ним появился маленький белый заяц.

Некумонта спросил зайца: «Где мне найти травы, выращенные Великим Духом, чтобы спасти мою жену и мой народ?» Но маленький заяц только покрутил носом и убежал прочь.

Тогда Некумонта отправился к берлоге черного медведя, лежавшего в спячке, и попросил его о помощи. Но сонный медведь только заворчал и перевернулся с боку на бок.

На третью ночь Некумонта почувствовал, что сам заболевает. Он упал на землю и погрузился в глубокий сон. Все птицы и звери помнили о его великой доброте. Некумонта никогда не убивал животных, если не нуждался в пище или одежде. Они помнили, с каким почтением Некумонта относился к деревьям и цветам. Животные глядели на него, и сердца их наполнились состраданием. Они решили помочь ему. Все звери, деревья, птицы и растения воззвали к Великому Духу, молясь за Некумонту.

И, пока Некумонта спал, Великий Дух послал ему весть. Он увидел во сне свою прекрасную Шаневис, все еще больную, но поющую странную и чудесную песню. Потом он услышал шум водопада. Воды пели ту же самую песню, но слова теперь были яснее: «Найди нас, Некумонта, и твоя Шаневис будет жить!»

Тут молодой воин пробудился, и эти слова продолжали звучать в его душе. Он огляделся по сторонам, но не увидел никакого водопада. Но пение вод не умолкало.

Некумонта принялся отчаянно разрывать снег в поисках воды.

Он стал подбирать палки и камни, чтобы разрыть мерзлую землю. Он копал и копал и вырыл в земле глубокую яму. Внезапно из ямы стал пробиваться крохотный ручеек. Потом вода заполнила яму, и волны здоровья и счастья нахлынули на Некумонта. Искупавшись в этой воде, Некумонта тотчас же выздоровел и даже стал сильнее, чем раньше.

Вознеся благодарную молитву Великому Духу, он вернулся к яме, набрал немного глины и сделал кувшин, чтобы принести целебной воды в свою деревню. Вернувшись в деревню, Некумонта понял, что успел как раз вовремя. Последние остававшиеся в живых люди были уже очень слабы, а дух Шаневис уже почти отлетел в страну теней.

Шаневис была слишком слаба, чтобы пить, но Некумонта влил ей в рот несколько капель целебной воды. И она поднялась здоровой, и стала еще красивее, чем раньше. Другие люди тоже выпили воды и тут же выздоровели. Болезнь ушла, а люди навсегда запомнили Некумонта — спасителя рода человеческого.

Мифы о потопе

Все звери шли попарно
Ура! Ура!
Все звери шли попарно
Ура! Ура!
Все звери шли попарно,
И кот, и пес, и кенгуру,
И все садились в ковчег,
Чтобы спастись от дождя

Старая воскресная
школьная песенка

ИСТОРИЯ НОЯ
(Книга Бытия, 6:5—8:22)

«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время.

И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем.

И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их.

Ной же обрел благодать пред очами Господа.

Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом.

Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета.

Но земля растлилась пред лицем Божиим, и наполнилась земля злодеяниями.

И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.

И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли.

Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи.

И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей.

И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье жилье.

И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни.

Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою.

Введи также в ковчег из всех животных и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут.

Из птиц по роду их, и из скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых.

Ты же возьми себе всякой пищи, какою питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею.

И сделал Ной все: как повелел ему Бог, так он и сделал.

И сказал Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем.

И всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского.

Также и из птиц небесных по семи, мужеского пола и женского, чтобы сохранить племя для всей земли, ибо, чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю

сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли.

Ной сделал все, что Господь повелел ему.

Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю.

И вошел Ной, и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа.

И из скотов чистых и из скотов нечистых, и из всех пресмыкающихся по земле по паре, мужеского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как Бог повелел Ною.

Чрез семь дней воды потопа пришли на землю.

В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

В сей самый день вошел в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними.

Они, и все звери по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, все птицы, все крылатые.

И вошли к Ною в ковчег по паре от всякой плоти, в которой есть дух жизни.

И вошедшие мужеский и женский пол всякой плоти вошли, как повелел ему Бог. И затворил Господь за ним.

И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею.

Вода же усиливалась и весьма умножалась на земле; и ковчег плавал по поверхности вод.

И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом.

На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы.

И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди.

Все, что имело дыхание духа в ноздрях своих на суше, умерло.

Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, — все истребилось с земли, остался только Ной и что *было* с ним в ковчеге.

Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней.

И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились.

И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба.

Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней.

И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских.

Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор.

По прошествии сорока дней Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды.

Потом выпустил от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли, но голубь не нашел места покоя для ног своих, и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег.

И помедлил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега.

Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли.

Он помедлил еще семь дней других и выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему.

Шестьсот первого года к первому дню первого месяца иссякла вода на земле; и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли.

И во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, земля высохла.

И сказал Бог Ною:

Выйди из ковчега ты, и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою; выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов пресмыкающихся по земле, и пусть плодятся и размножаются на земле.

И вышел Ной, и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним.

Все звери, и все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега.

И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике.

И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал*:

впредь во все дни земли
сеяние и жатва,
холод и зной,
лето и зима,
день и ночь не прекратятся».

МАНУ И РЫБА
(*Индия*)

Однажды давным-давно человек по имени Ману умывался. Опустив в кувшин с водой руку, он поймал маленькую рыбку.

Рыбка заговорила с ним: «Если ты согласишься заботиться обо мне и защищать меня, пока я не вырасту, я спасу тебя от ужасных вещей, которым предстоит произойти». Ману спросил рыбку: «Что ты имеешь в виду? Какие ужасные вещи?» Рыбка ответила, что вскоре начнется великий потоп, который уничто-

---

* Геза Рохеим, венгерский последователь Зигмунда Фрейда, связывает универсальность мифов о потопе со сновидениями, которые снятся человеку, заснувшему с полным мочевым пузырем

жит всех людей на земле. Потом рыбка сказала Ману, чтобы он поместил ее в глиняный кувшин, и Ману повиновался. Когда рыбка подросла, Ману сменил кувшин на больший, и так продолжалось до тех пор, пока она не выросла окончательно. Тогда ее уже можно было отпускать в море. Рыбка превратилась в гаша, одну из самых больших рыб на свете.

Рыба велела Ману построить большой корабль, поскольку до потопа оставалось всего несколько месяцев. Когда начались дожди, Ману привязал веревкой свой корабль к хвосту гаша, и она вела за собой корабль, когда воды поднялись. Вскоре воды покрыли всю землю. А когда они схлынули, гаша помогла Ману добраться до вершины горы.

УТНАПИШТИМ
(*Вавилон*)

Гильгамеш, герой великого эпоса, однажды встретил старика по имени Утнапиштим, который стал богом благодаря своим добродетелям и послушанию богам и спас человечество и животных от великого потопа. Утнапиштим поведал Гильгамешу свою историю.

Боги пришли к Утнапиштиму, чтобы предупредить его о приближении ужасного наводнения. Они велели ему бросить всю работу, сжечь свой дом и немедленно приступить к строительству большого корабля, который должен был составлять 120 локтей в высоту и 120 локтей в ширину. Утнапиштим должен был вбить пробки от воды в корабль и просмолить его. Потом он должен был взять животных всех видов, мужского и женского пола, а также свою семью, пищу, золото, серебро и украшения.

Когда Утнапиштим закончил строительство корабля, хлынул дождь. Наводнение было таким ужасным, что испугались даже боги. Эа, бог воды, который устроил потоп, понял, что это получилось гораздо хуже, чем он рассчитывал. Иштар, богиня красоты, чьи гневные речи на собрании богов послужили причиной потопа, плакала при виде детей, «превращающихся в глину» в результате ее оплошности.

Шесть дней и шесть ночей дул ветер, и наконец потоп прекратился. Когда воды схлынули, боги увидели, что земля

стала плоской и все живые существа исчезли. Утнапиштим склонил голову и заплакал. Корабль его остановился на вершине горы Нисир на севере. Через семь дней Утнапиштим выпустил голубя. Но голубю было негде опуститься, и он вернулся. Тогда Утнапиштим послал ласточку, но она тоже вернулась. Наконец, он послал ворона, и ворон не вернулся, поскольку нашел себе место для гнезда. И Утнапиштим понял, что может выйти из корабля.

ГАВАЙСКИЙ МИФ О ПОТОПЕ

У гавайцев еще до прихода миссионеров существовал свой туземный миф о потопе. Сейчас выделяются две версии: на одну из них очевидно повлияла библейская история, а вторая — более ранняя. Вот что пишет по этому поводу Марта Беквит в своей книге «Гавайская мифология»:

«Через двенадцать поколений от начала расы по генеалогии Кумухонуа, во время так называемой Эры Переворота, встречается имя Ну-у, которого также называли Нана Ну-у... Его называли «великий Кахуна», и в его время произошел потоп, известный как Каи-а-ка-хина-ли-и, что можно перевести как «море, которое вызвал Кахинали-и» или «море, которое заставило воров потерпеть неудачу». Из-за этой катастрофы сам Ну-у получил имя Кахинали-и; после потопа он стал называться Ку-капуна, его жена — Ку-кекоа, а трое их сыновей зовутся именами ветров, приносящих дождь.

Рассказанная миссионерам история Ну-у представляет определенную тенденцию следовать библейской аналогии.

В версии Форнандера Ну-у строит «большое судно с домом на верхушке...». В нем он спасается от потопа, а после того, как земля высыхает, Кане, Ку и Лоно входят в дом и вызывают его наружу; он обнаруживает, что находится на вершине Мауна Кеа на Гавайях, рядом с пещерой, названной по имени его жены

Лили-ноэ. Ну-у поклоняется Луне и приносит ей в жертву ауа (лист), свинью и кокосовые орехи, полагая, что именно Луна спасла его от гибели. Тогда Кане спускается к нему (некоторые утверждают, что он спускается на радуге), объясняет Ну-у его ошибку и принимает от него жертвы. По этой версии, которую рассказывали на Гавайских островах, у Ну-у было три сына, а его жену звали Лили-ноэ...

Хотя гавайской традиции известен потоп Кахинали-и, а старым гавайцам знакомо понятие Уа-а-халау-али-и-о-ка-моку, которое можно перевести как «каноэ, похожее на дом вождя», все же идея дома-лодки, описанная в этой легенде, имеет заимствованное происхождение. Старики на Гавайях [утверждали], что «их отцы сообщали им, будто потоп затопил всю землю, кроме маленькой горной вершины на Мауна Кеа, где спаслись от гибели два человека, продолжившие человеческий род; но они никогда не слыхали о ковчеге Ноя, всегда называя его Каи-акинали-и».

ТАТА И НЕНА

(Ацтеки)

В отличие от гавайцев, у ацтеков существовал полностью туземный миф о потопе, появившийся до прихода европейцев. Заметьте сходство его с приведенными ниже мифами североамериканских индейцев.

На протяжении эры четвертого солнца, Солнца Воды, люди стали злыми и перестали поклоняться богам. Боги разгневались, и Тлалок, бог дождей, объявил, что намерен уничтожить мир наводнением. Но Тлалоку нравилась одна благочестивая супружеская пара, Тата и Нена, и бог предупредил их о потопе. Он велел им выдолбить изнутри большое бревно, взять с собой два колоса пшеницы — по одному на каждого, — и больше ничего не есть, кроме этой пшеницы.

Тата и Нена вошли в полое бревно, взяв с собой два колоса пшеницы. Начался дождь. Когда воды наконец схлынули и Тата

и Нена оказались на сухой земле, они так обрадовались, что поймали рыбу и съели ее, забыв о повелении Тлалока. Лишь после того, как они насытились, муж и жена вспомнили приказ божества.

Тлалок появился перед ними и сказал: «Так вот как вы отплатили мне за спасение?» И он превратил их в собак. Боги разрушили мир потому, что даже самые праведные люди перестали повиноваться им. Так началась эра Пятого Солнца, в которой мы живем и по сей день.

ДЕВКАЛИОН
(Греция)

Давным-давно, на заре истории, быть может, еще до конца золотого века, человечество стало жестоким и надменным. Люди причиняли богам все больше и больше беспокойства, и наконец Зевс решил уничтожить их всех. Титан Прометей, создатель человечества, знал о предстоящем потопе и предупредил своего смертного сына Девкалиона и его жену Пирру. Прометей посадил их в большой деревянный ящик. Дождь шел девять дней и девять ночей, пока весь мир не покрылся водой, кроме двух горных вершин — горы Парнас и горы Олимп (на Олимпе обитали боги).

В конце концов, волны прибили деревянный ящик к горе Парнас. Девкалион и Пирра вышли из него и увидели, что весь мир вокруг разрушен. Они достали из ящика припасенную пищу, которой им хватило до тех пор, пока воды не схлынули. Спустившись вниз с горы, они испугались. Все вокруг было усеяно мертвыми телами людей и животных; земля была покрыта илом, слизью и водорослями. Но супруги были благодарны за спасение и вознесли богам благодарственную молитву.

Тогда Зевс обратился к ним с небес: «Накройте головы покрывалом и бросайте себе за спину кости вашей матери». Пирра ответила: «С нами нет матери, в ящике были только мы с мужем». Но Девкалион понял, что имел в виду Зевс, и бросил себе за спину несколько камней. Ибо камни были костями Матери-Земли, породившей все живое. Эти камни превратились в людей, и земля снова стала населена.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ МИФЫ О ПОТОПЕ

Манданы

Этот рассказ взят из книги Джорджа Кэтлина «Письма и записки об обычаях, традициях и обрядах индейцев Северной Америки» (XIX в.).

«В центре утоптанной земляной площадки стоит нечто вроде большой деревянной бочки, обитой обручами, восьми-девяти футов в высоту, которой они поклоняются и тщательно охраняют ее на протяжении многих лет, не позволяя оставлять на ней никаких царапин и отметин, называя ее «большое каноэ»; это — несомненное символическое представление их традиционного предания о потопе».

Книстену

Эта история также пересказана Кэтлином.

Много веков назад великий потоп покрыл землю и уничтожил все народы. В то время все племена Прерий Кото взобрались на Кото — горный кряж, поднявшийся посреди прерий, — чтобы спастись от прибывающих вод. Но когда племена собрались там, вода поднялась и покрыла их всех, превратив их тела в красный камень. С тех пор Кото стал ничейной землей, принадлежащей как бы всем племенам, и они могут безопасно встречаться там, чтобы выкурить трубку мира.

Когда все люди тонули, юная девственница по имени К-уаптах-у ухватилась за ноги огромной птицы, пролетавшей над Кото. Птица отнесла ее на высокую скалу, и девушка спаслась от вод потопа. Потом она родила от орла двух близнецов. От этих близнецов произошли новые люди, заново населившие мир.

Чоктавы

Эту историю Кэтлину рассказал чоктав Питер Пинчлин.

«У нашего народа всегда существовало предание о Великом Потопе, который произошел так. Долгое время над всей землей стояла полная тьма; знахари и колдуны чоктавов долго искали свет, но в конце концов отчаялись, и весь народ погрузился в горе. Наконец на севере отыскался свет, и все очень радовались, пока не поняли, что этот свет — огромные волны воды, катящиеся прямо на них. Вода уничтожила их всех, кроме нескольких семейств, которые заранее подготовились к потопу и построили большой плот, на котором они и спаслись.

Крик-натчезы

Собака предупредила своего хозяина, чтобы он построил плот, потому что все будет уничтожено потопом. Вода стала прибывать и подняла человека и собаку в чудесную заоблачную страну деревьев. Собака сказала человеку, что единственный способ для него вернуться на землю — это бросить ее, собаку, в воду. Но человек любил собаку и не хотел делать этого. Но собака настаивала. Она также сказала человеку, чтобы он не покидал плот в течение семи дней после того, как потоп прекратится. С болью в сердце человек выбросил собаку в воду.

Как и предсказывала собака, потоп прекратился, и человек выждал семь дней. Через семь дней он увидел, что к плоту приближается множество людей; некоторые из них были мокрые и одеты в лохмотья, другие — в хорошей одежде и с украшениями. Когда они подошли ближе, человек понял, что это не люди, а духи тех, кто погиб от наводнения.

Мойявы-апачи

Помните ли вы мифы о первых днях мира, рассказанные в предыдущей главе? Так вот, этот миф повествует одновременно и о первых днях человечества, и о потопе.

Много лет назад люди жили под землей. Наступило время, когда исчезла пища, и люди послали колибри на поиски еды. Колибри обнаружил проникшие глубоко под землю корни виноградной лозы и выбрался по ним на поверхность земли. Люди тоже пролезли вверх сквозь дыру и стали жить на земле.

Однажды некий человек заглянул в эту дыру, через которую люди попали в верхний мир, и увидел, что оттуда поднимается вода. Мудрецы поняли, что приближается великий потоп, и надо было что-то придумать, чтобы спасти человеческий род.

Они срубили большое дерево, выдолбили его изнутри, чтобы получилось каноэ, и посадили туда молодую девушку. Воды потопа несли на себе каноэ, поднимая его все выше и выше; девушка оглядывалась по сторонам, но не видела вокруг ничего, кроме воды. Мудрецы предупреждали девушку, чтобы она не выходила из каноэ, пока оно не коснется суши, — даже если она увидит, что воды начинают опускаться.

Наконец, каноэ коснулось сухой земли. Девушка вышла из него и увидела, что все утонули. Она подумала: неужели ей навсегда придется остаться в одиночестве? Она направилась к горам, чтобы отдохнуть. Когда она легла, солнце стало светить на нее, согревая воду, которая капала на нее со скал. От этой волшебной воды девушка зачала и родила дочь, которая потом забеременела таким же образом. Все мы происходим от нее.

Кри

Трикстер Уисагаткак построил запруду над ручьем, чтобы поймать Великого Бобра, когда тот выйдет из своего жилища. Он ждал весь день, и наконец в сумерках к нему подплыло огромное существо. Великий Бобер обладал магической силой, и, когда Уисагаткак попытался ударить в него копьем, он произнес заклинание, заставившее мускусную крысу подкрасться к Уисагаткаку и укусить его сзади, из-за чего охотник промахнулся. Великий Бобер был очень сердит на него и решил отомстить.

Проснувшись на следующее утро, Уисагаткак был ошеломлен. Накануне он разобрал свою запруду, но вода не схлынула, хотя теперь ручей свободно протекал через то место, где была запруда.

Более того, вода поднималась все выше и выше. Великий Бобер был по-настоящему сильным волшебником; он решил затопить весь мир. Целых две недели Великий Бобер и маленькие бобры усердно трудились, поднимая все воды земли, пока не осталось ни одного сухого места. Уисагаткак поспешно построил плот из бревен и взял с собой множество животных.

Вода продолжала подниматься еще две недели. Потом мускусная крыса спрыгнула с плота и отправилась на поиски суши, но даже мускусная крыса, привыкшая жить в воде, не смогла долго продержаться и утонула. Потом с плота улетел ворон. Он облетел весь мир, но нигде не нашел сухого места. Тогда Уисагаткак с помощью волка, бывшего вместе с ним на плоту, применил свою собственную магию.

За следующие две недели весь плот покрылся мхом. Волк бегал и бегал кругами по плоту, и мох чудесным образом увеличивался, пока наконец плот не превратился в большой остров. Но и по сей день воды просачиваются сквозь отверстия в земле — трещины в том чудесному плоту.

Алгонкины

В этой истории, так же как в рассказах о Ное, Утнапиштиме и Уисагаткаке, на поиски суши после потопа отправляется ворон.

Однажды бог Мичабо охотился со своей сворой волков. Перед ним предстала странная картина: волки вошли в озеро и исчезли. Мичабо последовал за ними, чтобы вызволить их, и тогда весь мир залило водой. Мичабо послал ворона, чтобы он нашел немного почвы, из которой можно было бы сделать новую землю; но птица вернулась, не сумев выполнить поручение. Тогда Мичабо послал выдру, но тоже безуспешно.

Наконец, он послал мускусную крысу, и крыса принесла ему достаточно земли, чтобы можно было приступить к восстановлению мира. Деревья растеряли все свои ветви из-за наводнения, и Мичабо выстрелил в них волшебными стрелами, от которых деревья немедленно покрылись новыми ветвями и листьями.

Потом Мичабо женился на мускусной крысе, и они вдвоем породили весь человеческий род.

ИНКСКИЙ МИФ О ПОТОПЕ

Некогда был период, называвшийся Пачачама, когда человечество стало жестоким, диким и кровожадным. Люди творили все, что им вздумается, и ничего не боялись. Они были так заняты войнами и воровством, что совершенно забыли о богах. Единственной частью земли, не затронутой упадком, оставались высокие Анды.

На нагорьях Перу жили два праведных брата-пастуха. Однажды они заметили, что их ламы как-то странно себя ведут. Ламы перестали есть и ночи напролет печально глядели на звезды. Когда братья спросили у лам, что происходит, те ответили, что звезды сказали им о приближении великого наводнения, которое уничтожит все живое на земле.

Братья со своими семьями решили укрыться в пещерах самых высоких гор. Они взяли с собой стада, вошли в пещеру, и начался дождь. Он продолжался много месяцев. Глядя вниз с горы, братья понимали, что ламы оказались правы: весь мир погибал. Братья слышали крики несчастных, умиравших внизу. Горы же волшебным образом становились все выше и выше по мере того, как поднималась вода. И все же через некоторое время воды стали плескаться у самого входа в пещеру. Но тогда горы сделались еще выше.

Однажды братья увидели, что дождь прекратился и воды отхлынули. Инти, солнечный бог, появился на небесах и улыбнулся, и вся вода испарилась. Пища, которой запаслись братья, как раз подходила к концу; братья взглянули вниз и увидели, что земля высохла. Горы снова уменьшились до первоначальной высоты, и пастухи со своими семьями спустились вниз и возродили человечество.

С тех пор люди по-прежнему живут повсеместно; ламы же никак не могут забыть о потопе и предпочитают селиться в нагорьях.

ЕГИПЕТСКИЙ МИФ О ПОТОПЕ

Солнечный бог Ра получил предупреждение от своего отца, Водной Бездны, о том, что человечество стало слишком жестоким и готово вот-вот восстать на богов. Тогда Ра призвал свое Око, богиню Хатхор, и послал ее наказать ослушников.

Хатхор спустилась на землю и принялась убивать тысячи людей, потом — тысячи тысяч. Богиня была так ужасна, что по улицам Четенутена текли реки крови. Кровь стекала в Нил, река вышла из берегов, и вода, смешанная с кровью, хлынула на землю, разрушая все на своем пути. Потом поток достиг моря, которое тоже вышло из берегов. Кровожадная Хатхор с наслаждением пила эту страшную жидкость.

Но Ра намеревался наказать человечество, а не уничтожить его совсем. Поэтому он призвал Тота, мудрейшего из богов, и попросил у него совета. Потом он послал богиню Сектет и повелел ей растереть множество фиников, смешать их с ячменем и сделать крепкое пиво. Это пиво следовало подмешать в кровь несчастных людей, чтобы привлечь Хатхор.

Потом Ра приказал своим слугам взять кувшины с пивом и вылить их рядом с Хатхор. Из пива получилось огромное море. Хатхор учуяла запах крови и принялась пить пиво. Она так опьянела, что не могла устоять на ногах. В конце концов она уже перестала замечать оставшихся в живых людей, повалилась и уснула.

От этих оставшихся в живых и возродился человеческий род.

Ра устал возиться с людьми, Хатхор и прочими сложностями. Он прилег отдохнуть на спине огромной небесной коровы, поручив Тоту управлять землей. Это был прекрасный выбор, потому что Тот научил людей писать, сочинять стихи и управлять государством.

Сказания о любви

Мы настаиваем на том, что жизнь имеет смысл, — но она не может иметь больше смысла, чем мы сами вкладываем в нее. Поскольку люди способны сделать это лишь несовершенно, религии и философские учения пытаются дать на этот вопрос утешительный ответ. И все их ответы сводятся к одному: придать жизни смысл может только любовь. Иными словами, чем сильнее способны мы любить и отдавать себя другим, тем больше смысла в нашей жизни.

Герман Гессе (1877—1962).
«Размышления»

Человек может жить в соответствии с истиной, своей глубочайшей истиной, но не в состоянии высказать ее. Именно поэтому любовь становится предельным человеческим ответом на предельный человеческий вопрос. С точки зрения разума, любовь ни на что не отвечает: ни на вопрос о смерти, ни на вопрос о случайности. Но любовь дает нам оружие. Вопреки всему, она придает жизни ценность.

Арчибальд Маклейш (1892—1982)

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ МИФЫ О ЛЮБВИ

Греческая и римская мифологии полны любовных преданий. Римский поэт Овидий пересказывает множество мифов о любви — именно из этого источника взято большинство приведенных далее историй. По этой причине имена богов даются в римском варианте.

АМУР И ПСИХЕЯ

Некогда жил на свете царь, у которого были три прекрасные дочери; младшую, самую красивую из них, звали Психея. По-гречески ее имя означает «душа» и «бабочка». Она была так прекрасна, что вскоре весь мир узнал о ее красоте и мужчины падали в обморок при одном упоминании ее имени. Она была не просто красива, но еще и добра и прекрасна душой. Люди начали сравнивать ее с самой Венерой [греч. Афродита], богиней красоты. Со временем храмами Венеры стали пренебрегать; никто уже не приносил ей жертвы, никто не призывал богиню на помощь. Ведь люди поняли, что Венера — далекая и чужая богиня, живущая на горе Олимп, а Психея, живая красавица, была близко и жила среди людей.

Венера очень разгневалась из-за того, что смертные уделяли столько внимания смертной девушке, и призвала на помощь своего сына Амура [греч. Эрот]. Стрелы Амура не знают промаха, и любой, в кого они попадают, безнадежно влюбляется. Венера попросила Амура заставить влюбиться в Психею самого злого и уродливого человека на земле.

Но, спустившись на землю и увидев Психею, Амур сам влюбился в нее и забыл о приказе матери. Венера же ничего не заподозрила, думая, что сын исполнит ее веление.

Но время шло, а ни один урод так и не влюблялся в Психею; более того, в нее вообще никто не влюблялся! Мужчины по-прежнему преклонялись перед ее красотой, но никто не осмелился приблизиться к ней. Обе ее сестры удачно вышли замуж, а прекраснейшая из смертных так и оставалась в одиночестве. Ее родители отчаялись и обратились за советом к оракулу бога Аполлона в Дельфах.

Аполлон сам был известен своей любовью к прекрасным смертным женщинам, но он был братом Венеры и не хотел оскорблять ее. Поэтому, возвещая свой оракул, он был очень осторожен. Он сказал родителям Психеи, что у их дочери уже есть любовник — ужасный крылатый змей. Родителям посоветовали отвезти ее на пустынную скалу и оставить там, чтобы она встречалась со своим любовником, ибо он был таким сильным, что ни один из богов не мог противостоять ему.

Опечалившийся отец послушался совета и покинул свою прекрасную Психею на вершине горы. Переполненная скорбью, страхом и ужасом, она долго и безутешно рыдала и наконец

уснула. Ласковый западный ветер, Зефир, утешил ее своим нежным дыханием.

Проснувшись утром, она обнаружила, что находится в великолепном дворце. Десятки прекрасных девушек-служанок исполняли любую ее причуду. Они положили ее спать на просторное мягкое ложе. Ночью ее разбудил чей-то ласковый голос: это был ее возлюбленный. В темноте его кожа и тело были точь-в-точь, как у прекрасного юноши, а вовсе не как у крылатого чудовища. Психея была уверена, что рядом с ней — юноша-красавец, быть может, даже бог. Проведя с ним ночь, она решилась увидеть его лицо.

Однако юноша настаивал, что она не должна ни при каких обстоятельствах видеть его. Он сказал, что, если Психея увидит его лицо, им придется расстаться навсегда. Некоторое время Психея подчинялась этому требованию, но продолжала умолять юношу показаться ей. Он все время отказывал, что еще сильнее разжигало ее любопытство.

Однажды она уговорила своего возлюбленного пустить ее сестер в гости во дворец. Он не хотел соглашаться, но так любил Психею, что не смог отказать. Итак, однажды днем ласковый Зефир принес ее сестер во дворец. Сестры были замужем за богатыми людьми, и все же они были потрясены великолепием дворца и позавидовали Психее. Сидя за роскошным пиршественным столом, они стали задавать Психее коварные вопросы о ее возлюбленном. Но поскольку Психея ни разу не видела его лица, она отвечала очень неуверенно.

Сестры заметили, что в рассказах Психеи что-то не так, и начали дразнить ее, говоря: «Это великолепный дворец, но все же это слишком малая цена за то, чтобы спать с чудовищем». Когда сестры ушли, Психея стала терзаться сомнениями. С одной стороны, она была совершенно уверена, что ее возлюбленный — прекрасный юноша. Но, с другой стороны, сестры могли оказаться правы: она никогда не видела его лица. Быть может, он и вправду был чудовищем!

Психея решила попытаться взглянуть на его лицо украдкой. Она дождалась его этой ночью, и, когда он наконец заснул, Психея тихонько спустилась в зал, взяла светильник и поднялась с ним в спальню. Увидев своего возлюбленного, она не могла поверить своим глазам: это действительно был прекраснейший человек на свете, а может быть, и бог. Психея наклонилась над ним, чтобы поцеловать его. Но тут капля горячего масла из светильника упала ему на плечо, и он проснулся.

Он вскочил с постели и воскликнул: «Я же говорил тебе, чтобы ты никогда не смотрела на мое лицо!» Закутавшись в волшебный плащ-невидимку, он исчез; напоследок Психея услышала, что он назвал свое имя: это был Амур, сам бог любви. И еще он сказал ей, что там, где нет доверия, нет места и любви.

Амур вернулся к своей матери, Венере. У него сильно болело плечо там, где упала капля горячего масла, и он хотел, чтобы мать вылечила его. Когда он рассказал Венере о том, что произошло с Психеей, Венера пришла в ярость. Теперь она ненавидела прекрасную девушку вдвойне. Красота всегда кажется более блеклой, когда у нее есть соперники; для матери же нет большей обиды, чем обида на возлюбленную сына, когда эта любовь приносит горе. Венера окончательно решила уничтожить Психею: эта девушка не только угрожала культу богини, но и посмела вступить в любовную связь с сыном Венеры!

Психея понимала, что она обречена. Мало того что ее любви с Амуром пришел конец; сама ее жизнь была под угрозой. Все, что она могла сделать, — это прийти к Венере и умолять ее о пощаде, дать клятву служить богине до конца своих дней. Она надеялась, что у Венеры осталась хоть капля сострадания.

Зефир принес Психею во дворец Венеры. Богиня увидела удобный случай раз и навсегда покончить со своей смертной соперницей. Психея упала к ногам Венеры, умоляя о милосердии. Венера решила поручить ей невыполнимое задание и таким образом уничтожить ее. Она указала Психее на огромную груду мельчайших зерен — маковых, просяных и горчичных — и приказала ей до наступления ночи рассортировать их. Задача была неосуществимой, и Психея начала плакать. Заметив ее слезы, упавшие на пол, муравьи сжалились над ней. Царица муравьев приказала своим подданным помочь Психее разобрать зерна. Вскоре тысячи муравьев уже трудились над кучей зерен. Работа была окончена. Когда Венера вернулась и увидела это, она еще больше рассердилась. Между прочим, муравьи до сих пор живут под землей, спасаясь от ее гнева.

Когда наступила ночь, Психея проголодалась. Но Венера дала ей лишь корку черствого хлеба, а спать ей пришлось на холодном каменном полу. Венера знала: ничто не действует на красоту так губительно, как лишения.

На следующий день Венера задала Психее еще более трудную задачу — принести золотую шерсть. Внизу, в долине у реки,

Венера держала стадо священных золоторунных овец. У этих овец были львиные головы, и они разрывали на куски любого смертного, приблизившегося к ним. Психея спустилась к реке и заплакала, смирившись со своей судьбой. Отчаявшись, она решила утопиться в реке. Но тут она услышала чей-то тоненький голосок, похожий на голос ребенка. Это говорил тростник, росший на берегу. Тростник посоветовал ей собрать клочки золотой шерсти с колючек, в которых проходили овцы. Так она сможет безопасно набрать нужное количество шерсти. Вскоре Психея набрала много шерсти, исполнив таким образом вторую задачу Венеры.

Но Венера твердо решила уничтожить Психею. Она вручила девушке кувшин и приказала ей наполнить его водой из водопада на реке Стикс, протекавшей на границе между миром живых и миром мертвых. Добравшись до реки Стикс, Психея снова поняла, что она обречена: чтобы подойти к водопаду, нужно было подняться на скользкую скалу, пробравшись между бурлящими водоворотами, которые в любой момент могли унести ее в мир мертвых. Если бы Психея попыталась сделать это, ее уже ничто бы не спасло.

Но огромный орел (быть может, это был Юпитер [греч. Зевс], сменивший облик, ибо он был неизлечимым романтиком) спустился к ней с небес и отнес ее к водопаду. Психея набрала полный кувшин воды и вернулась к Венере.

Тут можно задать вопрос: почему богиня действовала так коварно и жестоко? Но не надо забывать, что Венера была богиней красоты. А вместе с красотой приходит тщеславие; если же тщеславию угрожает соперница, то красота может превратиться в настоящее безобразие.

Венера послала Психею в мир мертвых, поручив ей попросить у Прозерпины [греч. Персефона], царицы Подземного мира, немного ее красоты. Во взгляде Венеры Психея прочла ненависть и жажду мести.

Очень немногие смертные, посетившие Подземный мир, когда-либо возвращались обратно. Ведь это — обитель мертвых, и без помощи богов ни один не может вернуться оттуда живым. Психея миновала волшебную башню, страж которой сжалился над ней. Страж сказал ей, что она должна будет заплатить Харону, перевозчику мертвецов, чтобы он помог ей пересечь реку Стикс и попасть в Подземный мир. Психея ответила, что у нее

нет денег. Страж сказал ей, что Харон очень любит медовые пирожки, и дал ей пирожок для перевозчика. Весьма вероятно, что этот «страж» в действительности был богом Меркурием [греч. Гермес], который сопровождал души мертвых в Подземный мир, защищал путешественников и умел помочь в совершенно безнадежных случаях.

Психея без всяких неприятностей добралась до Подземного мира. Харон, обычно слегка ворчливый, на сей раз был очарован красотой девушки (и пирожком). Он перевез ее через Стикс, даже не потребовав платы. Когда Психея подошла к трону Прозерпины, богиня без долгих уговоров положила немного своей красоты в ларец и отдала ларец Психее.

Но тут Психея допустила ужасную ошибку. Ибо как бы ни была женщина мудра и хороша, она готова сделать все что угодно ради тайны вечной красоты. И вот эта тайна оказалась у Психеи в руках, и любопытство взяло над ней верх. Она не выдержала и заглянула в ларец; ларец оказался пустым. Психея упала на землю и уснула глубоким сном; правда, сейчас она стала даже красивее, чем раньше.

Но прежде, чем Венера успела поинтересоваться, что случилось с Психеей, вмешался Амур, решивший спасти девушку. Рана его уже зажила, и он украдкой выбрался из дворца Венеры, ибо даже боги не в силах заключить любовь в темницу. Он быстро разыскал Психею, положил часть ее красоты обратно в ларец и поцеловал ее. Когда красота вернулась в ларец, Психея проснулась. Амур велел ей принести ларец Венере и ничего не бояться.

Психея отправилась в путь, а Амур пришел к Юпитеру, сказал ему, что любит Психею, и попросил владыку богов соединить их навеки.

Юпитер, как мы уже заметили, был романтиком. Он сочувственно выслушал рассказ Амура и сказал юному богу: «Когда плотская любовь [«eros» по-гречески] и душа [«psyche» по-гречески] объединяются, то даже боги не в силах разлучить их. Посему вы с Психеей станете мужем и женой». Юпитер послал за Психеей и дал ей испить небесной амброзии, превращающей смертных в бессмертных. Психея и Амур стали счастливо жить среди богов. Венера была так довольна, что ее смертная соперница убралась с земли, подальше от людей, чьего поклонения так не хватало богине, что она стала вполне приличной свекровью. Так плотская любовь и душа объединились, несмотря на множество испытаний.

ПИРАМ И ТИСБА

Пирам и Тисба — прекрасные юноша и девушка, жившие в городе Вавилоне. Они выросли в соседних домах, и друг от друга их отделяла лишь тонкая стена. Они влюбились друг в друга, и любовь их росла с каждым днем. Но родители не позволяли им встречаться, и влюбленные сгорали от желания. Они нашли в стене маленькую щель, через которую могли переговариваться украдкой. Но щель была слишком мала, чтобы позволить им поцеловаться или увидеть друг друга. И все же, чем дольше влюбленные томились в разлуке, тем более росла их решимость соединиться друг с другом.

Итак, они решили сбежать из дому и встретиться в укромном месте. Они собирались выбраться за город, отправиться к могиле Нимуса и встретиться там под тутовым деревом. Всем было известно, что могилу сторожит свирепая львица, но юные влюбленные не знали страха.

Тисба пришла на встречу и на цыпочках обошла вокруг гробницы, но Пирама нигде не было видно. Потом, к своему ужасу, она увидела львицу с окровавленными клыками. Тисба подумала о самом худшем, решив, что Пирам погиб. Она в ужасе бросилась бежать от львицы, потеряв свой плащ.

Пирам, однако, был жив. Он пришел позже и увидел свирепую львицу, стоявшую над плащом девушки. Он тоже подумал о худшем, решив, что его возлюбленная стала жертвой дикого зверя. Убитый горем, он стоял и смотрел вслед удаляющейся львице. Потом он поднял с земли окровавленный плащ и заплакал, говоря: «Я — причина твоей смерти! Ты пришла на встречу со мной и не нашла меня. Я соединюсь с тобой, любовь моя!» И с этими словами Пирам взял свой кинжал и вонзил его в сердце. Кровь его брызнула вверх и окрасила ягоды тутового дерева.

Тисба вышла из-за гробницы и увидела умирающего Пирама. Она обняла его и сказала: «Я убила тебя, любовь моя! Я соединюсь с тобой!» Пирам открыл глаза в последний раз — лишь для того, чтобы увидеть, как Тисба вонзила его кинжал в свое сердце.

Боги видели все это, а они обычно встают на сторону молодых влюбленных, как бы ни было отчаянно их положение.

Боги повелели, чтобы ягоды тутового дерева навсегда остались красными в память о Пираме и Тисбе. Некоторые говорят, что юные влюбленные, покончившие самоубийством, теперь обитают в пустынной земле на краю страны мертвых, вечно блуждая, как беспокойные духи. Но большинство считает, что боги позволили Пираму и Тисбе навеки соединиться друг с другом после смерти.

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

В былые дни боги часто спускались на землю и неузнанными ходили среди людей. Это позволяло им следить за ходом событий на земле. Юпитер [Зевс] и Меркурий [Гермес] решили узнать, насколько дружелюбны жители Фригии, поскольку они слышали, что другие народы жалуются на их негостеприимство. Юпитер покровительствовал путешественникам в пути; Гермес был богом торговли и также помогал путникам. Боги отправились в путь в виде нищих странников, одетых в лохмотья. Они исходили вдоль и поперек всю Фригию, стучась во все двери, и к богатым, и к бедным. Но никто не открыл им дверь.

Наконец, они подошли к скромной хижине, в которой жила пожилая супружеская чета, Филемон и Бавкида. У стариков была лишь крохотная убогая комнатушка, они жили очень бедно. Но они были по-настоящему гостеприимны. Они собрали всю пищу, которая была у них в доме — овощи и несколько кусков мяса, — и предложили путникам поесть. Филемон сказал гостям: «У меня есть немного вина», — и налил им вина из старого треснувшего кувшина.

Хотя Филемон и Бавкида были очень бедны, никто из них не произнес ни единой жалобы. Боги были тронуты до глубины души, когда старик сказал им: «Мы бедны, и нам почти нечего предложить вам, незнакомцы, но все, что у нас есть, принадлежит и вам». Боги пили вино чашу за чашей, но старый кувшин Филемона все время оставался полным.

Начали происходить чудеса: винный кувшин не только не пустел, но вместо обычного столового вина он внезапно наполнился лучшим сортом вина. Когда же старики принесли пищу, она не кончалась, и даже появлялись все новые блюда. Филемон и Бавкида очень удивились. Наконец, боги открылись им, и пожилые супруги упали перед ними на колени, исполнившись благоговения.

Боги рассказали старикам, как негостеприимны были с ними прочие фригийцы, и признались, что доброта Филемона и Бавкиды сильно тронула их. Юпитер сказал им, что знает о том, что соседи Филемона и Бавкиды были жестоки к ним, несмотря на доброту стариков. Окончив свою речь, Юпитер наслал наводнение на все земли вокруг хижины Филемона и Бавкиды, уничтожив их соседей. Филемон и Бавкида оплакивали фригийцев, несмотря на их жестокость.

По мере того как поднимались воды, поднималась и хижина Филемона и Бавкиды, оставаясь сухой. Внезапно она превратилась в сверкающий мраморный храм. Юпитер и Меркурий назначили Филемона и Бавкиду жрецами в этом храме. И они преданно служили в храме, пока им не исполнилось по сто лет.

Когда супруги стали слишком слабы, чтобы исполнять свои обязанности, произошло еще одно чудо. Юпитер вспомнил, что Филемон хотел никогда не разлучаться со своей любимой Бавкидой. Проявив свою обычную сентиментальность, бог превратил их в прекрасный могучий дуб с двумя переплетенными между собой стволами. Юпитер сдержал свое обещание: Бавкида и Филемон навеки остались вместе.

ВЕРТУМН И ПОМОНА

Лесные нимфы — это прекрасные существа, которые любят лес и избегают выходить на открытое пространство. Но одна лесная нимфа, Помона, больше всего любила плодовые сады. Ничто не доставляло ей большей радости, чем играть между виноградных лоз и яблоневых деревьев. Она была так красива, что за ней ухаживало множество поклонников, среди которых были даже цари, но Помоне куда больше нравилось ухаживать за виноградными лозами, чем думать о любви.

Среди самых пылких ее поклонников был Вертумн, в жилах которого текла бессмертная кровь. Считалось, что один из его родителей — отец или мать — был божеством. Вертумн был очень настойчив, но Помона не обращала на него внимания. Он приносил ей в дар цветы и фрукты, которые она принимала, но без всякой благодарности.

Тогда Вертумн принял облик грубого пастуха, но Помона стала презирать его еще больше. Она только насмехалась над деревенским увальнем.

Тогда Вертумн принял облик старухи и стал собирать фрукты. Помона обращалась с этой «старухой» дружелюбно и даже ласково. И «старуха» сказала Помоне, что она — прекраснейший из плодов этого сада и прекраснейший из полевых цветов. Помона была польщена. Тогда «старуха» поцеловала Помону так, как старухи никогда не целуют девушек. Помона испугалась и почувствовала отвращение.

Чтобы добиться своего, Вертумн указал ей на виноград, росший на шпалере, восхищаясь его красотой. Он заметил, что без шпалеры виноградные лозы упали бы на землю, а без винограда шпалера была бы бесполезна. Виноград и шпалера нуждались друг в друге. Помона поняла, к чему клонит Вертумн, и приготовилась бежать.

Тогда перед Помоной появилась Венера, богиня любви, сказавшая ей: «Это — твой истинный муж; тебе суждено выйти за него замуж». Естественно, после такого заявления у Помоны не оставалось выбора; Вертумн и Помона поженились. И так случилось, что со временем Помона полюбила своего мужа, и они оба стали хранителями садов.

Так и по сей день: любящие нуждаются друг в друге, как виноградная лоза и шпалера, и друг без друга каждый из них несовершенен.

АПОЛЛОН И ДАФНА

Дафна [«лавр» по-гречески] была лесной нимфой, дочерью речного бога Пенея. Она была одной из многих вольнолюбивых девушек, встречающихся в греческих мифах, которые предпочитали охоту любви. Ее отец отчаялся выдать ее замуж, а ему так хотелось увидеть внуков!

Однажды бог Аполлон увидел Дафну и тут же влюбился в нее. Он не мог думать ни о чем, кроме нее, и безуспешно пытался завоевать ее сердце. Дафне же он был совершенно безразличен; для нее ничего не значило, что он был богом. Кроме того, она знала, что любовь богов зачастую несет с собой опасность. Она же была смертной, хотя отцом ее был бог. Наконец, Аполлон погнался за ней, и Дафна бежала от него, охваченная ужасом. Она понимала, что ей не спастись, и воззвала к своему отцу, чтобы он сотворил чудо.

Внезапно она почувствовала, что ноги ее прирастают к земле. Она больше не могла сдвинуться с места. Из ее рук проросли ветви с листьями, и она превратилась в лавровое дерево. Боги умеют смягчить самую отчаянную ситуацию, и они сделали лавр священным деревом Аполлона.

По сей день на поэтических и спортивных состязаниях, находящихся под покровительством Аполлона, победитель получает в награду лавровый венок.

В некоторых версиях этого мифа Дафна выступает дочерью Матери-Земли, которая и спасает ее от Аполлона. Вот что пишет Эрнст Кассирер в своей книге «Язык и миф»: «Возьмем, к примеру, миф о Дафне, спасшейся от объятий Аполлона благодаря тому, что ее мать, Земля, превратила ее в лавровое дерево. И снова лишь история языка может объяснить этот миф и придать ему смысл. Кто такая Дафна? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к этимологии, иными словами, изучить историю слова. «Daphne» восходит к санскритскому слову «Ahana», означающему «рассветное зарево». Узнав это, мы начинаем понимать, о чем идет речь в мифе. История Феба [одно из имен Аполлона, означающее «сияющий»] и Дафны — не что иное, как описание явления, которое мы наблюдаем каждый день: сперва — первые лучи на восточном небе, затем — появление солнечного бога, спешащего за своей возлюбленной, затем — постепенное угасание зарева под яростными лучами бога, и, наконец, его смерть и исчезновение в Матери-Земле. Итак, решающим условием для возникновения мифа был не сам природный феномен, но, скорее, то обстоятельство, что греческое слово, означающее «лавр» («daphne»), связано с санскритским словом, означающим «рассвет».

ДВЕ ПЕРУАНСКИЕ ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ

КОНИРАЙА И КАВИЛЛАКА

Некогда жил очень древний гуака* по имени Конирайа. Некоторые называют его Конирайа Виракоча, ибо он считался сыном или даже инкарнацией Виракочи, солнечного бога. Как бы то ни было, он пришел на землю в обличье бедного

* Это понятие означает не столько «бог», сколько божественный дух, связанный с определенным местом.

горного пастуха, в одеянии из грубой шерсти ламы. При виде его все думали, что это — нищий кампесино* из нагорий. Но те, кто был способен проникнуть под его маску, ясно понимали, что Конирайа Виракоча — это великий и мудрый учитель, обучивший людей многим полезным умениям — ирригации, ведению счетов и ки-пу**, а также другим важным вещам. Путешествуя по свету, он встретил и полюбил одну надменную женщину-гуака по имени Кавиллака. Поскольку она принадлежала к высокому роду, она не обращала на Конирайа никакого внимания, считая его грубым крестьянином.

Тогда Конирайа принял облик птицы и сел на ветку дерева рядом с домом Кавиллаки. Он заметил, что плоды этого дерева Кавиллака любит больше всего на свете. Он слепил из собственного семени подобие плода, и Кавиллака съела его. От этого она зачала ребенка.

Родив сына, она испугалась и стала говорить, что этого не может быть, что она — девственница, но ей никто не верил. На ее голову пал позор, ибо все считали, что она родила внебрачного ребенка. Кавиллака знала, что отцом ее сына может быть только гуака. Она собрала всех гуака, чтобы узнать, кто из них был отцом ребенка. Гуака собрались, одевшись в лучшие одежды, ибо каждый из них надеялся, что Кавиллака возьмет его в мужья. Но ни один из них не мог признать себя отцом ребенка. Конирайа, по-прежнему одетый как нищий пастух, молча сидел посреди других гуака.

Наконец, Кавиллака поставила малыша на землю, и он немедленно пополз к своему настоящему отцу — Конирайа. Увидев его, Кавиллака так разгневалась, что выбежала из зала, где происходило собрание, и помчалась к морю.

Конирайа все еще любил ее и погнался за Кавиллакой. Он стал просить животных, чтобы они помогли ему разыскать ее. Сперва он спросил могучего кондора, и тот сказал ему правду. В благодарность Конирайа благословил кондора, сказав ему, что отныне он будет летать и гнездиться выше, чем все другие птицы, и будет в полной безопасности. Никто не сможет потревожить его и его гнездо.

Потом Конирайа встретил лису, и она солгала ему. Лиса сказала ему, что Кавиллака пробежала мимо много дней назад и

---

* Испанское слово, означающее «крестьянин».

** У инков не было письменности, но они умели вести счета, используя разноцветные узелки, которые и назывались «ки-пу».

нет никакой надежды отыскать ее. Зная, что это — ложь, Конирайа проклял лису и все ее потомство. По сей день люди охотятся за лисами и народы, живущие в Андах, ненавидят это животное, считая встречу с лисой дурной приметой.

Затем Конирайа спросил пуму, которая сказала ему правду. Она посоветовала Конирайа поторопиться, потому что Кавиллака только что пробежала здесь. Конирайа благословил пуму, разрешив ей отныне быть палачом над злодеями и без всякого страха охотиться на лам, оставшихся без присмотра. В знак почтения к ней с тех пор ни один охотник не отрезает голову убитой пуме.

Потом Конирайа встретил стаю попугаев, которые вместо ответа лишь повторяли его вопросы. Он проклял попугаев, наделив их громким голосом, по которому их может легко отыскать любой охотник. Поскольку попугаи не знали различия между истиной и ложью, Конирайа осудил их вечно повторять лишь то, что они услышали.

Наконец, Конирайа пришел на побережье и увидел, что его возлюбленная и сын превратились в камень. Исполненный скорбью Конирайа встретил дочерей бога Пачачамака, хранительниц моря. Их матери, Урпи-Хуачак, не было дома. Конирайа знал, что именно Урпи-Хуачак превратила Кавиллаку и их сына в камень. Тогда он соблазнил старшую из двух дочерей Урпи-Хуачак и вступил с ней в любовную связь, чтобы нанести оскорбление ее матери. Младшая же дочь отвергла Конирайа и улетела от него прочь, превратившись в голубя. Конирайа проклял ее, и с тех пор голуби полностью зависят лишь от тех крошек, которые им бросают другие.

Потом Конирайа увидел священный рыбный пруд, который охраняла Урпи-Хуачак. В то время в нем обитала вся рыба на свете. Охваченный гневом, Конирайа сделал дырку в пруду и выпустил всю рыбу в море, где она и живет по сей день.

ОЛЛАНТАЙ И КУСИКОЛЛУР

Эта любовная история легла в основу знаменитой перуанской драмы XVI в., которая исполняется и по сей день.

Оллантай был честным, справедливым и храбрым воином, верным императору, Великому Инке. Но однажды он нарушил один из важнейших законов Тахуантисуйо (Инкской

империи), влюбившись в прекрасную Кусиколлур, дочь Великого Инки. Кусиколлур тоже любила Оллантая, и они втайне отправились к доброму старому жрецу, чтобы пожениться.

Старый жрец выслушал их с сочувствием, но печально ответил, что простолюдин не имеет права жениться на дочери Великого Инки, потомка самого Инти, или Виракоча, бога Солнца. Если бы Оллантай женился на Кусиколлур, старый жрец мог бы расстаться с жизнью. Кусиколлур сказала жрецу, что их соединение с Оллантаем — не грех; напротив, грех — не дать им соединиться.

Некоторое время спустя Кусиколлур поняла, что беременна. Она сказала об этом отцу, и тот отослал ее жить к жрицам Солнца, к которым не допускали ни единого мужчину, даже самого Великого Инку. Там она родила прекрасную маленькую девочку, которую назвали Има Сумак, что значит «очень красивая». Девочку забрали у нее, чтобы воспитать в отдельной части храма. Тем временем Великий Инка вынес Оллантаю смертный приговор.

Воины Великого Инки преследовали Оллантая и его товарищей и загнали их в долину, но Оллантай встретил там своих преследователей и нанес им поражение. Но предводитель воинов Великого Инки, Руманахуи, дождался, пока воины Оллантая заснут. Потом Руманахуи открыл ворота, и его воины схватили Оллантая и всех его товарищей. Оллантая связали и отвезли в Куцко, императорскую столицу, на казнь.

По пути в Куцко к Руманахуи явился посыльный, сообщивший, что старый Инка умер, а Тахуантисуйо теперь правит его сын Тупак Юпанкуи*, брат Кусиколлур. В детстве Оллантай был другом нового императора; у него вспыхнула надежда.

В Куцко печальный Тупак Юпанкуи уже ожидал Оллантая. Он сказал ему: «Дорогой друг, мой отец, Великий Инка Пачакутек, приказал казнить тебя, и мне ничего не остается делать, кроме как выполнить этот приговор. Но ты мой друг, и я позволяю тебе высказаться в свою защиту».

Оллантай сказал императору, что знает закон и понимает, что его друг обязан исполнить его. Но он не предавал императора — закон предал любовь. Закон разлучил двух любящих друг друга людей, у которых даже был общий ребенок. Оллантай сказал, что

---

* Тупак Юпанкуи, а возможно, и Оллантай, были историческими персонажами, жившими примерно в XII или XIII в н.э , за три-четыре столетия до прихода испанских конквистадоров

никогда не сможет любить никого, кроме Кусиколлур. Потом он сказал императору: «Боги, а не люди, решают, кому в кого влюбиться». Таким образом, воля богов состояла в том, чтобы Оллантай и Кусиколлур поженились. И хотя новый Великий Инка сам был богом, даже он не был властен на любовью.

Тупак Юпанкуи был глубоко тронут этими словами. Его и по сей день помнят как одного из мудрейших и самых сострадательных императоров. Он отменил смертный приговор, убедившись, что Оллантай лишь следовал воле богов. Потом он приказал привести во дворец Кусиколлур и Има Сумак. Оллантай и Кусиколлур поженились; Оллантай стал предводителем войска Великого Инки и советником императора.

ЭНГУС ОК

(*Шотландия и Ирландия*)

Энгус Ок [«Энгус Юный»] — кельтский бог любви. Поскольку любовь всегда делает людей моложе, имя его не кажется неуместным. Над его головой вьются четыре птицы — воплощения его поцелуев. Каждый, кто услышит пение этих птиц, сразу же влюбляется. Энгус — сын Дагда («Благого Бога»), высшего из богов. Энгус сам постоянно влюблен.

Однажды Энгус опасно заболел, томимый любовью к юной девушке, и его мать Боанн безуспешно разыскивала эту девушку по всей Ирландии. Тогда на помощь позвали великого Дагда, но и он не смог найти девушку. Дагда призвал на помощь Красного Быка, которому были известны все тайны. Сам Красный Бык сначала не знал, где находится девушка, но в конце концов отыскал ее на берегу озера, которое называлось Пасть Дракона.

Тогда Энгус пришел к Красному Быку и пировал с ним три дня. Охваченный нетерпением, Энгус умолял Красного Быка отвести его к его возлюбленной. Когда они пришли к озеру Пасть Дракона, Энгус увидел сто пятьдесят красивых девушек, прекраснейших на всем свете, которые гуляли на берегу, попарно скованные золотыми цепочками. Одна девушка была выше остальных; это и была возлюбленная Энгуса. Энгуса охватило желание, и он захотел увести ее с собой. Но Красный Бык предупредил Энгуса, что отделить ее от остальных будет не так-то просто. Девушку звали Каэр, она была дочерью некоего князя-полубога, жившего в области Коннахт.

Энгус отправился к королю и королеве Коннахта, чтобы просить у них помощи. Он спросил, как завоевать руку и сердце Каэр, но даже король и королева не смогли помочь ему. Какая ирония судьбы! Энгус, заставивший столько людей испытать любовь, сам был не в состоянии добиться руки своей возлюбленной без посторонней помощи. Впрочем, король и королева согласились послать весточку отцу Каэр и передать предложение Энгуса.

Энгус отправился к отцу Каэр просить у него руки его дочери, но старик отказался даже принять юного жениха. Тогда войска Дагда и короля Коннахта осадили дом отца Каэр и взяли его в плен. В конце концов отец Каэр признался, что он не в состоянии выдать свою дочь замуж: ее волшебная сила была сильнее, чем его. Потом он объяснил, что Каэр проводит шесть месяцев в году в облике женщины, а другие шесть месяцев — в образе лебедя. На праздник Самайн* Каэр можно будет отыскать на том же озере среди других девушек, и все они будут в виде лебедей**.

Энгус отправился на озеро в праздник Самайн и стал умолять Каэр, бывшую теперь в образе лебедя, стать его женой. Каэр спросила его, кто он такой, и он объяснил ей, что он — Энгус Ок, бог любви. Стоило ему назвать свое имя, как он сам превратился в лебедя, и с тех пор они с Каэр остались навеки неразлучны. Энгус теперь часто показывается влюбленным в образе лебедя, и поэтому влюбленным нравится назначать друг другу свидания на берегу озера.

АЛГОН И НЕБЕСНАЯ ДЕВА

(Индейцы алгонкины)

Однажды великий охотник Алгон нашел странный круг, вырезанный в траве прерии. Спрятавшись неподалеку в кустах, он стал смотреть, чтобы понять, кто сделал этот круг.

---

* Самайн — это праздник Хэллоуин, или канун Дня Всех Святых (ночь с 31 октября на 1 ноября). Кельты считали, что в этот день к живым людям приходят духи, и предлагали этим духам дары и пищу.

** Как мы заметили выше, лебедь, так же как и змея, часто интерпретируется как обитатель двух миров. Сравните лебедей из истории Энгуса Ока с лебедями финского и североамериканского мифов. Также сопоставьте Амура [греческого Эроса] с его не знающими промаха стрелами и Энгуса с его птицами. Амура часто изображают крылатым, а Энгус летает в облике лебедя.

Наконец с неба спустилась большая ивовая корзина, в которой сидели двенадцать прекрасных девушек. Девушки вышли из корзины, вступили в круг и начали танцевать и петь небесные песни. Все девушки были очень красивы, но самой прекрасной из них была младшая, в которую Алгон тут же влюбился без памяти.

Он вбежал в круг, собираясь похитить ее, но девушки, заметив его, тут же бросились обратно к корзине и снова поднялись на небо. Так повторялось трижды, и решимость Алгона завладеть этой девушкой все больше росла. Тогда он кое-что задумал.

Он положил рядом с кругом выдолбленный ствол дерева. В дереве жило семейство мышей. Алгон достал из своей сумки волшебные травы и тоже превратился в мышь. Когда девушки в корзине опять спустились с неба, он вместе с другими мышами вылез из ствола и вбежал в круг. Девушки испугались мышей и стали убивать их; тут Алгон вернул себе человеческий облик и похитил свою возлюбленную.

Он привел ее в свою деревню, и со временем девушка тоже полюбила его. У них родился сын, и они некоторое время счастливо жили втроем. Но шли годы, и небесная девушка затосковала по своему отчему дому. День за днем она лишь смотрела на небо и вспоминала своих родителей и сестер. Наконец, она уже не смогла больше терпеть. Она сплела волшебную корзину из ивовых прутьев, посадила в корзину своего сына, положила туда подарки для своего народа, сама уселась в корзину и поднялась на небо. Там она оставалась много лет.

Пока ее не было, Алгон тосковал в разлуке. Каждый день он приходил к волшебному кругу, садился на землю и ждал в надежде, что его жена и сын вернутся. Так продолжалось, пока он не начал стареть.

Тем временем в далекой небесной стране его сын стал взрослым. Он расспрашивал мать о своем отце, и небесная девушка начала скучать по Алгону. Она пришла вместе с сыном к своему отцу, вождю небесного народа. Вождь отпустил их на землю, повелев им вернуться с Алгоном и принести с собой какой-нибудь подарок от каждого из земных животных.

Небесная девушка вернулась на землю со своим сыном. Алгон очень обрадовался встрече и стал собирать дары для небесного вождя. Он взял коготь медведя, клюв орла и перо сокола, зубы енота, рога и шкуру оленя. Все это Алгон сложил в особую сумку

и поднялся вместе со своей женой и сыном на небо в ивовой корзине. Его тесть распределил подарки между своими подданными, предложив дары также Алгону и небесной девушке; и они выбрали соколиное перо. Вождь сказал, что отныне они смогут свободно путешествовать между небесной страной и землей, и Алгон со своей женой превратились в соколов. Их потомки до сих пор летают высоко в небе и спускаются в леса и прерии.

Нравоучительные сказания из мифов

«Внимай, народ мой, закону моему,
приклоните ухо ваше к словам уст моих.
Открою уста мои в притче
и произнесу гадания из древности.

Что слышали мы, и узнали,
и отцы наши рассказали нам,
Не скроем от детей их,
возвещая роду грядущему славу Господа,
и силу Его, и чудеса Его,
которые Он сотворил.

Он постановил устав в Иакове
и положил закон в Израиле,
который заповедал отцам нашим
возвещать детям их,

Чтобы знал грядущий род, дети,
которые родятся, и чтоб они
в свое время возвещали своим детям, —

Возлагать надежду свою на Бога
и не забывать дел Божиих,
и хранить заповеди Его».

(Псалтирь, 77:1—7)

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ СКАЗАНИЯ ИЗ МАХАБХАРАТЫ

(*Индия*)

ДОБРОДЕТЕЛЬ СОСТРАДАНИЯ

Некогда в городе Варанаси [Бенарес] на священной реке Ганг жил охотник. Он взял свой лук и колчан, полный отравленных стрел, и отправился убить антилопу. Углубившись далеко в лес, он заметил стадо антилоп и расстрелял все свои стрелы, так и не попав ни в одну. Впрочем, одна из стрел попала в дерево, на котором жил добрый старый попугай. Раненое отравленной стрелой, дерево стало чахнуть и умирать. Но попугай, родившийся на этом дереве и проживший на нем всю жизнь, не захотел покинуть его.

Попугай оставался на дереве, даже не летая на поиски новой пищи. Дерево чахло, слабел и попугай. Он продолжал сидеть на том самом месте, где когда-то родился, неподвижный и погруженный в скорбное молчание. Небесный бог Индра увидел преданного попугая и решил навестить птицу, приняв облик благородного брамина.

Индра в облике человека спросил птицу: «Почему ты не покидаешь это дерево? Оно ведь почти умерло». Попугай ответил: «Я не могу покинуть его. Я родился здесь; всю мою жизнь это дерево давало мне кров, пищу и защиту от врагов. Как я могу покинуть столь преданного друга?» Индра же отвечал: «Это ты, о попугай, самый преданный на свете друг». Глубоко тронутый верностью попугая, Индра коснулся засохшего дерева, и оно снова ожило.

Потом Индра сказал попугаю: «Я вернул это дерево к жизни, но в действительности, о преданный попугай, оно осталось жить благодаря тебе».

Каждый, кто слушал эту повесть о дружбе, преданности и добродетели сострадания, да будет благословен; тот же, кто поведал ее, да будет благословен дважды.

ЦАРЬ, ЯСТРЕБ И ГОЛУБЬ

Некогда жил прекрасный голубь, за которым однажды погнался свирепый ястреб. Голубь попросил Вришадарб-

ху, царя Варанаси, о защите. Добрый царь спросил: «Почему ты так испуган, малыш?» Голубь ответил, что ястреб хочет разорвать его в клочки. Тогда царь сказал: «Я сделаю все, что смогу, чтобы защитить тебя, даже если это будет стоить мне моей собственной жизни. Должно быть, боги послали мне тебя, чтобы меня испытать».

Потом к царю пришел ястреб и сказал: «Послушай, я понимаю, что ты сострадателен и что ты пообещал голубю защищать его даже ценой собственной жизни. Но ведь я — ястреб, а ястребы едят голубей. Если я не съем голубя, я умру голодной смертью. Так что если ты и вправду сострадателен, то отдай мне голубя, и я съем его. И забудем обо всех этих сложностях».

Король ответил: «О ястреб, ты ведь можешь полететь куда угодно! Почему бы тебе не съесть что-нибудь другое? Лягушку, или быка, или любое другое животное?» Но ястреб сказал, что по своей природе он не может есть ни коров, ни лягушек, а питается только голубями. Потом он потерял терпение и сказал: «Если тебе так жаль этого голубя, накорми меня своим собственным мясом. Дай мне столько своего мяса, сколько весит этот голубь». И, к удивлению всех придворных, царь согласился на это.

Голубя посадили на весы, и царь стал отрезать от себя по куску мяса, чтобы уравновесить вторую чашу весов, но маленькая птичка весила больше, сколько бы он ни отрезал. Наконец, от царя остался только скелет, но чаша с голубем продолжала перевешивать.

Внезапно раскрылись небеса, и над царским дворцом зазвучала небесная музыка. Боги смотрели на все это с неба и были глубоко тронуты тем, что царь оставался верен клятве, которую он дал скромному маленькому голубю. С небес пролился целительный дождь, и к царю вернулись сила, здоровье и прежний облик. Сам Индра спустился с неба в колеснице и вознес царя живым на высочайшее из небес.

Всем же, кто присутствовал при этом, Индра сказал: «Дать обещание и сдержать его — это одно. Совсем другое — хранить обещание так крепко, чтобы быть способным даже пожертвовать собой. Тот, кто рискует своей жизнью, чтобы помочь другому, — это истинный друг богов». И всякий, кто слышал эту историю, да будет благословен; всякий же, кто рассказывал ее, да будет благословен дважды.

ГАУТАМА И СЛОН

Некогда жил мудрец по имени Гаутама. Он нашел слоненка, оставшегося без матери, и стал о нем заботиться. Он полюбил слоненка и защищал его от всех опасностей, пока тот не превратился в могучего слона. Индра смотрел на все это с небес и спустился на землю в облике царя Дхитараштры.

В этом смертном обличье он попытался отобрать слона у Гаутамы, но Гаутама стал просить не разлучать его со слоном, без которого он не мог обойтись: слон носил ему пищу и воду. Но «Дхитараштра» ответил, что таким прекрасным животным должен владеть царь, а не лесной отшельник.

Гаутама сказал, что он считает слона не своей «собственностью» или «владением», а старым и преданным другом.

Тогда «Дхитараштра» попытался купить слона, предлагая Гаутаме золото, серебро, скот, прекрасных девушек и даже дворец. Но Гаутама сказал ему: «Даже если ты отправишься в царство Ямы [смерти] и возьмешь меня с собой, все равно ты не сможешь разлучить меня с моим слоном».

Индра в облике Дхитараштры ответил: «Те, кто уходит в земли смерти, которыми правит Яма, — греховные рабы своих желаний». Гаутама сказал: «В стране мертвых можно найти много мудрости: там слабые равны могущественным и могут даже превзойти их». Тогда «царь» сказал: «Я слишком могущественен и свят для страны Ямы». Гаутама ответил: «Вполне возможно, но, даже если ты отправишься на высочайшее из небес, которым правит Индра, ты все равно никогда не получишь моего слона». Наконец, «царь» сказал: «А что, если я отправлюсь во владения Брахмы-Создателя и он скажет, что этот слон принадлежит мне?»

Мудрец засмеялся и ответил: «Брахма-Создатель знает и любит все на свете; твое могущество ничего не значит для него. Но сила любви, которую я питаю к моему слону, сильнее, чем богатство, оружие и все прочие сокровища во вселенной. Я даже знаю, кто ты такой: ты — Индра, который решил испытать мудреца».

Индра был так восхищен преданностью Гаутамы своему слону, что предложил мудрецу награду. Гаутама мог бы попросить у него богатство, но все, что ему было нужно, — это остаться вместе со своим слоном. Тогда Индра сказал ему: «Тебе нет нужды просить у меня мудрости: ты уже владеешь ею. Что же до

богатства, то ты — самый богатый человек на земле: тебе известна цена настоящей дружбы». Годы спустя, когда Гаутама приблизился к смерти, Индра взял его и слона живыми на высшее из небес.

И всякий, кто слышал эту историю, да будет благословен; тот же, кто рассказывал ее, да будет благословен дважды.

АНАНСИ-ПАУК
(*Западная Африка*)

Эти истории особенно интересны тем, что они происходят от народа ашанти, населяющего Гану, и были завезены в Южную Америку, Вест-Индию и Бразилию, где они и сохранились по сей день.

Они весьма поучительны в том, что касается последствий высокомерия.

АНАНСИ И ПШЕНИЧНЫЙ КОЛОС

Ананси был одним из избранников Бога. Он жил в человеческом облике, прежде чем превратился в паука. Однажды он попросил у Бога колос пшеницы, пообещав, что даст Богу взамен сотню слуг. Бог всегда забавлялся хвастовством и изобретательностью Ананси, так что он исполнил его просьбу и дал ему пшеничный колос. Ананси пустился в путь с этим колосом и остановился в одной деревне передохнуть. Он сказал вождю деревни, что у него есть священный колос пшеницы, полученный от Бога, и ему необходимо безопасное место, чтобы переночевать, где у него никто не украдет это сокровище. Вождь обошелся с Ананси как с почетным гостем и предоставил ему для ночлега дом с тростниковой крышей, указав в крыше потайное место, где можно было спрятать колос.

Ночью, когда вся деревня спала, Ананси взял колос и скормил его цыплятам. На следующее утро Ананси разбудил всю деревню своими криками: «Что случилось со священным колосом? Кто его украл? Бог обрушит свою ярость на эту деревню!» Ананси наделал столько шума, что люди стали умолять его принять в обмен на пропавший колос целый бушель пшеницы.

Ананси пустился в путь с бушелем пшеницы и, наконец, устал тащить его. Он встретил на дороге человека с цыплятами и

обменял пшеницу на цыплят. Придя в следующую деревню, Ананси попросил место для ночлега, где его «священные» цыплята были бы в безопасности. Его снова приняли как почетного гостя, показали дом для ночлега, где можно было поместить и цыплят.

Ночью Ананси перебил цыплят и разбросал кровавые перья на пороге дома вождя. Утром он перебудил всех ужасными криками: «Священные цыплята убиты! Бог уничтожит эту деревню за то, что вы посмели убить священных цыплят!» Напуганные люди упросили Ананси взять в обмен на цыплят десять лучших овец.

Ананси погнал овец по дороге. Через некоторое время он встретил людей, несущих покойника. Ананси спросил у них, чье тело они несут. Люди ответили, что в их деревне умер путешественник и они несут его тело домой, чтобы похоронить его подобающим образом. Ананси обменял своих овец на покойника и снова пустился в путь.

Дойдя до следующей деревни, Ананси сказал людям, что этот труп — на самом деле сын Бога, который просто уснул. Он велел людям вести себя очень тихо, чтобы не потревожить важного гостя. Люди этой деревни устроили большой пир и обращались с Ананси, словно с царем.

Когда наступило утро, Ананси сказал людям, что «сына Бога» будить очень тяжело, и попросил помочь ему. Люди стали бить в барабаны, но гость продолжал «спать». Тогда люди стали ударять в горшки и сковороды, но гость по-прежнему «спал». Тогда люди начали трясти и толкать гостя, но тот не шевелился.

Внезапно Ананси воскликнул: «Вы убили его! Вы убили сына Бога! О, нет, только не это! Теперь Бог уничтожит вашу деревню, а то и весь мир!» Перепуганные люди предложили Ананси выбрать сотню лучших юношей и взять их себе в рабы, если он согласится умолить Бога о пощаде.

Так Ананси и вернулся к Богу, приведя сотню рабов в обмен на один-единственный пшеничный колос.

КАК АНАНСИ «ПРОВЕЛ» БОГА

После истории с пшеничным колосом Ананси чрезвычайно зазнался. Богу нравилось, что Ананси развлекает его,

но его хвастовство иногда становилось утомительным. Итак, Бог дал Ананси мешок и сказал: «Я кое-что задумал; догадайся, что у меня на уме, и принеси мне это в мешке». Ананси стал задавать вопросы, но Бог не дал ему никаких намеков на то, что он задумал. Он велел Ананси отправляться в путь, сказав, что если он хотя бы вполовину так умен, как хвастался, то разгадать, что у Бога на уме, ему будет совсем легко.

Ананси был в недоумении. Откуда ему было знать, что задумал Бог? Он спустился с неба и отправился к птицам, рассказав им о своей задаче. Птицы сочувствовали ему, но ничем не могли помочь. Впрочем, каждая из них дала Ананси по перу, чтобы он смог летать. Ананси сделал из птичьих перьев прекрасный плащ, взлетел в небо и уселся на дерево напротив дома, где жил Бог.

Люди, жившие на небе, увидели эту странную «птицу» и начали говорить о ней между собой. Они пытались понять, что это за птица. Но даже сам Бог не мог вспомнить, чтобы он создавал что-нибудь подобное. Тогда кто-то предположил, что если Ананси действительно умен, то он может знать, что это за птица.

Ананси, сидя на дереве, слышал все это. Слуги Бога беседовали между собой, и один сказал: «Как теперь найти Ананси? Бог послал его сделать невозможное. Откуда Ананси знать, что Бог хотел, чтобы он принес ему в мешке солнце и луну?»

Услышав это, Ананси стал думать, как ему достать солнце и луну. Он отправился к питону, мудрейшему из всех живых существ, и спросил его, как поймать луну и солнце. Питон посоветовал ему идти на запад, где солнце отдыхает по ночам. А луну можно было найти на востоке. Итак, Ананси нашел солнце и луну, положил их в мешок и принес Богу.

Богу так понравилась изобретательность Ананси, что он сделал его своим наместником на земле.

АНАНСИ И ХАМЕЛЕОН

Как мы уже сказали, Ананси становился все более заносчивым и высокомерным. Богу так надоело, что Ананси хвастался своей хитростью, что он стал всерьез подумывать о том, чтобы лишить Ананси своего покровительства.

Ананси жил в одной деревне с Хамелеоном. Ананси был богат и владел лучшими полями в округе, а Хамелеон был беден и тяжело трудился на своем скудном поле, чтобы свести концы с концами. Но однажды на поле Хамелеона пролился дождь, и у него вырос богатый урожай. А на поля Ананси дождь не пролился, и всходы его засохли. Тогда Ананси решил отобрать у Хамелеона его поле.

Сперва он попытался купить поле Хамелеона, но Хамелеон отказался продавать его. Ананси предлагал ему все большую и большую цену, но Хамелеон не соглашался.

Однажды рано утром Ананси вышел из дому, направился к полю Хамелеона и принялся собирать его урожай. Увидев это, Хамелеон очень рассердился и прогнал Ананси.

Когда хамелеон идет, он не оставляет за собой следов; сказать, где был хамелеон, практически невозможно. Зная это, Ананси привел Хамелеона в суд, чтобы предъявить свои права на его поле. Вождь предложил Хамелеону доказать, что поле принадлежит ему, но у Хамелеона не было никаких доказательств. Тогда Ананси привел вождя на поле Хамелеона, показав ему множество следов на дороге. Это были следы ног Ананси, и вождь признал, что поле принадлежит именно Ананси.

Но, хотя суд отдал поле Ананси, Бог справедливее, чем земной суд. Хамелеон выкопал глубокую-глубокую нору и поставил сверху крышу. Снаружи нора казалась очень маленькой. Но на самом деле Хамелеон прорыл под землей целую пещеру. Потом Хамелеон взял виноградную лозу и мух и сделал из них плащ. Когда солнечные лучи падают на мух, они сверкают и переливаются множеством цветов, но все же остаются мухами. Хамелеон надел этот плащ и пошел по дороге. Навстречу ему шел Ананси.

Ананси обратился к Хамелеону: «Здравствуй, друг мой. Надеюсь, между нами не осталось никакой вражды». Ананси увидел красивый плащ и захотел купить его. Хамелеон притворился великодушным и сказал Ананси, что отдаст ему плащ, если Ананси наполнит пищей его «маленькую норку». Ананси с готовностью согласился, хвастливо прибавив, что мог бы наполнить и в два раза большую нору.

Потом Ананси отнес плащ к вождю, выступившему судьей в его деле, и отдал ему плащ в подарок. Вождю очень понравился плащ, и он долго благодарил Ананси.

Ананси трудился день и ночь, наполняя пищей нору Хамелеона, но нора все не наполнялась. Он трудился неделю за неделей, но нора так и не заполнилась доверху. Тогда Ананси понял, что Хамелеон обманул его.

Тем временем вождь шел по дороге в плаще из мух. Внезапно лоза сломалась, и мухи разлетелись кто куда. Вождь остался голым и рассердился на Ананси. Чем дальше он шел, тем сильнее разгорался его гнев. Найдя Ананси, вождь приказал ему вернуть Хамелеону поле и дать ему в придачу еще и лучшее из своих собственных полей. Когда Хамелеон получил лучшее поле Ананси, на него пролился дождь, и Хамелеон стал самым богатым в деревне.

КАК АНАНСИ СТАЛ ПАУКОМ

Некогда жил царь, у которого был лучший на свете баран. Однажды этот баран забрел на поле Ананси и принялся поедать его всходы. Ананси бросил в него камень, который угодил барану между глаз и убил его. Ананси понял, что царь накажет его, если он ничем не возместит ему ущерб, и тут же стал думать, как исправить дело. Нет нужды говорить, что он, как обычно, решил прибегнуть к обману.

Ананси сидел под деревом, раздумывая, как ему спастись от гнева царя, и тут ему на голову с дерева упал орех. Ананси немедленно сообразил, что ему делать. Сперва он взял мертвого барана и привязал его к ореховому дереву. Потом он пошел к пауку и рассказал ему о чудесном дереве, на котором росло множество орехов. Паук обрадовался и тут же направился к дереву.

Потом Ананси пришел к царю и сказал ему, что паук убил его лучшего барана: баран висел на дереве, на котором паук плел свою паутину. Царь пришел в ярость и приговорил паука к смерти. Он поблагодарил Ананси и пообещал ему награду.

Ананси вернулся к пауку и предупредил его о том, что царь грозится казнить его, говоря, будто бы паук убил барана. Паук очень расстроился. Ананси посоветовал ему отправляться к царю и просить о пощаде: быть может, царь сжалится над ним.

Тем временем царь отправился домой пообедать и рассказал своей жене о том, что случилось. Жена рассмеялась и сказала:

«Ты что, с ума сошел? Как может маленький паук сплести такую прочную паутину, чтобы в ней удержался баран? Ты что, не понимаешь, что твоего барана убил Ананси?» Царь очень разозлился, что дал себя обмануть, и повелел своим придворным немедленно привести Ананси.

Когда посланники царя пришли к нему, Ананси решил, что царь зовет его во дворец, чтобы наградить. Так что он отправился к царю спокойно. Он вошел во дворец с таким видом, словно был здесь хозяином, и сказал царю: «Ну, где моя награда за то, что я нашел убийцу барана?»

Разгневанный царь ударил Ананси, расплющив его; и с тех пор он перестал быть человеком, превратившись в длинноногого паука.

ГРЕЧЕСКИЕ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ СКАЗАНИЯ

ИКАР И ДЕДАЛ

Дедал [с которым мы еще раз встретимся в другой главе] был величайшим в мире строителем. Он построил великий Критский Лабиринт по приказу царя Миноса. Ариадна, дочь Миноса, попросила Дедала помочь ей спасти от смерти героя Тесея. За то, что Дедал помог бежать Ариадне и Тесею, Минос заточил Дедала вместе с его сыном Икаром в башне.

Дедал много дней думал о побеге. Наконец он забрался на стену башни и собрал много птичьих перьев. Потом он набрал воску из улья, который сделали пчелы, жившие в башне. Стражники не заметили его приготовлений.

Несколько месяцев Дедал лепил огромные крылья из птичьих перьев и воска. Большие перья он разместил на деревянной раме, купленной у стражников, а маленькие скрепил воском. Дедал хотел улететь на этих крыльях из башни. Но Икар был легче его, и крылья лучше было испытать на нем.

Дедал велел Икару наблюдать за тем, как летают птицы. Икар должен был в точности повторять все движения птиц. Но самое главное, как сказал ему Дедал, нельзя было опускаться слишком низко, чтобы не упасть в море, и нельзя было подниматься слишком высоко, иначе солнечные лучи могли растопить воск.

Икар спрыгнул с башни и полетел, словно птица. Это оказалось очень приятно. Он парил над океаном, то снижаясь, то поднимаясь выше. Он облетел вокруг башни. Потом он попытался взлететь немного повыше и вскоре уже кружил в небе так высоко, что отец почти потерял его из виду. Опьяненный своим успехом, Икар, вместо того чтобы вернуться в башню, попробовал подняться еще выше. Но тут, как и предсказывал его отец, воск растаял, и юноша упал вниз и утонул.

Вот почему боги не позволили людям летать: людям не ведомо чувство меры. Если они общаются с богами, они становятся чересчур заносчивыми и забывают свое место. Людям даны разум и мастерство, но они применяют их для того, чтобы делать оружие и убивать друг друга. Лишь тот, кто по-настоящему мудр, помнит совет Дедала: не заноситься слишком высоко и не опускаться слишком низко.

АРАХНА

Из всех людских грехов, которые вызывают у богов раздражение, худший — высокомерная гордыня. Она побуждает людей вызывать богов на состязание и пренебрегать ими. Одной из таких неразумных смертных была Арахна.

Арахна была простой сельской девушкой, но она славилась по всей Греции благодаря своему искусству прясть и ткать. Среди смертных никто не умел прясть так же хорошо, как Арахна. Полотно, которое выходило из-под ее рук, было прекраснейшим на свете.

Искусства прядения и ткачества изобрела богиня мудрости Афина. И вот Арахна начала хвастаться, что ее покровительница, Афина, не сможет сделать лучшее полотно, чем она. Сперва богиня лишь смеялась и не обращала никакого внимания на тщеславную девушку. Но потом люди начали верить похвальбе Арахны и перестали поклоняться Афине. Тогда эта богиня, обычно терпеливая и рассудительная, наконец разгневалась.

Афина спустилась на землю и предстала перед Арахной, вызвав ее на состязание. Девушка и богиня принялись прясть наперегонки. Арахна оказалась достойной соперницей, так что даже Афина была восхищена ею. И если бы Арахна вела себя скромно и смиренно, то все могло бы окончиться хорошо. Но

Арахна начала громко хвастаться в присутствии Афины, что она прядет лучше богини.

Тогда Афина взглянула на Арахну (имя которой означает «паук») и сказал ей: «Если ты прядешь лучше всех, так делай это всегда!» И Арахна превратилась в паука. Дети Арахны по сей день прядут паутину.

МИДАС

Когда царь Мидас был ребенком, произошло чудесное знамение. Муравьи собрали зёрна пшеницы и сложили их у губ спящего Мидаса: это предвещало, что Мидас станет богатым.

У Диониса, бога виноделия, был пьяница-сын по имени Силен*, который бывал трезвым очень редко и, напиваясь, часто забывал, где находится. Это причиняло отцу ужасное беспокойство. Однажды, путешествуя по царству Мидаса, Силен, как всегда, напился пьяным и заблудился. Неподалеку находился ужасный водоворот, унесший немало жизней. Силен забрел в реку и мог бы утонуть, если бы ему на помощь не пришел Мидас.

В благодарность Дионис предложил Мидасу исполнить любое его желание. Мидас попросил, чтобы прикосновение его руки превращало в золото любой предмет. Дионис спросил его: «Ты уверен в своем желании?» Мидас настаивал. И все, к чему бы ни прикоснулся царь, стало превращаться в золото.

Сперва Мидасу казалось это чудесным: он превращал в золото цветы, камни, деревья и всякие другие предметы. Но со временем он проголодался. И когда он сел пообедать, пища тоже стала превращаться в золото. Его дочь подошла к нему и обняла его — и превратилась в золотую статую. Мидаса охватила скорбь. Он испугался, что умрет голодной смертью. Дионис знал, что такое может случиться, и надеялся, что Мидас получит хороший урок и перестанет быть таким жадным. Услышав жалобные мольбы царя Мидаса, Дионис избавил его от ужасного дара.

Кроме этой истории о Мидасе, известна и другая, показывающая последствия гордыни. Мидас прославился своим богатст-

---

* Иногда Силена считают приемным отцом Диониса.

вом и мудростью. Однажды царь пришел посмотреть на музыкальное состязание между Аполлоном и смертным Марсием, судьей в котором выступал бог реки Тмол. Тмол, естественно, присудил награду Аполлону. Однако надменный Мидас начал спорить с речным богом, утверждая, что искусство Марсия не хуже, чем искусство Аполлона. За это Аполлон превратил уши Мидаса в ослиные.

Долгое время Мидасу удавалось скрывать это уродство под шапкой, а со своего цирюльника он взял клятву, что тот даже под страхом смерти не откроет тайны царя. Но цирюльник не в силах был сдержать смех, когда стриг Мидаса. В конце концов он не утерпел, вырыл яму на берегу реки и прошептал в нее: «У царя Мидаса ослиные уши».

Через некоторое время из этой ямы выросла тростинка, которая стала шептать эту тайну каждому прохожему. Тогда Мидас убил цирюльника, но ослиные уши у него остались.

НАРЦИСС

Нарцисс был самым красивым юношей на свете. Когда он родился, слепой прорицатель Тиресий предсказал, что Нарцисс будет жить долго и счастливо, если только не увидит своего отражения. К шестнадцати годам Нарцисс уже успел разбить множество сердец девушек и юношей, ибо он считал, что никто из них не достоин его.

Среди влюбленных в Нарцисса была нимфа Эхо. Гера, жена Зевса, когда-то наказала Эхо, сделав так, что она не могла говорить и только повторяла то, что сказали другие. Наказана она была за то, что отвлекла Геру, рассказывая долгие истории, в то время как Зевс развлекался с нимфами.

Как-то Нарцисс, гуляя по лесу, воскликнул: «Есть кто-нибудь здесь?» «Здесь! Здесь!» — отозвалась Эхо. Тогда Нарцисс сказал: «Иди сюда!» «Сюда! Сюда!» — крикнула Эхо. Нарцисс пошел на голос, воскликнув: «Не убегай от меня!» Эхо ответила: «Не убегай от меня!» Тогда Нарцисс увидел Эхо, выбежавшую из своего укрытия ему навстречу. Но она показалась ему недостаточно красивой для него. Нарцисс сказал ей: «Ты никогда не ляжешь со мной!» — и Эхо ответила: «Ляжешь со мной! Ляжешь со мной!» Но все было тщетно: Нарциссу она была безразлична.

Одним из мужчин, влюбленных в Нарцисса, был Амений, которого надменный красавец постоянно отвергал. Впрочем, чтобы утешить Амения, Нарцисс послал ему в подарок меч. Амений убил себя этим мечом, воззвав к богам, чтобы они отомстили за него. Боги с радостью прислушались к его просьбе. Они уже порядком устали от эгоистичного Нарцисса, жестокого к своим поклонникам и бессердечного.

Вот как была отмщена гибель Амения и исполнено пророчество Тиресия: Нарцисс пришел на берег реки и влюбился в свое собственное отражение в воде. Когда он наклонился, чтобы поцеловать отражение, он упал в воду и утонул.

Другая версия мифа утверждает, что, влюбившись в свое отражение, Нарцисс долгие часы просидел на берегу, стараясь уговорить отражение ответить на его любовь. Но когда он понял, что прекрасный юноша в реке не ответит ему, Нарцисс пронзил свое сердце кинжалом, свершив правосудие над самим собой — над юношей, повинным в стольких смертях несчастных влюбленных.

Из его крови появился белый цветок, который назвали нарциссом. Этот цветок напоминает нам о красоте Нарцисса.

ТАНТАЛ

История Тантала — это хороший урок для алчных людей и карьеристов. Царь Тантал пользовался любовью смертных и богов (по некоторым версиям, он был сыном самого Зевса от одной из его многочисленных смертных любовниц). Боги позволяли Танталу пировать с ними за одним столом во дворце на Олимпе, питаться амброзией и нектаром, которые обычно предназначались лишь для богов. Но со временем Тантал возгордился.

Он решил, что сможет поразить своих соседей, пригласив богов к себе на пир во дворец в Коринфе. Но, осмотрев свои хранилища, он понял, что для большого пира у него не хватит припасов. Боги были уже приглашены, перенести праздник было невозможно, и Тантал пошел на ужасное преступление: он убил своего собственного сына и приготовил из него кушанье.

По глупости Тантал надеялся, что боги поверят, будто бы это кушанье сделано из молодого козленка. Но, естественно, боги поняли, в чем дело. И наказание соответствовало преступлению.

Тантал потерял свое царство и погиб от руки самого Зевса. В подземном мире Тантал мучается голодом, привязанный к дереву, увешанному плодами: как только плод наклоняется и Тантал протягивает к нему руку, ветка немедленно распрямляется. У его ног плещется самая чистая и прозрачная в мире вода; она то и дело поднимается ему до подбородка, но, как только он склоняет голову, чтобы напиться, вода снова опускается. Так Тантал страдает от вечного голода и жажды, окруженный изобилием.

Четыре параллельных мифологии

ИСТОРИЯ ДВУХ БРАТЬЕВ

(*Индейцы-черноногие*)

Некогда жили два брата — Нопатсис, старший, и Акайян, младший. Нопатсис был женат на дурной женщине, которая испытывала вожделение к Акайяну и хотела уничтожить младшего из братьев. Она днем и ночью уговаривала Нопатсис отослать прочь Акайяна. И в то же время она пыталась соблазнить младшего брата. В конце концов она задумала самую ужасную и дурную вещь.

Однажды, когда Нопатсис вернулся домой, он увидел, что у его жены вся одежда изорвана, а волосы в беспорядке. Жена сказал ему, что Акайян пытался овладеть ею. Нопатсис был потрясен и опечален. Он решил рассчитаться со своим братом за обиду.

Каждое лето водяные птицы линяют, оставляя на озерах тысячи перьев. Люди собирают эти перья и делают из них оперение для стрел. Случилось так, что Нопатсис жил на берегу озера, и обычно оба брата собирали перья вместе. Итак, Нопатсис и Акайям отправились на лодке к острову в центре озера, далеко от берега, где перьев всегда бывало больше.

Пока Акайям собирал перья, Нопатсис потихоньку уплыл, оставив своего брата умирать на острове. Озеро было большое и глубокое, на нем случались внезапные бури, и доплыть до берега без лодки было невозможно. Таким образом, Акайям и не пытался добраться до дома вплавь. Взглянув на свой дом на далеком берегу, Акайям увидел Нопатсис, грозящего ему и посылающего ему проклятия. Нопатсис повторял ту ужасную ложь, что сказала ему жена. Акайям крикнул в ответ, что он невиновен, но было уже поздно.

В отчаянии Акайям взглянул на воду и заплакал. Он стал

умолять духов природы помочь ему. Он воззвал к Солнцу и Луне, чтобы они оправдали его перед братом. Потом он построил себе укрытие из веток и сделал постель из перьев. Он научился делать себе одежду из кожи уток и гусей, приручил нескольких птиц и кормил их, чтобы ему самому было чем питаться зимой. Так он прожил много месяцев.

Однажды к Акайяму пришел маленький бобер и пригласил его в гости. Акайям был очень одинок и обрадовался приглашению. Когда он вошел в нору, Великий Бобер, такой старый, что мех его побелел от времени, встретил Акайяма как почетного гостя и стал расспрашивать его, как он оказался на острове. Акайям рассказал о своей жестокой невестке. Великий Бобер разгневался из-за того, как несправедливо поступили с Акайямом, и поклялся сделать все, что в его силах, чтобы защитить невиновного юношу. Бобры пригласили Акайяма жить зимой в их теплой норе и научили его целительскому искусству и волшебству.

Когда вновь настало лето, Великий Бобер спросил Акайяма, какой подарок он хочет унести с собой. Акайям ответил, что хотел бы взять с собой в товарищи младшего сына Бобра. Великий Бобер сперва не хотел выполнить эту просьбу, потому что младший сын был его любимцем. Но в конце концов он согласился и повелел Акайяму построить священную бобровую нору, когда он вернется в свою родную деревню. Знания, которые передал Акайяму Великий Бобер, были так могущественны, что молодой человек теперь точно знал: все духи на его стороне. Теперь он ничего не боялся — ни на острове, ни в своей родной деревне.

Через несколько месяцев Нопатсис снова приплыл на остров, ожидая найти кости Акайяма, которого он давно считал умершим. Пока Нопатсис оглядывался по сторонам, Акайям взял на руки маленького бобра, пробрался в лодку Нопатсиса и уплыл на берег. Братья поменялись ролями: теперь Нопатсис стал умолять брата о милосердии.

Вернувшись домой, Акайям был тепло встречен племенем бобров. Как велел ему Великий Бобер, он построил священную бобровую нору и научил свой народ танцам и песням бобров.

После этого Акайям вернулся на остров, чтобы вернуть маленького бобра в его родную семью. Он также нашел кости Нопатсиса и похоронил их. Великий Бобер был так доволен, что

Акайям вернул ему сына, что он подарил юноше в знак благодарности священную трубку мира.

ИСТОРИЯ ДВУХ БРАТЬЕВ
(*Египет*)

Эта история приводится в I томе книги «Ближний Восток в древности» под редакцией Джеймса Б.Причарда и в переводе Джона Уилсона.

Некогда жили два брата — старший, Анубис, и младший, Бата. У Анубиса была злая жена, которая решила уничтожить Бату. Бата же был на редкость красивым, умным и добрым юношей. Братья вели общее хозяйство, вместе возделывали землю и пасли скот.

Однажды братья работали в поле. Анубис послал Бату домой за семенами. Когда Бата пришел домой, его невестка увидела, какой он сильный и красивый. Она взяла его за руку и притянула к себе. Она сказала ему, что Анубис не расстроится, если он вернется в поле на несколько минут позже. Потом она прямо предложила Бате заняться с ней любовью.

Бата испугался, услышав от жены брата такое предложение. Он сказал ей: «Ты была мне как мать, а Анубис — как отец. Как тебе могла прийти в голову такая ужасная вещь?» И он убежал прочь, захватив семена, которые отдал Анубису.

Когда Анубис вернулся домой с поля, он нашел свою жену в ужасном состоянии. Она разорвала на себе одежды и наелась жира, чтобы вызвать рвоту. Она лежала на постели и рыдала. Когда Анубис спросил ее, что случилось, она сказала ему, что Бата изнасиловал ее. Она сказала Анубису: «Если ты оставишь своего брата в живых, я убью себя».

Анубис исполнился гнева и отвращения. Он схватил свое копье, спрятался за дверью хлева и стал дожидаться возвращения Баты.

Бата все еще работал на поле. Он ничего не стал говорить брату о том, что произошло, когда он ходил за семенами. Но он знал, что его невестка может оболгать его перед братом, поэтому он был очень осторожен, возвращаясь домой. Подходя к хлеву,

он заметил из-за двери ногу Анубиса, дожидавшегося его. Бата убежал. Дверь хлева распахнулась, и Анубис погнался за братом с копьем, готовясь метнуть его.

Бата бежал и взывал к Ра, умоляя бога Солнца спасти его от брата, наказать злодейку и оправдать его. В это мгновение, когда Анубис уже был совсем близко, Ра сотворил реку, разделившую преследователя и беглеца. Чтобы Анубис не смог перебраться через реку, Ра населил ее крокодилами. И Анубис был вынужден стоять на одном берегу реки, а Бата целым и невредимым остался на другом берегу.

Бата крикнул брату: «Ра — мой защитник. Подожди, пока он появится на восходе. Тогда боги покажут тебе, кто виноват, а кто невиновен». На восходе Бата поведал брату правду, и Анубис выслушал его. Потом, чтобы подтвердить истину своих слов и принести жертву Ра, Бата отрезал свой мужской член и бросил его в реку, где его проглотила священная рыба Ра.

Бата истек кровью и умер. Анубис в глубокой печали вернулся домой. Он убил свою злую жену и скормил ее тело собакам.

БЕЛЛЕРОФОНТ
(*Греция*)

Беллерофонта обвинили в убийстве свирепого Беллера (отсюда его имя Беллерофонт — «убийца Беллера») и его родного брата, жестокого Делиада. Беллерофонт был вынужден бежать к царю Проэтею в Тиринф в поисках защиты. Поскольку Беллерофонт был царской крови, Проэтей с радостью дал ему убежище. Но жена Проэтея, Антейя, была дурной женщиной. Она влюбилась в молодого гостя и много раз пыталась соблазнить его. Беллерофонт был чист душой и отвергал ее предложения. Тогда Антейя сказала Проэтею, будто Беллерофонт пытался изнасиловать ее. Проэтей решил убить юношу.

Но если бы царь собственноручно убил гостя царской крови, на его голову пал бы позор. Поэтому Проэтей послал Беллерофонта к царю Иобату в Ликию, передав с ним запечатанное письмо, в котором говорилось, что Беллерофонт пытался изнасиловать Антейю, приходившуюся Иобату дочерью. В этом письме Проэтей обращался к Иобату за помощью в убийстве Беллерофонта.

Но Иобат тоже не захотел своими руками избавляться от гостя

царской крови. Он решил поручить Беллерофонту опасное, возможно, смертельное задание. Он попросил Беллерофонта убить страшное чудовище Химеру. Это было огнедышащее чудище с головой льва, телом козы и хвостом змеи. Но прежде, чем взяться за эту задачу, Беллерофонт побеседовал с прорицателем, который сказал ему, что Химеру будет легко уничтожить с помощью крылатого коня Пегаса.

Тогда Беллерофонт разыскал и укротил Пегаса и с легкостью убил Химеру.

Иобат, все еще желавший смерти Беллерофонта, никак не вознаградил юного героя за этот подвиг и послал его сражаться с двумя свирепыми армиями, одну из которых составляли амазонки — племя женщин-воительниц. Пролетев над ними верхом на Пегасе, Беллерофонт без труда уничтожил обе армии.

Иобат продолжал строить планы, чтобы избавиться от Беллерофонта, и никак не награждал юношу за его великие деяния, так что Беллерефонт просто недоумевал, почему царь настолько неблагодарен. Наконец, оскорбленный Беллерофонт отправился верхом на Пегасе в гости к морскому богу Посейдону. Посейдон решил наказать Иобата, послав гигантскую волну на Ликийское царство. Когда люди увидели издалека эту волну, они кинулись к Беллерофонту и стали умолять его о защите. Распутные ликийские женщины встали на берегу и распахнули свои одежды, предлагая себя Беллерофонту в надежде на то, что он усмирит волну. Но Беллерофонт не воспользовался их предложениями. Поднявшись высоко над Ликией на спине Пегаса, Беллерофонт попросил Посейдона отозвать волну.

После этого случая Иобат убедился в невиновности Беллерофонта, поняв, что этот честный юноша не мог пытаться изнасиловать женщину: ведь боги не стали бы защищать Беллерофонта, если бы тот был виновен. Иобат призвал к себе Беллерофонта, показал ему письмо и приказал рассказать правду о том, что произошло с его дочерью. Узнав, что Антейя солгала, Иобат попросил у Беллерофонта прощения и предложил ему в жены свою другую дочь, Филоною. Так Беллерофонт стал наследником ликийского трона.

Но гордыня привела Беллерофонта к гибели. Он попытался взлететь верхом на Пегасе на гору Олимп, где обитали боги. Когда Беллерофонт приблизился к дворцу богов, Зевс разгневался и послал муху, которая укусила Пегаса. Крылатый конь сбросил Беллерофонта наземь. Пегасом же завладел Зевс.

Однако Беллерофонт не умер при падении. Он упал в заросли колючих кустов. Поняв свою ошибку и смирившись, остаток своих дней он провел в скитаниях, прося подаяния как нищий.

ИОСИФ И ЖЕНА ПОТИФАРА
(*Быт. 39*)

«Иосиф же отведен был в Египет, и купил его из рук Измаильтян, приведших его туда, египтянин Потифар, царедворец фараонов, начальник телохранителей.

И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах, и жил он в доме господина своего, Египтянина.

И увидел господин его, что Господь с ним и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех.

И снискал Иосиф благоволение в очах его, и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его.

И с того времени, как он поставил его над домом своим и над всем, что имел, Господь благословил дом Египтянина ради Иосифа, и было благословение Господне на всем, что имел он в доме и в поле.

И оставил он все, что имел, в руках Иосифа; и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который он ел. Иосиф же был красив станом и красив лицем.

И обратила взоры на Иосифа жена господина его, и сказала: спи со мною.

Но он отказался и сказал жене господина своего: вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки;

Нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?

Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею, случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было;

Она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мною. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон.

Она же, увидев, что он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон, кликнула домашних своих и сказала им так: посмотрите, он привел к нам Еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною; но я закричала громким голосом, и он, услышав, что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал, и выбежал вон.

И оставила одежду его у себя до прихода господина в дом свой.

И пересказала ему те же слова, говоря: раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною, но, когда я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон.

Когда господин его услышал слова жены своей, которые она сказала ему, говоря: так поступил со мною раб твой, то воспылал гневом; и взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице.

И Господь был с Иосифом, и простер к нему милость, и даровал ему благоволение в очах начальника темницы.

И отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников, находившихся в темнице, и во всем, что они там ни делали, он был распорядителем.

Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, потому что Господь был с Иосифом, и во всем, что он делад, Господь давал успех».

* * *

Здесь мы привели четыре параллельных мифа: один — из преданий индейцев-блэкфутов, населявших североамериканские равнины, другой — из Египта, третий — из Греции, четвертый — библейскую историю про Иосифа и жену Потифара. Все четыре истории основаны на одном и том же замысле.

Легко возразить, что египетская, греческая и еврейская истории могут являться примерами заимствования: все эти три народа жили на берегах Средиземного моря и сообщались через торговлю. Но параллель между ними и мифом блэкфутов объяснить нелегко.

Несколько мифов о героях

ИСТОРИЯ ЗИГФРИДА
(Скандинавия/Германия)

История Зигфрида относится к далекой древности и соотносится с героическими мифами других культур — к примеру, мифами о Геракле (Геркулесе), Персее и Тесее в Греции, Кецалькоатле в Мексике и прочими — практически у всех народов. Зигфрид — один из самых известных мифических героев; особенно он прославился благодаря циклу опер Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

Этот миф, как и все героические мифы, представляет собой аллегорию испытаний, с которыми сталкиваются все люди. История Зигфрида вызывает тем более острый интерес, что этот персонаж отвергает богов и героически смотрит в лицо своей неотвратимой гибели. Это прекрасный образчик героического мифа, содержащий практически все ключевые элементы такого рода историй.

Версия мифа о Зигфриде, приведенная здесь, основана на нескольких источниках, в том числе — на скандинавской «Саге о Вельсунгах» (где Зигфрид выступает под именем Сигурд) и на германском эпосе «Песнь о Нибелунгах». Обработка мифа была произведена несколькими немецкими писателями, в том числе Карлом Гойдеке (1814—1887) и Августом Текленбургом (1863—1930), а также поэтом Иоганном Людвигом Уландом (1787—1862). Это повествование почти совпадает с сюжетом оперы Вагнера (либретто для которой написал сам композитор), за исключением нескольких мелких деталей. Скандинавская Брюнхильд — это Брунгильда германцев; скандинавский Один — Вотан германцев; скандинавский Гуннар — Гунтер германцев; а Гримхильд — Кримхильда германцев. Скандинавскую Гудрун у германцев называют Гутруной.

* * *

Зигфрид, имя которого означает «победа-мир», был сыном воина-героя Зигмунда («победа-уста») и его супруги Зиглинды («победа-липовое дерево»). Зигмунд был великим воином Нибелунгов и их короля Альбериха.

У Альбериха было Кольцо, приносящее своему обладателю власть над миром. Этот король мог бы победить даже самого Вотана, короля богов. Как король Нибелунгов (карликов, живших под землей, добывавших руду и ковавших чудесные изделия), Альберих владел огромными сокровищами — всем золотом земных недр.

Сокровища Нибелунгов, в том числе и Кольцо, охранял великан Фафнир, принявший облик свирепого дракона. Вотан хотел, чтобы Кольцо оставалось в руках великана и не попало к его противникам, карликам. И Фафнир, и Вотан знали, что дни их сочтены, потому что скоро родится герой, священная миссия которого приведет к их гибели.

Когда Зигмунда убили в сражении, умирающая Зиглинда родила сына Зигфрида и поручила его воспитание карлику по имени Миме. Миме вырастил мальчика как собственного сына, потому что ему было известно пророчество, согласно которому Зигфрид станет героем из рода Вельсунгов («вселенная»), освободит сокровища Нибелунгов и добудет Кольцо.

Когда Зигфрид вырос и стал мужчиной, у него появилось множество вопросов о своем настоящем происхождении. С самых ранних лет Зигфрид называл Миме отцом, но рослый молодой герой был совершенно непохож на Нибелунгов. Миме скрывал от Зигфрида правду в надежде на то, что он, Миме, сам завладеет Кольцом и сокровищем (а не Вотан и не Альберих). Наконец Зигфрид устал от недомолвок Миме и под угрозой смерти вынудил карлика рассказать правду.

Однажды Вотан, одноглазый король богов, скитаясь по земле, пришел в дом Зигфрида и Миме. На нем был плащ с капюшоном, помогавший скрыть одноглазость, чтобы его никто не узнал. В руке у него был посох с вырезанными священными рунами, сделанный из ветви ясеня Иггдрасиль, поддерживающего Вселенную. Эти руны представляли собой законы, которыми управлялись все, кто жил во Вселенной: люди и карлики, великаны и боги.

Один глаз Вотан потерял тогда, когда отдал его в залог

великану Мимиру за право испить из его колодца мудрости один глоток священной воды. Благодаря этой мудрости, купленной столь дорогой ценой, Вотан знал о неотвратимости Сумерек Богов, когда он будет свергнут с трона Вселенной. Знал он и то, что миссия юного Зигфрида только ускорит приближение этих Сумерек.

Миме задал Вотану много вопросов, чтобы «странник» обнаружил перед ним свою мудрость: «Кто населяет поверхность земли?» Вотан ответил: «Смертные люди». «Кто живет под землей?» Вотан ответил: «Нибелунги». «Кто живет наверху, в небесах?» Вотан ответил: «Боги, которые правят миром: Вотан, Доннер [Тор, бог грома], Фрейя [богиня красоты] и прочие. Им прислуживают валькирии, которые приносят убитых на поле сражения героев в пиршественную залу богов в Валгалле [«зал убитых»]».

Вотан мог говорить только правду, и Миме продолжал задавать вопросы: «Кто величайшие и прекраснейшие среди людей?» Вотан ответил: «Вельсунги, Зигмунд и Зиглинда, и их сын, грядущий в мир герой. Только Вельсунг может убить дракона Фафнира и получить Кольцо. Говорят, что Вотан своими руками сломал меч Нотунг — единственное, чем можно убить этого дракона. Судьба гласит, что тот, кто заново скует этот меч, станет величайшим в мире героем». Зигфрид, внимательно слушавший странника, понял, кто он такой и что он должен исполнить. Затем странник тихо ушел и исчез в густом лесу.

Когда Вотан ушел, Зигрифд приказал Миме заново сковать меч Нотунг, чтобы он, Зигриф, смог выполнить свою миссию. Миме возразил, сказав, что даже его великое кузнечное искусство не поможет восстановить волшебный меч. Тогда, оттолкнув Миме, Зигриф сам собрал осколки меча и принялся ковать их на наковальне Миме. Он справился с этой задачей без труда. С последним ударом молота наковальня исчезла глубоко в недрах Эрд, богини земли. Эрд была богиней и сестрой Вотана; она сразу же рассказала своему брату о том, что произошло.

На следующий день Зигфрид отправился в лес, чтобы совершить свой первый подвиг — убить Фафнира и возвратить сокровище Альбериха и зачарованное Кольцо. Он пришел к озеру, на берегу которого Фафнир обвивался кольцами вокруг древнего ясеня. Дерево было окружено защитным кругом огня. Сам Фафнир тоже извергал огонь, а с его зубов капала кровь несчастных жертв. Зигфрид бесстрашно прошел сквозь огонь, и

пламя не причинило ему никакого вреда. Фафнир узнал мужественного воина. Зигфрид убил его одним ударом. Умирая, дракон спросил Зигфрида, кто сковал волшебный меч, и юноша ответил: «Я, Зигфрид из рода Вельсунгов».

Кровь Фафнира капнула с меча на руку Зигфрида, и юноша коснулся крови губами. Благодаря этому Зигфрид научился понимать пророческий язык птиц.

Птицы сказали Зигфриду, что сокровище Альбериха находится в пещере неподалеку. Он пошел в пещеру и, не обращая внимания на сокровища, взял только Кольцо в знак совершенного подвига. Но Зигфрид не понимал до конца, что означает обладание Кольцом, которое могло сделать его властелином Вселенной. Но на Кольце лежало еще и проклятие: Альберих устроил так, что любой, кроме него самого, кто наденет это Кольцо на палец, будет обречен на гибель из-за предательства. Итак, Зигфрид, сам того не зная, двинулся навстречу трагической судьбе.

Когда герой уже хотел выйти из пещеры, появились Миме и Альберих. Зигфрид теперь мог ясно читать в сердце Миме, он видел своего приемного отца насквозь и понимал, что льстивые слова Миме — лишь укрытие злобных замыслов. Зигфрид знал, что Миме намеревается убить его и забрать сокровище себе. Взмахнув Нотунгом, Зигфрид убил Миме. Альберих жестоко расхохотался и забрал себе вновь обретенные сокровища, когда Зигфрид ушел. Помня о том, какое проклятие он наложил на Кольцо, Альберих позволил герою унести его с собой, прекрасно зная, что юношу ждет гибель.

Затем птицы сказали Зигфриду о новом предстоящем ему подвиге. Они поведали ему, что прекрасная девушка, валькирия по имени Брунгильда, погружена своим отцом Вотаном в беспробудный сон за то, что когда-то ослушалась его. Она спит в огромной скале, окруженная языками пламени. Только герой из рода Вольсунгов, не ведающий страха, может освободить ее, пробудив спящую поцелуем. Зигфрид не замедлил воспользоваться этой возможностью для нового приключения.

В чем же была вина Брунгильды? Еще до рождения Зигфрида его родители, Зигмунд и Зиглинда, отважно сражались на стороне Нибелунгов против Вотана. Когда Зигмунд пал в сражении, беременная Зиглинда стала умолять Брунгильду о помощи. Валькирия спасла ее, вынеся с поля боя. Но, хотя Брунгильда

действовала из сострадания, она все же помогла врагам своего отца. За это Вотан и погрузил ее в глубокий сон. Затем король богов приказал Локи, трикстеру и божеству огня, окружить ее кольцом из пламени, чтобы ни один смертный не мог спасти валькирию.

Как мы уже знаем, юный герой не сознавал ни того, что означает владение Кольцом, ни того, что значит спасти Брунгильду вопреки воле Вотана. Когда он приблизился к скале, Вотан — все еще в обличье странника — стал отговаривать его от спасения Брунгильды. На сей раз в руке Вотана был не посох, а копье. Теперь Зигфрид понял, что перед ним не кто иной, как сам Вотан. Этим самым копьем Вотан некогда разбил меч Нотунг в руках Зигмунда, отца юного героя. Но теперь Вотан понимал, что Зигфрид владеет чудесным Кольцом, и не стал вступать с ним в открытую битву. Единственным оружием Вотана теперь были слова, но они не помешали Зигфриду продолжить свой путь.

Зигфрид подошел к скале и преодолел стену пламени. Ему показалось, что перед ним лежит спящий воин в доспехах. Но, подойдя ближе, он увидел, что это — прекрасная Брунгильда. Он поцеловал ее, и она пробудилась. Но, сняв с нее шлем, Зигфрид превратил ее из валькирии в простую смертную. Зигфрид надел ей на палец волшебное Кольцо в залог своей любви и поклялся, что вернется к ней.

Затем Зигфрид направился в страну Гьюкунгов, которыми правил трусливый и коварный король Гунтер и его жестокая мать Кримхильда, злая колдунья.

Весть о подвигах Зигфрида уже разнеслась по всему миру, и Кримхильда знала, кем был этот юный воин. Колдунья решила сделать Зигфрида мужем своей дочери Гутруны, а Брунгильду — женой Гунтера.

Когда Зигфрид прибыл к их двору, Гунтер устроил большой пир и принес Зигфриду клятву в вечной верности, побратавшись с ним кровью. Кримхильда подлила в кубок Зигфрида волшебное зелье, заставившее его забыть Брунгильду. Юный герой женился на Гутруне — в согласии с планами Кримхильды. В довершение своего замысла Кримхильда придала Зигфриду облик Гунтера и послала его к Брунгильде. Она подумала, что ее пришел спасти новый герой — не Зигфрид. Зигфрид в обличье Гунтера провел с валькирией три ночи, но всякий раз клал между нею и собой на ложе разделявший их меч.

Потом Зигфрид привез Брунгильду во дворец Гьюкунгов и принял свой настоящий облик. Брунгильда верила в то, что ее спас трусливый Гунтер, и печалилась о том, что Зигфрид «забыл» свою клятву и женился на другой.

Но однажды, поссорившись с Гутруной, Брунгильда случайно узнала правду: Гутруна выболтала ей, что на самом деле ее спас Зигфрид, но было уже слишком поздно, поскольку герой был женат на Гутруне и не мог быть с Брунгильдой.

Чтобы посеять раздор между побратимами, Брунгильда пошла к Гюнтеру и сказала ему, что Зигфрид три ночи подряд занимался с ней любовью. Брунгильда потребовала, чтобы Гунтер убил Зигфрида и отомстил за ее поруганную честь. Гунтер ответил, что не может сделать этого, поскольку поклялся герою в вечной верности. Но он нашел выход из положения, поручив убить Зигфрида своему брату Хагену. И вот, однажды ночью, когда Зигфрид спал с Гутруной, Хаген пробрался в спальню и убил героя ударом копья.

Теперь Брунгильда добилась своего: Зигфрид уже никогда не смог бы жить с другой женщиной. Она исполнила проклятие Альбериха. Брунгильда по собственной воле бросилась на погребальный костер Зигфрида, чтобы навеки соединиться с ним, и языки пламени объяли всю Валгаллу.

ТЕСЕЙ
(*Греция*)

Миф о Тесее — это пример героического сказания как аллегории человеческой жизни. Тесей проходит множество испытаний и переживает множество невзгод, прежде чем сталкивается лицом к лицу со своей главной задачей — убить человека-быка Минотавра, живущего в центре огромного Лабиринта. Наши собственные жизни тоже напоминают запутанный лабиринт. Но Тесей, понимая, куда он попал, находит выход из лабиринта. Для современного человека миф — это один из способов понять то, где он находится, и выбраться из своего «лабиринта».

Этот миф разворачивает перед нами загадочную историческую перспективу. В 1890-е годы сэр Артур Джон Эванс, производивший раскопки на острове Крит, нашел королевский Кносский дворец. В 2000 г. до н.э. Крит находился на значительно более высоком уровне развития, чем континентальная часть Греции.

Любопытно, к примеру, что Эванс обнаружил в Кносском дворце водопровод и туалеты — достижения техники, которые стали повсеместно использоваться в Западной Европе лишь в конце XIX века. Более актуально для темы нашей книги то, что на залы и коридоры дворца напоминают лабиринт, что стенах его — многочисленные изображения боя быков и что свидетельства о торговле с континентальной Грецией добавляют правдоподобия истории о Тесее, древнем царе Афин.

Для простого гостя из Греции бронзового века огромные коридоры дворца должны были представляться настоящим лабиринтом; картины людей, скачущих верхом на быках, легко могли породить легенду о Минотавре — получеловеке, полубыке.

Один из лучших источников представленной здесь истории о Тесее — труд античного биографа Плутарха «Жизнеописания знаменитых греков и римлян». Еще одно прекрасное изложение этого мифа составлено современным писателем Андрэ Жидом в его книге «Тесей».

ЮНОСТЬ ТЕСЕЯ

У афинского царя Эгея было две жены — Мелита и Халкиопа; но ни одна из них не подарила ему наследника. Эгей отправился в Коринф, чтобы спросить совета у волшебницы Медеи. Она согласилась наделить его волшебной силой, необходимой для рождения сына, в обмен на обещание, что Эгей предоставит ей защиту и убежище в Афинах. Царь с радостью согласился на это.

Возвращаясь в Афины, Эгей проезжал через город Трезен. Там он вступил в связь с Этрой, женщиной, в чьих жилах текла кровь царского дома Афин. Он предупредил ее, что если она родит сына от их союза, то ей надлежит тайно вырастить ребенка в Трезене. Затем Эгей положил свои сандалии и меч под скалу, посвященную Зевсу: его будущий наследник должен был пройти испытание, достав из-под скалы этот «залог» [thesaurus по-гречески]. Настоящий сын Эгея с легкостью поднял бы скалу и принес бы вещи отца в Афины как доказательство своего права на престол.

Этра родила сына (о чем Эгей не узнал) и назвала его Тесеем в память о знаках принадлежности к царскому роду, которые ее

любовник поместил под священной скалой. Мальчик вырос и стал сильным и разумным юношей — было очевидно, что боги благоволят к нему. Он с легкостью поднял скалу и достал из-под нее знаки царского рода. Затем он отправился в Афины, чтобы заявить о своем праве на престол. Но на дорогах между Трезеном и Афинами в то время было множество разбойников, так что Тесею пришлось совершить свои первые подвиги.

Первым встретившимся ему разбойником был Эпидавр Хромой, убивавший несчастных путников медной палицей и отбиравший их деньги. Когда Эпидавр попытался напасть на Тесея, он впервые столкнулся с достойным противником. Тесей перехватил медную палицу и убил Эпидавра.

Второго разбойника звали Синис Питиокампт (Синис-Сосногибатель). Этот безумец, пользуясь своей огромной силой, сгибал верхушки сосновых деревьев, а затем просил путешественников помочь ему. Как только путешественник брался за дерево, Синис отпускал ствол, и несчастный взлетал в воздух, падал и разбивался насмерть. Тесей убил Синиса таким же образом, как тот убивал своих жертв.

Потом он встретил Скирона, заставлявшего путников мыть ему ноги и, когда те наклонялись, сбрасывавшего их ударом ноги с крутой скалы в море, где их съедали черепахи. Тесей подверг Скирона той же участи.

Афиняне стали считать Тесея родоначальником греческой борьбы, после того как юный герой продемонстрировал свое искусство в борьбе с Керкидоном, злым разбойником, заставлявшим всех путников бороться с ним и в конечном счете всегда разбивавшим голову противника о скалу. Керкидона постигла такая же гибель от рук Тесея. Наконец, уже приближаясь к Афинам, Тесей убил свирепого дикого вепря, унесшего много человеческих жизней.

Слухи о подвигах Тесея опережали его, и афинский народ уже с нетерпением ждал героя.

ТЕСЕЙ В АФИНАХ

Прошло много лет с тех пор, как царь Эгей побывал в Трезене и зачал Тесея. Царь не знал о том, что у него есть сын. Между тем Медея была вынуждена бежать из Коринфа

и явилась к Эгею, который, исполняя свою клятву, предоставил ей кров и защиту. Медея стала третьей женой Эгея и родила от него сына Медуса, которого Эгей ошибочно считал именно тем сыном и наследником, которого обещала ему Медея.

Вести о Тесее проникли в царский дворец. Эгей не представлял себе, что этот герой может оказаться его сыном, и очень боялся, что Тесей попытается отобрать у него власть. Медея же точно знала, кто такой Тесей, и боялась, что этот герой помешает ее сыну взойти на престол. Эгей и Медея понимали, что должны радушно принять Тесея в Афинах, но им хотелось убить его. Поэтому Медея сварила ядовитое зелье и подлила его в чашу с вином.

На пиру Тесей достал свой меч из ножен, чтобы отрезать себе мяса; это был именно тот меч, который Эгей когда-то положил под скалу. Эгей узнал меч и понял, что Тесей — его сын и истинный наследник. Он вылил чашу с ядом на пол и радостно объявил Тесея своим преемником. Более того, поскольку Этра, мать Тесея, принадлежала к афинскому царскому роду, право Тесея на трон никто не мог оспорить. Медею же Эгей изгнал из дворца за ее коварство.

ТЕСЕЙ И МИНОТАВР

На острове Крит правил царь Минос. Однажды Минос отправил своего единственного сына в Афины в качестве посланника для переговоров. Критяне были известны по всему миру своим искусством борьбы с быками, и царь Эгей попросил критского царевича Андрогея помочь ему убить свирепого быка, опустошавшего окрестности Афин. Андрогей отправился биться с быком и погиб.

Минос разгневался и решил отомстить. Он вторгся в Афины и поклялся уничтожить город, если афиняне не согласятся платить ему дань. Единственной данью, которая могла бы возместить ему утрату наследника, было следующее обязательство: афиняне через каждые девять лет должны были посылать на Крит семерых лучших юношей и столько же девушек. Афинские юноши и девушки никогда не возвращались на родину: на Крите их убивало ужасное чудовище Минотавр.

История Минотавра — еще один пример человеческой непо-

корности богам. Некогда морской бог Посейдон подарил Миносу прекрасного белого быка, ожидая, что царь вернет ему подарок в виде жертвы. Но Минос не захотел отдавать чудесного быка. Посейдон очень рассердился и сделал так, что Пасифая, жена Миноса, влюбилась в этого быка. Она родила от него чудовищного Минотавра — человека с головой быка, самое свирепое в мире живое существо. Минос не стал убивать Минотавра. Он приказал Дедалу, величайшему из строителей, создать Лабиринт, в котором поселили это чудовище; Минос отдавал Минотавру на съедение людей. Юных афинян отправляли в Лабиринт, где их и убивало жуткое чудовище.

Тесей пришел в Афины как раз тогда, когда настал очередной срок платить эту ужасную дань. Узнав об этом, он вызвался отправиться на Крит в числе семерых юношей. Эгей был в отчаянии от этого, не желая отправлять своего наследника на верную смерть, но Тесей заверил отца, что убьет Минотавра и положит конец смертям молодых афинян. Итак, Тесей взошел на корабль и отправился на Крит. Он договорился с афинянами, чтобы они смотрели на паруса корабля, когда тот будет возвращаться: если корабль вернется под черным парусом, значит, все пленники Миноса погибли; если же он придет под белым парусом, то юные афиняне спаслись и возвращаются домой.

Когда афиняне прибыли на Крит, их торжественно провели по всем улицам столицы. Увидев Тесея, Ариадна, дочь царя Миноса, сразу же влюбилась в него и обратилась к Дедалу за помощью, чтобы спасти прекрасного афинянина. Затем она дала Тесею клубок нити, следуя за которой, юноша мог бы выбраться из Лабиринта. К счастью для остальных тринадцати пленников, Тесей должен был первым из них отправиться к Минотавру. Юный герой без особого труда убил чудовище голыми руками.

Так четырнадцать молодых афинян спаслись от гибели. Тесей пообещал Ариадне, что возьмет ее с собой в Грецию и женится на ней. Но по пути в Афины она тяжело заболела, и Тесей покинул ее на острове Наксос*. Согласно другой версии мифа, она просто устала от путешествия и принялась жаловаться на свою участь, так что Тесею пришлось высадить ее. Корабль вернулся в Афины, и на борту его плыли все четырнадцать молодых людей.

Однако в спешке, торопясь скорее попасть домой, они забыли

* Этот сюжет лег в основу оперы Рихарда Вагнера «Ариадна на острове Наксос»

сменить черные паруса скорби на белые, которые должны были означать, что пленники остались живы. Царь Эгей много месяцев подряд следил за морем в ожидании корабля. Увидев черный парус, он решил, что его сын и наследник погиб на Крите. В отчаянии он бросился в море со скалы и погиб; это море с тех пор получило название Эгейского. Так, вернувшись в Афины, Тесей оказался царем.

Этого героя провозглашали отцом афинской демократии. Вместо того чтобы править своими подданными, он предоставил им самоуправление. Он был мудрым и добрым царем. В годы его правления со всей Греции в Афины стекались под его покровительство искусные ремесленники и мыслители. Афины были богатым и процветающим городом; критяне больше не требовали у афинян дани. Удостоверившись, что дела в его царстве идут хорошо, Тесей снова пустился на поиски приключений.

Он участвовал в походе против свирепых женщин-воительниц, амазонок*, и плавал вместе с Ясоном в поисках Золотого Руна. Он прославился своей верностью в дружбе. Когда Геракл [Геркулес] обезумел и убил свою жену и детей, только Тесей встал на его защиту (быть может, он первым в мире защитил сумасшедшего). Кроме того, Тесей предоставил убежище престарелому Эдипу.

Впрочем, его помощь Эдипу напоминает печальную иронию собственной судьбы Тесея. Тесей был женат на Федре, сестре Ариадны; от предыдущего брака у него был красавец-сын Ипполит. Федра была безответно влюблена в Ипполита и попыталась соблазнить его. Это произошло из-за того, что красотой Ипполита в свое время увлеклась богиня Афродита, но юноша был страстным поклонником вечно девственной богини охоты Артемиды и не интересовался любовью. Из-за того, что Ипполит предпочел покровительство Артемиды, ревнивая Афродита разгневалась и поклялась уничтожить его. Говорят, что именно поэтому Афродита внушила Федре любовь к пасынку.

Федра пыталась привлечь к себе внимание Ипполита, но юноша противился ей, утверждая, что не станет спать с собственной мачехой. В отчаянии Федра повесилась, оставив записку, в которой говорилось, что причиной ее смерти был Ипполит.

* «Амазонка» по-гречески означает «безгрудая». Греки считали, что амазонки удаляют себе одну грудь, чтобы было удобнее стрелять из лука. Река Амазонка в Южной Америке получила свое название из-за того, что первооткрыватели встречали на ее берегах женщин-воительниц.

Когда Тесей нашел эту записку, его охватило горе и отвращение. Он решил отправить Ипполита в изгнание. Когда юноша стал говорить, что не причинил своей мачехе никакого вреда, Тесей не поверил ему. В гневе Тесей опрометчиво воззвал к морскому Посейдону, попросив его убить Ипполита. И, когда юноша отправился в путь, перед его колесницей из моря вышло ужасное чудовище. Лошади испугались и понесли, а Ипполит выпал из колесницы и разбился.

Умирающего юношу принесли к отцу. Перед Тесеем появилась сама богиня Артемида и сказала, что Ипполит невиновен и не причинял Федре никакого вреда. Артемида объяснила, что все случившееся — дело рук Афродиты и что Федра была околдована; что ревнивая богиня решила уничтожить Ипполита, когда юноша отверг ее посягательства на свое целомудрие. Тесей в отчаянии стал молить богов о милосердии.

И боги до некоторой степени проявили милосердие. Но, как того потребовала справедливость, Тесей впоследствии погиб из-за предательства друга, ибо он поверил ложному обвинению Федры и обрек на смерть собственного сына.

ГАЙАВАТА ТАРОНХАЙАВАГОН

(*Ирокезы*)

Подлинная ирокезская легенда о Гайавате не имеет ничего общего с историями, содержащимися в книге Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Лонгфелло изображает Гайавату как героя алгонкинов, а не ирокезов. Действие «Песни о Гайавате» происходит в районе Верхнего Озера, тогда как настоящая родина Гайаваты, согласно ирокезам, — центр и запад штата Нью-Йорк. Мифы, пересказанные Лонгфелло, в действительности были легендами об алгонкинском божестве Мичабо.

Миф о Гайавате — превосходный образец «гражданского мифа», фиксирующего создание нации. В данном случае это — Союз Пяти Народов ирокезов, система правления в котором изучалась основателями США при составлении Конституции.

Таронхайавагон, поддерживающий небесный свод, пробудился от сна, услышав доносившиеся с земли дикие крики ярости. Люди убивали друг друга, сражались с ужасными велика-

нами и пребывали в глубоком отчаянии. Приняв облик смертного человека, Таронхайавагон спустился на землю, взял за руку маленькую девочку и отвел горстку несчастных беженцев в пещеру и велел им поспать; так к человечеству вернулась надежда.

Когда люди отдохнули, Таронхайавагон снова взял за руку маленькую девочку и отвел людей к восходящему солнцу, где они построили для себя большой дом. Там они жили счастливо. Они процветали и богатели; у них родилось много детей. Таронхайавагон созвал людей и повелел им создать пять великих народов и рассеяться по земле. Сперва он отделил несколько семейств и назвал их «техавроги» — «говорящие на другом языке». С того времени, как Таронхайавагон дал им это имя, они стали говорить на языке, отличавшемся от языка других людей. Этим людям, «говорящим на другом языке» — мохаукам, — Таронхайавагон дал табак, кабачки, пшеницу и бобы, а также собак, чтобы им было легче охотиться. Он научил их, как стать великими земледельцами и охотниками. Потом он ушел, уводя с собой маленькую девочку.

Затем он отделил еще несколько семейств и отвел их в прекрасную долину. Он назвал их «нехавретаго» — «люди высоких деревьев», поскольку их новую родину окружали густые леса. Они тоже стали говорить на своем языке и образовали племя онеида.

Потом, снова взяв за руку маленькую девочку, Таронхайавагон отвел несколько семейств к великой горе Онондага, в честь которой и было названо это новое племя. Они тоже стали говорить на своем языке.

Затем Таронхайавагон отделил еще несколько семейств и, взяв за руку очередную маленькую девочку, отвел людей к озеру Гойога; этот народ получил имя кайюгов.

Оставалось еще несколько семейств. Таронхайавагон взял за руку маленькую девочку и отвел эти семьи к еще одной горе — Канандайгуа. Это место стало родиной для племени, которое он назвал техоненоуентами, — племени сенеков. Имя их означает «хранители двери», ибо они стали стражами пяти народов.

Почему Таронхайавагон, создавая эти народы, всякий раз брал за руку маленькую девочку? В обществе ирокезов господствует матриархат, при котором особо почитаются пожилые женщины. Когда эти девочки выросли, они стали во главе своих

народов. Род и наследственность у ирокезов прослеживаются по материнской линии.

Некоторые люди покинули земли Пяти Народов и отправились далеко на запад, к реке Миссисипи*, откуда они уже никогда не вернулись. Отделенные от них великой рекой, люди Пяти Народов больше никогда их не видели. Но Пять Народов, оставшиеся в своих землях, процветали.

Таронхайавагон преподнес каждому из Пяти Народов особый дар. Людям онондага он дал знание всеобщих законов и способность понимать великого Творца. Онеидам было даровано искусство плетения корзин и изготовления оружия. Мохауки получили охотничье искусство. Таронхайавагон поселился среди людей онондага, приняв имя Гайавата.

В законах Вселенной сказано, что на каждую радость приходится свое горе, на каждую тьму — свет, на каждую смерть — жизнь. Хотя Пять Народов жили в мире, Дикие Люди [племена алгонкинов] приходили и нападали на них с северо-запада, из области Великих Озер. Эти люди не достигли такой цивилизации, как Пять Народов, и представляли собой угрозу для всех народов Таронхайавагона.

Итак, Пять Народов объединились, чтобы защититься от врага. Три дня они ожидали, чтобы Гайавата пришел к ним и возглавил их. На четвертый день он появился в волшебном березовом каноэ вместе со своей дочерью Мнигагой [Миннигага у Лонгфелло], которую ему родила жена из племени онондагов. Гайавата встретился с вождями Пяти Народов, приветствовал их как братьев и говорил с каждым на его языке.

С небес раздался сильный шум, похожий на гул воды и гром. Из облаков появилась Великая Таинственная Птица Небес, унесшая дочь Гайаваты. Гайавата возложил руку ей на голову, благословив ее, прежде чем отдать ее Великой Таинственной Птице. Он так опечалился разлукой с дочерью, что целых три дня просидел в безмолвной скорби и раздумьях, завернувшись в шкуру леопарда. Гайавата никогда не объяснял людям смысл этой тайны, но многие старики утверждают, что девочку отдали Богу в обмен на мир.

Когда время скорби окончилось, Гайавата очистился в водах озера и созвал вождей Пяти Народов. Он сказал, что отныне

---

* «Миссисипи» на языке алгонкинов значит «большая вода».

Пять Народов должны стать единым народом. Отныне и впредь они должны действовать согласно. Гибель одного из народов повлечет за собой гибель всех остальных, а победа одного из них будет означать победу всех. Гайавата повелел людям избрать мудрейшую из женщин, чтобы она управляла ими.

Онондаги должны были стать воинами среди ирокезов. Сенеки должны были говорить от лица всех Пяти Народов. Мудрые кайюги должны были стать хранителями рек, а мохаукам предстояло возделывать землю и охотиться.

Потом Гайавата сел в волшебное березовое каноэ и уплыл в небо.

МИФ О СИЗИФЕ
(*Греция*)

Современный герой?

Французский писатель-экзистенциалист Альбер Камю (1913—1960) рассматривал миф о Сизифе как образец тщетной борьбы человека за смысл существования. Камю, будучи атеистом, всю свою жизнь отчаянно искал этот смысл. Вне веры в Бога и культуры, основанной на мифе, Камю не видел ничего, что придавало бы человеческой жизни значение, — до тех пор, пока он не понял из этого мифа, что сама по себе бесплодная борьба может внести в жизнь определенный смысл, отрицающий неизбежность смерти и даже саму бесплодность этой борьбы.

Сизиф был зажиточным коринфянином, презиравшим богов и даже саму смерть.

Однажды Зевс увидел прекрасную Эгину, дочь речного бога Асопа, и похитил ее прямо на улице Коринфа. Когда ее отец стал расспрашивать коринфян об этом происшествии, никто не хотел говорить с ним, опасаясь гнева Зевса. Но умный Сизиф увидел здесь прекрасную возможность и воспользовался ею.

Одной из главных трудностей Коринфа в то время было отсутствие источника воды внутри городских стен. Коринфяне устали носить воду в город издалека. Сизиф подошел к речному богу и предложил сведения об Эгине в обмен на воду. Если бы

Асоп согласился изменить течение своей реки так, чтобы она заструилась внутри городских стен Коринфа, то Сизиф с радостью бы рассказал все, что ему известно о похищении Эгины. Асоп согласился, Сизиф рассказал все, что знал, и из земли забил источник свежей прохладной воды.

Теперь Асоп смог явиться к Зевсу и потребовать, чтобы царь богов вернул ему любимую дочь. Зевс был в ярости: он прекрасно знал, кто из коринфян проболтался о похищении. Он обратился к своему брату Аиду, владыке мертвых, и тот послал за Сизифом Смерть-Танатоса.

Когда Танатос явился в мир живых, он очень обрадовался и развеселился. Ведь под землей он видел вокруг только ужасные и мрачные вещи. Итак, он легкомысленно принял радушное приглашение Сизифа, позвавшего его разделить с ним трапезу. Они сидели за одним столом, шутили и смеялись. Потом Сизиф предложил Танатосу взглянуть на пару наручников его собственного изготовления. Танатос пребывал в игривом настроении и в шутку надел их на себя. Но через некоторое время Танатос понял, что шутки кончились и что он стал пленником Сизифа.

Из-за этого изменился весь порядок вещей в мире. Аид перестал получать новых подданных. Ничто больше не умирало — ни растения, ни животные, ни люди. Узнав, что Танатос попал в плен, боги забеспокоились: ведь без Смерти мир мог быть перенаселен. Смерть являлась одним из немногих рычагов, с помощью которых боги могли управлять людьми. Больше всех разгневался Арес, бог войны. Он горько жаловался на то, что без Смерти война лишается всякого смысла: солдаты, павшие на поле битвы, тут же встают, чтобы сражаться дальше.

Люди же радовались от души. Они быстро заметили, что больше никто не умирает. Решив, что все они будут жить вечно, они предались веселью. Но в этом была и одна весьма печальная сторона: те, кто тяжело болел, так и продолжали болеть, и Смерть не могла избавить их от мучений. Глядя на это, Зевс еще больше разгневался и послал Ареса освободить Смерть и схватить Сизифа. Арес так и сделал. Он отвел душу Сизифа в Аид.

Но у Сизифа была в запасе еще одна хитрость. Когда боги исторгали из него душу, он велел своей жене не хоронить его тело. Прибыв в царство мертвых, Сизиф стал жаловаться, что не может оставаться там, поскольку его тело не погребли должным образом и не совершили необходимых обрядов. Услышав это, Аид даровал Сизифу три дня, чтобы уладить все дела. Но когда

три дня прошли, стало ясно, что Сизиф не намерен возвращаться в царство мертвых. Он снова обманул богов.

На сей раз Зевс решил сам проследить, чтобы все сделали правильно. Он послал Гермеса, вестника богов, который обычно провожал души мертвых в подземный мир. Гермес исторг душу Сизифа, похоронил его тело, совершил необходимые ритуалы и отвел душу в Аид.

За то, что Сизиф посмел захватить в плен Танатоса и издевался над богами, его приговорили к наказанию в подземном мире. Он должен вечно вкатывать огромный камень вверх на крутой холм; но едва он достигает вершины, как камень срывается обратно, и Сизиф вынужден снова браться за свой бесплодный труд.

Следующий отрывок взят из книги Альбера Камю «Миф о Сизифе». Она была написана в 1943 году, в тяжелые времена, когда Франция переживала нацистскую оккупацию и весь мир виделся в мрачных и беспросветных тонах.

«Боги приговорили Сизифа неустанно катить камень на вершину горы, откуда этот камень срывается вниз под собственной тяжестью. Они не без основания сочли, что нет более ужасного наказания, чем бесплодный и безнадежный труд...

...Если верить [греческому поэту] Гомеру, Сизиф был мудрейшим и благоразумнейшим из смертных. Но другая традиция низводит его до простого разбойника с большой дороги. Я не вижу в этом никакого противоречия. Высказывают различные мнения и по поводу причин, по которым он стал вечным тружеником подземного мира. Для начала его обвиняли в легкомысленном отношении к богам. Он воровал их тайны. Эгина, дочь Эзопа [Асопа] была похищена Юпитером [Зевсом]. Отец был потрясен исчезновением дочери и пожаловался Сизифу, Тот, зная о похищении, предложил все рассказать при условии, что Эзоп даст воду для коринфской цитадели. Небесным перунам* он предпочел благословенную воду. За это он и был наказан в подземном мире. Гомер рассказывает также, что Сизиф заковал Смерть в оковы. Плутон [Аид] был не в силах выносить зрелища своей опустошенной и безмолвной империи. Он послал бога войны, который освободил Смерть из рук ее победителя.

Утверждают, что, находясь на краю смерти, Сизиф решил испытать силу любви своей супруги. Он приказал ей оставить его

* Стоит напомнить, что Зевс был повелителем молний.

непогребенное тело посреди городской площади. Сизиф очнулся в подземном мире. И вот, рассердившись на покорность своей жены, так мало совмещавшуюся с человеческой любовью, он вытребовал у Плутона позволение вернуться на землю, чтобы наказать свою жену. Но когда он снова увидел лик этого мира, воду и солнце, теплые камни и море, он не захотел возвращаться обратно в адскую тьму. Не помогли ни призывы, ни грозные знамения, ни предостережения. Еще много лет он прожил, любуясь изгибами залива, блеском моря и улыбками земли. Потребовалось особое распоряжение богов. Меркурий [Гермес] явился к нему, схватил непокорного смертного за шиворот и, грубо оторвав его от земных радостей, насильственно вернул его в подземный мир, где для него уже подготовили роковой камень.

Вы уже поняли, что Сизиф — это абсурдный герой. Так оно и есть, и это видно как в его страстях, так и в его мучениях. Его презрение к богам, его ненависть к смерти и страстная любовь к жизни были вознаграждены этим неописуемым наказанием, в котором все существо человека вкладывается в то, что не приносит никакого результата. Такова цена, которую должно платить за земные страсти. Ничего не говорится о Сизифе в подземном мире. Мифы создаются для того, чтобы воображение вдохнуло в них жизнь. Что до этого мифа, то перед нами предстает лишь видение тела, напрягающего все свои силы в попытке поднять гигантский камень, катить его вверх и толкать вверх по склону сотни раз подряд; видение искаженного лица, щеки, прижимающейся к камню, плеча, упирающегося в измазанную глиной глыбу, ступни, удерживающей ее; видение новой попытки — с вытянутыми руками, с двумя ладонями, испачканными землей. И в самом конце этого длительного напряжения сил, измеряющегося пространством без неба и временем без глубины, цель достигнута. И Сизиф видит, как его камень стремительно падает, в несколько секунд достигая того нижнего мира, откуда ему предстоит снова катить его вверх до вершины. И он возвращается обратно к подножию.

Вот именно во время этого возвращения, этого перерыва, Сизиф и вызывает у меня интерес. Лицо, так тесно прижимавшееся к камням, уже само стало каменным! Я вижу, как этот человек спускается вниз тяжелой, но размеренной поступью, навстречу пытке, которой никогда не будет конца. Этот час, передышка, наступающая с такой же обязательностью, как и страдание, — это час сознания. Каждый раз, когда он спускается

с высот и постепенно приближается к логову богов, он — победитель своей судьбы. Он сильнее, чем его камень.

Если этот миф трагичен, то лишь потому, что его герой сознателен. И правда, в чем бы заключалась его пытка, если бы при каждом шаге его поддерживала надежда на успех? Современный рабочий каждый день своей жизни трудится над такой же задачей, и судьба его не менее абсурдна. Но трагичной она делается лишь в те редкие мгновения, когда она становится сознательной. Сизиф, этот пролетарий среди богов, бессильный и мятежный, в полной мере сознает свое ужасное положение; вот о чем он размышляет, спускаясь вниз по склону. Ясность сознания — вот что слагает его пытку и в то же время венчает его победу. Нет такой судьбы, которую нельзя было превзойти презрением.

Итак, если спуск с вершины может иногда осуществляться в скорби, то с таким же успехом он может происходить и в радости. Это не слишком сильно сказано. Я снова представляю себе Сизифа, возвращающегося к своему камню, и знаю, что скорбь была в начале пути. Когда образы земли слишком явно всплывают в памяти, когда жажда счастья становится слишком настойчивой, то в сердце человека возникает тоска; это и есть победа камня, это и есть сам камень. Безграничную скорбь слишком тяжело нести. Это и есть наши гефсиманские ночи*. Но самые мучительные истины разбиваются в прах, когда их признаешь. Так Эдип в начале своей жизни повинуется судьбе, не сознавая ее. С того момента, как он узнает правду, начинается трагедия. Но в тот же момент, ослепленный и отчаявшийся, он обнаруживает, что единственная оставшаяся у него связь с миром — прохладная ладонь девушки [Антигоны, дочери и сестры Эдипа]. И звучит величественная реплика: «Несмотря на множество страданий, мой преклонный возраст и благородство моей души заставляют меня прийти к выводу, что все хорошо».

... Вот способ достичь абсурдной победы. Античная мудрость утверждает современный героизм.

Мы не откроем абсурдность, если не испытаем соблазна написать руководство к счастью. «Что?! Такими трудными путями...» Но мир един. Счастье и абсурдность — дети одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой сказать лишь,

---

* Гефсиманский сад — сад, в котором Иисус Христос провел ночь в молитве перед судом и распятием.

что счастье рождается только из открытия абсурдности. С таким же успехом чувство абсурдности вырастает из счастья. «Я прихожу к выводу, что все хорошо», — говорит Эдип, и эти слова священны. Они рождают отзвук в беспорядочном и ограниченном мире человека. Они учат нас тому, что все — неисчерпаемо, не может быть исчерпано. Они вытесняют из этого мира бога, который явился в него с неудовольствием и предпочтением тщетных страданий. Они превращают судьбу в личное дело человека, которое должны улаживать именно люди.

Здесь заключена вся безмолвная радость Сизифа. Его судьба принадлежит ему самому. Его камень принадлежит ему. Точно так же человек абсурда, осознавая свою пытку, заставляет умолкнуть всех идолов. И во Вселенной, внезапно вернувшейся к своему изначальному безмолвию, начинают звучать мириады удивленных голосов Земли. Бессознательные, тайные зовы, призывы, раздающиеся со всех стороны, — вот неизбежная оборотная сторона и цена победы. Нет солнца без тени, и нельзя не познать ночь. Человек абсурда говорит «да», и посему его усилиям не будет предела. Если есть личная судьба, то более высокого предназначения не существует — по крайней мере, кроме одного-единственного, которое он назовет неотвратимым и презренным. Отныне и впредь он будет знать, что он сам — хозяин дней своей жизни. В это хрупкое мгновение, когда человек оглядывается на прожитую жизнь, когда Сизиф возвращается к своему камню, на этой тончайшей грани он осознает, что ряд несвязанных между собой поступков, который стал его судьбой, был создан им самим, совмещен под взором его памяти и вскоре будет скреплен его смертью. Так, убедившись в человеческом — и только! — происхождении того, что принадлежит человеку, слепец жаждет узреть того, кто знает, что ночь не кончается и все продолжает свой путь. Камень все еще катится.

Я покидаю Сизифа у подножия горы! Человек всегда возвращается к своей ноше. Но Сизиф учит верности более высокой, той, что отвергает богов и поднимает скалы. Он тоже приходит к выводу, что все хорошо. Поэтому вселенная, лишенная хозяина, не кажется ему ни бесплодной, ни тщетной. Каждый атом его камня, каждая прожилка на пропитанной ночью горе — сами по себе целая вселенная. Самого по себе стремления ввысь достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Мы должны представлять себе Сизифа счастливым.

Путешествие в подземный мир и тропа мертвых

Единственный религиозный способ думать о смерти — это считать ее частью, частичкой жизни; относиться к ней с пониманием и чувством, как к нерушимому условию жизни.

Томас Манн. «Волшебная гора»

Итак, что такое история? Это целые века систематических исследований загадки смерти с целью преодолеть смерть. Вот почему люди открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, вот почему они пишут симфонии.

Борис Пастернак (1890—1960).
«Доктор Живаго»

ИШТАР В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ
(*Вавилон*)

В самой распространенной версии этого мифа Иштар, богиня любви, красоты и плодородия, спускается в Подземный мир в поисках своего возлюбленного, Таммуза. Это также земледельческий миф: пока Иштар находится в Подземном мире, урожай не всходит; таково мифологическое изображение зимних месяцев.

Иштар, богиня любви, не знала покоя и не могла найти себе места. Она никогда не бывала в стране мертвых, где царила ее жестокая сестра Эрешкигаль. Иштар спросила позво-

ления у других богов отправиться туда, и они разрешили ей это, хотя и с большой неохотой. Итак, Иштар отправилась в Подземный мир.

Она подошла к первым воротам Подземного мира и промолвила:

О хранитель врат, открой свои врата.
Открой свои врата, чтобы я могла войти.
Если ты не откроешь врата и я не смогу войти,
Я разобью твои врата,
Я подниму мертвецов, чтобы они пожрали живых,
И мертвецов станет больше, чем живых!

Хранитель врат отправился к своей повелительнице Эрешкигаль, чтобы сообщить ей о том, что Иштар пришла к ней. Эрешкигаль была недовольна визитом своей сестры-красавицы. Она побледнела и произнесла:

Что заставило ее сердце обратиться ко мне?
Что привело сюда ее дух?
Должна ли я есть глину вместо хлеба?
Буду ли я пить грязную воду вместо пива?
Должна ли я скорбеть о мужчинах, покинувших
своих жен?
Должна ли я скорбеть о девах, покидающих ложе
своих возлюбленных?
Должна ли я скорбеть о младенцах, умирающих
до срока?

Затем Эрешкигаль сказала хранителю ворот, что Иштар можно пропустить лишь тогда, когда она исполнит законы Подземного мира. Мертвые должны расставаться со всеми знаками своего земного положения, оставлять все свое богатство, в том числе одежду и украшения; ибо все мертвые равны. В Подземном мире нет света; души мертвых питаются там пылью и глиной.

У первых ворот, в согласии с законом, Иштар была вынуждена снять свою корону. У вторых ворот она сняла серьги; у третьих — ожерелье; у четвертых — расшитый нагрудник; у пятых — пояс; у шестых — ручные и ножные браслеты; а у седьмых ворот она сняла платье, оставшись обнаженной.

Когда Иштар миновала последние ворота, ей навстречу выбежала Эрешкигаль и закричала: «Что тебе здесь нужно? Ты захотела узнать, каково приходится мертвым?» И Эрешкигаль приказала своим слугам наслать на Иштар шестьдесят несчастий, поразив каждую часть прекрасного тела богини одной из болей, которыми казнятся мертвые за свои грехи.

Между тем другие боги смотрели на все это со своих небесных тронов и очень обеспокоились. Пока Иштар находилась в стране мертвых, на земле прекратилось всякое воспроизводство. Мужчины больше не занимались любовью с женщинами, быки — с коровами, жеребцы — с кобылами. Растения перестали плодоносить, и людям было нечего есть; приближался страшный голод. Папсуккаль, бог земледелия, побежал к Сину, лунному богу, и сказал, что все живое погибнет, если Иштар будет и дальше оставаться в Подземном мире.

И тогда брат Иштар, Эа, бог воды, сотворил евнуха Асушунамира, сделав его прекраснейшим «мужчиной» на свете. Эа хотел послать Асушунамира в Подземный мир, чтобы очаровать Эрешкигаль и заставить ее отпустить красавицу Иштар. Когда Асушунамир подошел к первым вратам Подземного мира, хранитель ворот доложил своей царице, что к ней приближается прекраснейший на свете мужчина. Эрешкигаль так взволновалась, что забыла об Иштар.

Когда Иштар прошла через седьмые врата — первые на пути из Подземного мира, — ей вернули ее платье; в то же мгновение Асушунамир миновал первые врата, ведущие в царство Эрешкигаль. Пройдя через шестые врата, Иштар получила обратно свои ручные и ножные браслеты; евнух же миновал вторые врата. У пятых ворот Иштар вернули ее волшебный пояс; Асушунамир прошел через третьи врата. Когда Иштар проходила через четвертые врата, она вернула себе расшитый нагрудник; Асушунамир же вошел в четвертые врата. У третьих врат Иштар получила обратно свое ожерелье; Асушунамир прошел в пятые врата. Проходя через вторые врата, Иштар вновь обрела свои серьги; Асушунамир же вступил в шестые врата.

Выходя из первых ворот — последних на пути из Подземного мира, — Иштар получила обратно свою корону и оказалась на свободе. Когда Асушунамир входил в седьмые врата, на нем оставалась лишь набедренная повязка; миновав последние врата на пути в Подземный мир, он снял ее, и Эрешкигаль поняла, что

напрасно рассчитывала на него как на любовника: ведь он был евнухом! Царица Подземного мира была в ярости: ее божественные брат и сестра обманули ее!

Когда Иштар вернулась в верхний мир, жизнь снова начала процветать.

МАРУЭ В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ
(*Кения*)

Некогда жила девушка по имени Маруэ. Она со своим братом должна была следить за тем, чтобы обезьяны не опустошали бобовые поля. Однажды они охраняли поля и внезапно оба очень сильно захотели пить. Они отправились к озеру за водой. Вернувшись на поле, они увидели, что обезьяны съели все бобы. Маруэ так испугалась гнева родителей, что утопилась; ее брат поспешил домой с ужасными новостями. Родители были так потрясены и убиты горем, что забыли о бобовых полях.

Маруэ опустилась на дно озера и попала в страну мертвых. Сперва она пришла к дому, где жила какая-то старуха со своими детьми. Старуха сказала, что она будет руководительницей Маруэ в стране мертвых. Много лет Маруэ прожила со старухой, помогая ей по дому. Время шло, и Маруэ стала тосковать по дому и вспоминать своих родителей и брата. Старуха могла читать в сердце девушки и знала, что Маруэ хочет вернуться к живым. И однажды старуха спросила Маруэ, что она больше любит: горячее или холодное. Маруэ не поняла, и старуха повторила свой вопрос. Наконец, Маруэ ответила, что больше любит холодное, так и не догадавшись, что это значит.

Тогда старуха велела Маруэ окунуть руки в глиняный кувшин с холодной водой, и когда девушка вынула руки из кувшина, они были покрыты драгоценными камнями. Затем она опустила в кувшин ноги, и когда она вынула их, ноги ее тоже покрылись драгоценными камнями. Улыбнувшись, старуха нарядила Маруэ в лучшие одежды и отправила ее домой. Эта старуха обладала также даром пророчества и сказала Маруэ, что она скоро выйдет замуж за самого лучшего на свете мужчину, которого зовут Савойе.

Когда Маруэ пришла в свой дом в прекрасных одеждах и драгоценностях, ее родные очень обрадовались. Они давным-

давно считали ее мертвой. Они восхищенно смотрели на ее чудесные одеяния и радовались богатству. Слухи о богатой красавице быстро разнеслись по всей округе, и к Маруэ начали стекаться сотни женихов. Маруэ отворачивалась от всех женихов, даже от самых красивых. Она остановила свой взор лишь на Савойе, который страдал от ужасной кожной болезни, безобразившей его тело. Но, побывав в стране мертвых, Маруэ научилась читать в сердцах людей и знала, что Савойе лучше всех.

Савойе и Маруэ поженились, устроив большой пир. После первой брачной ночи болезнь Савойе прошла, и оказалось, что он красивее всех на свете. У Маруэ было много драгоценностей, они продали их и купили много скота. Вскоре Маруэ и Савойе стали самыми богатыми людьми в своей стране.

Можно было бы надеяться, что они заживут счастливо; но отвергнутые женихи Маруэ завидовали Савойе. Все друзья и соседи отвернулись от новобрачных, мучаясь от зависти. Вражда росла день ото дня, и однажды соседи собрались, напали на Савойе и убили его.

Но Маруэ уже один раз умирала, поэтому ей были известны тайны Подземного мира, в том числе и то, как оживлять мертвых. Она внесла тело своего мужа в дом и спела над ним волшебные заклинания, которым научилась у старухи в стране мертвых. Савойе ожил и даже стал сильнее, чем прежде. Когда их враги вернулись, чтобы забрать их богатство, Савойе убил их всех. Маруэ и Савойе прожили жизнь богато и счастливо и, когда им пришло время умирать, встретили смерть без страха.

САВИТРИ

(*Индия*)

В древности в Индии жила красивая, благочестивая и необыкновенно мудрая принцесса по имени Савитри. Когда она выросла, ее отец, царь Ашвапати, очень беспокоился, что она никогда не выйдет замуж и не родит наследника. Дело в том, что Савитри куда больше интересовалась философскими вопросами, чем сватавшимися к ней молодыми принцами. Ее занимали не богатство, драгоценности и власть, а только духовные вещи. В те времена по обычаю царь сам выбирал мужа для своей дочери, но Савитри была такой мудрой, что отец решил позволить ей самой выбрать себе мужа.

К удивлению царя, Савитри захотела взять себе мужа из числа святых людей, а не из богатых принцев. Сперва Ашвапати был потрясен. Но Савитри объяснила ему, что хочет выбрать себе в мужья святого человека царской крови. Ашвапати так обрадовался, что его дочь в конце концов решила выйти замуж, что с готовностью согласился на это.

Савитри оделась в одеяние святого отшельника-садху и отправилась в путешествие по стране. Куда бы она ни приходила, люди повсюду удивлялись красоте ее лица и души, ее набожности, чистоте и великой мудрости. Она не возвращалась домой так долго, что отец начал беспокоиться о ней. Но слухи о добрых деяниях Савитри доходили к Ашвапати со всех концов его царства. Даже святые отшельники удивлялись мудрости столь юной девушки.

Когда Савитри наконец вернулась во дворец отца, она подала милостыню нищим, собравшимся у ворот. Все во дворце были взволнованны возвращением принцессы; Ашвапати и его советник, мудрец Нарада, вышли к воротам приветствовать Савитри. Это было сделано вопреки обычаю: царь никогда не выходил к воротам навстречу гостю.

Савитри объявила, что выбрала себе мужа. Она сказала, что слышала о некоем царе, который совершенно ослеп и потерял свое царство, изгнанный жестоким узурпатором, который воспользовался слепотой царя. У этого царя был сын по имени Сатьявант («искатель истины»), который отправился жить среди садху до тех пор, пока его отец вновь не обретет свое царство. Савитри объяснила, что только Сатьявант, живший как святой отшельник, сможет править страной мудро и понимать нужды бедняков. Испытав лишения, Сатьявант научился проникать взором сквозь покров иллюзии и справедливо судить людей. Но как только Савитри заговорила о Сатьяванте, Нарада опечалился. Он повернулся к принцессе и сказал: «Дитя мое, все, что ты сказала, верно, но ты не можешь выйти за него замуж. Сатьяванту суждено умереть через год после свадьбы».

Царь Ашвапати, до сих пор радовавшийся, что Савитри решила выйти замуж, очень расстроился, услышав это. Сатьявант действительно показался ему превосходным зятем, но он не в силах был вынести мысли, что его возлюбленная дочь так рано овдовеет. Более того, Сатьявант мог умереть до того, как Савитри родит наследника. С глубоким вздохом Ашвапати сказал Савитри, что она не должна выходить замуж за своего избранника.

Но Савитри была мудра и убедила отца благословить ее. Она сказала, что лучше выйти замуж по любви, даже если через год придется потерять возлюбленного. Суждено Сатьяванту умереть или нет, она будет любить только его и никого больше. Савитри сказала, что готова принять все, что судили боги. И Ашвапати благословил ее.

Царь начал готовиться к царской свадьбе и большому пиршеству, но Савитри настояла на том, что свадьба должна проходить по обычаям святых отшельников, а не богатых властителей. Роскошь, сказала она, — это всего лишь иллюзия. И снова Ашвапати не мог не согласиться с ней.

Савитри отправилась в лес, где жили садху, и вышла замуж за Сатьяванта. Она разделила с мужем его скромное жилище на окраине большого леса — самого густого и темного леса на свете. Она никогда не говорила Сатьяванту об ожидавшей его смерти. Когда она подавала милостыню нищим, люди говорили ей: «Пусть никогда не постигнет тебя вдовья судьба», — и слезы струились по лицу Савитри. Когда подходил к концу первый год ее супружеской жизни, Савитри стала молиться богам, чтобы они дали ей силы защитить мужа.

Накануне первой годовщины свадьбы Сатьявант попросил Савитри сопровождать его в лес, где он собирался нарубить дров. Пока они шли по тропе среди густых зарослей, звери, знавшие о скорой смерти Сатьяванта, разбегались. Птицы пели свои лучшие песни, думая, что это, быть может, последнее, что слышит в своей жизни Сатьявант. Сатьявант и Савитри углублялись все дальше и дальше в лес; деревья росли уже так густо, что не видно было солнечного света. Но они продолжали идти дальше: Сатьявант с топором на плече и Савитри рядом с ним.

Наконец, Сатьявант начал рубить большое дерево. Но вдруг он уронил топор и побледнел. Он почувствовал страшную боль и сказал Савитри, что его голову пронзила тысяча игл [кровоизлияние в мозг?]. Тьма застлала его очи, и он упал на землю, едва дыша.

В это мгновение Савитри услышала звуки шагов приближающегося незнакомца. У него была темно-синяя кожа и красные глаза, и Савитри поняла, что это — бог Яма, повелитель мертвых. Но, несмотря на это, Савитри попросила «незнакомца» назвать себя. «Ты знаешь, кто я такой, — сказал Яма. — И ты знаешь, зачем я пришел сюда». Яма взял веревку и исторг душу Сатьяван-

та из тела. Когда Яма повернулся, чтобы унести душу в свое царство, Савитри упала ему в ноги.

Яма сказал ей, что это бесполезно: время жизни Сатьяванта, предписанное богами, подошло к концу. Но Савитри продолжала умолять его, и Яма вежливо попросил ее освободить ему дорогу. Тогда Савитри поднялась и последовала за Ямой в страну мертвых.

Яма велел ей возвращаться: в стране мертвых не было места для живых. Долг Савитри повелевал ей как хорошей жене проследить за исполнением погребальных ритуалов, а не отвлекать Яму от его миссии. Яма, которого многие считают бессердечным и жестоким, в действительности был способен на сострадание. Он часто уносит души больных людей, чтобы избавить их от мучений. И владыка мертвых был тронут настойчивостью Савитри.

Яма сказал ей: «Твоя любовь к мужу велика, так же как и твоя отвага; я исполню одно твое желание». Савитри ответила: «Верни царство отцу Сатьяванта». Яма сказал ей: «Твое желание исполнено. А теперь возвращайся к живым, Савитри».

Но Савитри продолжала следовать за ним. Она уже приблизилась к воротам царства Ямы; небо над ее головой было черным, и до ее слуха уже доносился лай четырехголового пса, сторожившего вход в страну мертвых*. Ни один смертный не подходил прежде так близко к владениям Ямы.

«Прошу тебя, возвращайся!» — промолвил Яма. — «Ни один смертный не может войти в мое царство, пока он жив». Савитри ответила, что не покинет своего мужа. Яма стал умолять ее, чтобы она вернулась, но Савитри не слушалась его. Яма сказал ей, что ни один смертный прежде не ступал на землю мертвых; но Савитри возразила, что она — не смертный, а смертная, женщина. Яма был потрясен ее мудростью и отвагой и сказал, что исполнит еще одно ее желание. «Воскреси моего мужа», — попросила Савитри. И Яма исполнил ее желание, ответив: «Это уже исполнено. Возвращайся назад, и ты найдешь Сатьяванта не мертвым, а спящим».

Прежде чем Савитри ушла, Яма сказал ей: «Запомни еще одно: мое благословение вечно пребудет с тобой. Ты познала мудрость богов. Ни одна женщина не смогла бы последовать за

---

* В индийской мифологии врата в подземный мир охраняет четырехголовый пес. Вскоре мы увидим, что ту же функцию в греческой мифологии исполняет трехголовый пес Цербер.

мной до самых ворот моего царства, если бы боги не были на ее стороне. Твои желания будут исполнены, ибо ты знаешь, что любовь сильнее смерти; любовь — это сила, которой не может противостоять Яма. Возвращайся туда, где ты оставила Сатьяванта, и живи счастливо».

Савитри вернулась на поляну, где Сатьявант лежал, погрузившись в сон, как и пообещал Яма. Савитри поцеловала его, и он открыл глаза. Он сказал Савитри, что видел странный сон: будто бы Яма унес с собой его душу, но любовь Савитри освободила ее. Савитри засмеялась и попросила его забыть этот глупый сон. Лишь много лет спустя она призналась ему, что этот сон был правдив и что все это происходило в действительности.

Когда Савитри и Сатьявант вышли из леса, к Сатьяванту пришли посланцы с чудесной вестью: его отец вернул себе царство. Более того, как только царь-старик снова сел на свой законный престол, к нему вернулось зрение! Молодые супруги поспешили во дворец, и отец Сатьяванта был счастлив впервые увидеть своего сына взрослым и впервые поглядеть на свою прекрасную невестку. Что-то в сердце старого царя подсказывало ему, что своим счастьем он обязан Савитри.

Сатьявант и Савитри прожили еще много лет в лесу, ведя простую жизнь отшельников, растя детей в бедности, смирении, честности и мудрости. Позже, когда отец Сатьяванта умер в весьма преклонном возрасте, Сатьявант и Савитри правили землями отца Сатьяванта и отца Савитри, Ашвапати.

Когда супругам пришло время умирать, Яма приветствовал их как старых друзей и сказал им, что их души попали в его царство лишь ненадолго, в гости, а затем они отправятся на высочайшее из небес. Покинув землю, Савитри и Сатьявант оставили после себя более сотни потомков.

ПАРЕ И ХУТУ

(*Новая Зеландия*)

Паре была прекрасной девушкой. Она заигрывала с юношей по имени Хуту, но затем отвергла его. Глубоко уязвленный ее отказом, Хуту в гневе убежал прочь. Смущенная и пристыженная, Паре в отчаянии повесилась и спустилась в По, страну ночи, где жили мертвые и где правила Хина, первая

женщина. Хуту тосковал о Паре и с помощью Хины последовал за Паре в Подземный мир. Почему Хина помогла ему? Можно вспомнить, что она тоже познала муки любви.

Хуту изо всех сил старался привлечь к себе внимание и любовь Паре. Но Паре затерялась среди множества духов мертвых, и Хуту не мог разыскать ее. Наконец, Хуту привлек к себе ее внимание, согнув молодое деревце и подпрыгнув высоко вверх. Так Паре увидела Хуту и стала играть вместе с ним. Они раскачивались на дереве, взлетая все выше и выше, и наконец смогли ухватиться за корни растений, спускавшиеся из верхнего мира Ао. Так они смогли выбраться наверх из страны мертвых.

Никто не может жить в мире Ао без души — за исключением времени сумерек, когда Ао встречается с По. Поэтому Хуту заставил душу Паре снова войти в ее тело через подошвы. Когда ее тело ожило, Паре и Хуту поженились и стали родоначальниками большого племени. Откуда у Хуту взялась волшебная сила, чтобы заставить душу Паре войти в ее тело? Любовь сильнее смерти.

САЙАДИО В СТРАНЕ МЕРТВЫХ
(*Ирокезы*)

Сайадио был воином. Его младшая сестра умерла. Он так горевал о ней, что решил разыскать ее в стране духов и вернуть обратно к живым. На поиски ушло много лет, и, когда Сайадио уже отчаялся и готов был отказаться от своей затеи, он наконец встретился с мудрым стариком, которому были известны тайны мира духов. Старик дал ему волшебную бутыль из тыквы, в которую Сайадио мог поймать дух своей сестры. Из дальнейшей беседы Сайадио узнал, что этот старик был проводником на пути в страну духов, где сейчас находилась его сестра.

Когда Сайадио пришел в землю духов, духи в страхе бежали от него. Он узнал Таронхайавагона, который жил на земле как Гайавата, великий учитель Пяти Народов. Теперь Таронхайавагон стал духом — повелителем обрядов; он не утратил способности к состраданию, которой славился на земле. Таронхайавагон сказал Сайадио, что духи мертвых сейчас собираются на большой праздник танцев, где будет и его сестра. Когда духи выстроились в ряд для танцев, Сайадио узнал дух своей сестры. Но когда

приблизился к ней, чтобы заключить ее в объятия, сестра исчезла.

Он снова обратился к Таронхайавагону за советом. Учитель дал ему волшебную трещотку. Его сестра была так очарована музыкой танцев и волшебными звуками трещотки, что Сайадио с легкостью смог поймать ее дух и поместить его в волшебную тыкву.

Потом Сайадио вернулся в свою деревню, неся в тыквенной бутыли дух сестры. Но когда он приступил к обряду, чтобы воссоединить дух и тело сестры, какая-то глупая любопытная девочка открыла тыквенную бутыль, и дух сестры исчез.

ДУХ НЕВЕСТЫ

(*Алгонкины*)

Некогда жил молодой воин, невеста которого умерла накануне свадьбы. Несмотря на то что юноша отличался храбростью и благочестием, смерть невесты сделала его безутешным; отныне он не мог ни есть, ни спать. Вместо того чтобы охотиться с другими воинами, он проводил дни и ночи на могиле невесты, неподвижно глядя вдаль.

Однажды он услышал, как старики беседуют между собой о пути в мир духов. Он стал внимательно прислушиваться и запомнил путь до мельчайших деталей. Он узнал, что мир духов находится далеко на юге. Юноша тут же пустился в путь. Он шел две недели, но не видел никаких перемен вокруг себя, которые указывали бы на приближение к миру духов.

Потом он вышел из леса, и перед ним раскинулась прекраснейшая на свете равнина. В отдалении он увидел маленькую хижину, где жил очень старый мудрец. Юноша попросил мудреца указать ему путь.

Старик знал, кто перед ним и что ищет молодой воин. Он сказал юноше, что его невеста прошла здесь всего день назад. Чтобы последовать за ним, юноша должен оставить свое дело и продолжать путь в виде духа. Мир духов находился на острове посреди большого озера; на остров можно было доплыть лишь в одном из каноэ, стоявших на берегу озера. Мудрец предостерег юношу, чтобы тот ни о чем не говорил со своей невестой, пока они не достигнут острова духов.

Затем мудрый старик пропел чудесные заклинания, и юноша почувствовал, что дух его вышел из тела. В виде духа он отправился к озеру и нашел на берегу березовое каноэ. На расстоянии броска камня он увидел свою невесту, садившуюся в другое каноэ. Плывя через озеро, юноша заметил, что его невеста в точности повторяет каждое его движение. Почему им нельзя было плыть вместе? Дело в том, что в мир духов можно войти только в одиночестве, и каждого, кто вступает туда, судят по его личным заслугам.

На середине пути поднялась ужасная буря. Некоторые каноэ с духами унесло бурей: это были те духи, которые грешили при жизни. Поскольку и воин, и его невеста были праведны, буря не причинила им вреда, и вскоре вода стала гладкой, как стекло, под безоблачным небом.

Остров блаженных был прекрасным местом, где вечно стояла поздняя весна, под безоблачным небом цвели цветы и никогда не было ни слишком жарко, ни слишком холодно. Юноша встретил свою невесту на берегу и взял ее за руку. Они прошли десять шагов, и тут с ними заговорил чей-то ласковый голос; это был Хозяин Жизни.

Хозяин Жизни сказал им, что молодой воин должен вернуться в мир живых тем же путем, что пришел сюда; его время еще не настало. Ему надо было в точности повторить все свои шаги в обратном направлении, снова войти в свое тело и вернуться домой. Юноша так и сделал. Вернувшись в свою деревню, он стал великим вождем и жил счастливо, в полной уверенности, что снова встретится со своей возлюбленной.

ОСИРИС И ИСИДА

(*Египет*)

Осирис был богом, который некогда правил Египтом в те времена, когда смерть еще не являлась в мир. Люди ничего не знали о грехах; не было ни насилия, ни жадности, ни зависти, ни ненависти, ни прочих раздоров между людьми. Люди говорили между собой на сладком языке поэзии; они всегда были честны и кротки. Осирис любил людей и учил их искусствам земледелия и ирригации, мудрости и законам богов.

Геб (Земля) и Нут (Небо) были родителями Осириса и его

жены Исиды. Поскольку они были богами, то в том, что они были одновременно мужем и женой и сестрой и братом, не было никакого греха. Они вдвоем правили страной, и она процветала; они вызывали разливы Нила, оставляющие на полях плодородный ил, на котором взрастал урожай. Их преданным помощником был бог мудрости Тот, который изобрел письменность и числа, обучив этим искусствам первых людей.

Но у богов был и злобный брат, Сет, царивший в безжизненной пустыне. Осирис был повелителем жизни и творчества, Сет — разрушения. Сет был столь жесток по натуре, что еще при рождении он прорвал дыру в боку своей матери. Когда люди научились орошать земли, Сет рассердился на то, что Осирис таким образом уменьшил его пустынные владения. День ото дня он все больше и больше завидовал своему брату.

Сет окидывал взором свое царство и видел только песчаные дюны, скорпионов и скалы. У него было много времени на размышления, ибо ничего не происходило в его владениях. Однажды он измерил рост Осириса, заметив тень своего брата, и построил для него прекрасный сундук из ароматного дерева.

Накануне наступления засушливого сезона (естественно, любимого времени года Сета) Сет собрал богов на великий пир, поставив сундук в центре прихожей. Все боги восхищались сундуком: он источал ароматы бальзама, кедра и ладана. Боги затеяли игру, по очереди залезая в сундук. Осирис опоздал на пир, и, когда он явился, все остальные боги уже сидели в пиршественной зале. Итак, Сет и Осирис оказались наедине в прихожей, где стоял сундук. Сет уговорил своего честного и доверчивого брата попытаться залезть в сундук. Но стоило Осирису оказаться в сундуке, как сбежались слуги Сета, забили крышку гвоздями и запечатали ее раскаленным свинцом.

Другие боги услышали стук молотков и оторвались от пиршества. Но, когда они вошли в прихожую, Сет и его прислужники уже бежали с сундуком в пустыню под покровом ночи. Боги попытались догнать их, поняв, что Осирис в сундуке, но было уже слишком поздно. В конце концов злодеи бросили сундук в Нил; к этому времени Осирис уже умер от удушья.

После смерти Осириса на Египет обрушились неведомые доселе несчастья. Пустыня Сета окружила со всех сторон плодородные земли; людям грозил голод. Тогда люди начали сражаться между собой за пищу и воровать. Матери не могли уснуть по

ночам из-за плача голодных детей. С упадком земледелия и ирригации песчаное царство Сета стало расти и уже почти достигало берегов Нила. Отчаяние было так велико, что люди стали завидовать мертвым.

Исида, ее сестра Нефтида (которая была женой Сета) и мудрый Тот отправились на поиски Осириса через весь Египет, следуя за течением Нила. Сундук спустился вниз по реке, миновал дельту и попал в Средиземное море. В конце концов он приплыл в Библос*, которым правили царь Мелкарт и царица Астарта**.

Через некоторое время рядом с сундуком выросло деревце. Оно росло и превратилось в большое дерево, корни которого проросли сквозь сундук. Благодаря ароматной древесине, из которой был сделан сундук, дерево стало источать благоухание, прославившее его на весь мир. Исида услыхала об этом чуде и поняла, что описание этого аромата напоминает благоухание сундука.

По пути в Библос Исида в знак скорби срезала прядь своих волос. Тот посоветовал ей отдохнуть на острове в поросших папирусом болотах в дельте Нила. Семь скорпионов сопровождали Исиду в пути. Когда она отдыхала в доме одной благочестивой женщины, один из скорпионов укусил сына этой женщины, и мальчик умер. Растроганная плачем матери, богиня оживила ребенка.

Прежде чем Исида добралась до Библоса, царь Мелкарт и царица Астарта решили, что знаменитое дерево было одним из сокровищ их царства, и приказали срубить его. Из него сделали колонну в царском дворце. Так, когда Исида прибыла в Библос, от дерева остался лишь благоухающий пень. Богиня много месяцев подряд сидела на этом пне, не говоря ни слова.

Когда Мелкарт и Астарта услыхали о прекрасной чужеземке — быть может, богине, — они немедленно послали за ней. Исида пришла в царский дворец и возложила ладонь на голову царицы; и тут же тело Астарты стало источать сладкий аромат. Исида стала кормить ребенка царицы своим пальцем — так же, как прочие женщины кормят детей грудью. Она стала кормилицей царского сына и осталась жить во дворце.

---

* Библос — современный Ливан.
** Астарта — форма имени Иштар; Мелкарт означает «царь».

Однажды ночью Исида украдкой срезала щепки с колонны, в которой находился Осирис, и бросила их в огонь. Древесина от соприкосновения с телом Осириса преобразилась чудесным образом, так что, когда она горела, можно было без всякого вреда касаться этого огня. Исида опустила царского сына в огонь, чтобы согреть его, и ребенок оставался невредим.

Но тут в зал вошла царица Астарта и, ужаснувшись при виде своего ребенка в огне, выхватила его из очага. Исида приняла облик ласточки и стала летать вокруг колонны. Она заговорила с сердцем Астарты, объяснив ей, что, если бы ребенок оставался в огне еще немного, он стал бы бессмертным; теперь же ему будет дарована просто долгая жизнь. Затем Исида снова приняла человеческий облик и рассказала Астарте всю историю Осириса. Утром царь Мелкарт повелел расщепить колонну и достать сундук.

Исида вернулась в Египет с сундуком. Открыв его, она обнаружила, что тело Осириса не истлело, а прекрасно сохранилось. Она обняла безжизненное тело своего мужа, поцеловала его, вдохнув в него жизнь, и Осирис ожил. Все еще опасаясь жестокого Сета, они прятались от него и жили скрыто.

Но Сет быстро узнал, что Осирис ожил, потому что пески немедленно отступили и урожай снова начал расти. Люди снова стали жить в мире со своими соседями. Само собой, Сет стал замышлять новое убийство своего брата. Однажды под видом охоты на газелей Сет подошел к спящему Осирису и разрезал тело брата на четырнадцать частей, разбросав их по всей земле. По сей день эти четырнадцать мест считаются в Египте «могилами» Осириса. Со смертью Осириса зло снова вернулось в страну, хотя и в меньшей степени, чем в прошлый раз.

Исида странствовала по всему Египту, чтобы собрать четырнадцать частей расчлененного тела Осириса. Она нашла их и сложила вместе на острове посреди Нила. Когда части тела Осириса воссоединились, мир снова вернулся в Египет. Но Исида услышала голос, сказавший ей, что этот мир не будет продолжительным: Сет уже успел отравить сердца людей. Но все же зло никогда не овладеет людьми полностью. Душа Осириса отправилась в страну мертвых, где он стал Царем Мертвых и Великим Судьей, и отныне смертные мужчины и женщины могли после смерти достичь бессмертия души, чтобы их тела и души воссоединились при воскресении. И хотя Сет принес в мир грех, Осирис принес надежду.

Вскоре после того, как Осирис стал царем Подземного мира, Исида родила ребенка, который получил имя Гор. Нефтида и Тот заботились о ней и воспитывали ее ребенка. Гору было суждено отомстить за своего отца, возглавив поход богов и людей против Сета. После рождения Гора власть Сета уже не была безраздельной. Но Сет послал скорпиона, который укусил Гора и убил его.

Исида стала молиться Ра, богу Солнца, который послал Тота научить ее заклинаниям, способным оживить мальчика. То, что Гор провел некоторое время в стране мертвых, пошло ему на пользу: ведь он смог встретиться там со своим отцом Осирисом и научиться у него мудрости. Гор считается покровителем царствующего фараона и хранителем благосостояния Египта.

Законы Осириса

Осирис учредил законы, управлявшие страной мертвых. У каждого человека есть три части — тело, дух-«ка» и дух-«ба». После смерти «ка» продолжает жить, а тело сохраняется благодаря мумифицированию, ибо это — собственность и обиталище «ка». Когда Осирис призовет мертвых к воскресению, «ка» полностью овладеет телом.

В момент смерти «ка» покидает тело и отправляется на суд. Душа странствует по залам дворца Осириса, где свидетельства о жизни души сперва рассматривают сорок два чиновника. Эти чиновники абсолютно беспристрастны: положение, которое занимал человек при жизни, никоим образом не влияет на решение посмертного суда. Но окончательный приговор душе выносят трое судей мертвых, восседающие в Зале Двух Истин.

Эти судьи — боги Гор, Анубис и Тот. Тот, бог мудрости, помещает на одну чашу весов, против свидетельства о жизни души, чистое белое перо, символизирующее Маат — «истину». Если душа честно заявляет, что не повинна ни в одном из сорока двух прегрешений, Тот отводит ее к трону Осириса, который с этих пор властвует над этой душой, пребывающей в вечном блаженстве, и который однажды воскресит тело этого человека, воссоединив его с душой.

Если человек повинен в менее чем половине из сорока двух грехов, Тот обращается к Осирису с просьбой допустить эту душу к вечному блаженству. В подобных случаях решающим свидетельством будет свидетельство сердца — намерения человека.

Некоторые даже утверждают, что горячие и холодные сердца взвешивают на разных весах.

Если же душа совершила более половины из сорока двух прегрешений и если у человека холодное сердце, Осирис либо приказывает ей воплотиться снова и расплачиваться за грехи тяжелым трудом на земле, либо посылает ее в ад, где ей надлежит очиститься от грехов, а затем подвергнуться повторному суду.

В египетских захоронениях находят пищу и личные вещи, которые помещали туда вместе с телом. Это было необходимо для поддержания жизни духа-«ка», которой не требуется много пищи, а также для того дня, когда Осирис воскресит тело. Тело мумифицировали в подражание не подвергшемуся тлению телу Осириса.

Египтяне при упоминании недавно умерших людей нередко называли их «осирисами», так же как современные люди зовут их «покойными».

ГОЛУБАЯ СОЙКА В СТРАНЕ МЕРТВЫХ

(*Чинук*)

ГОЛУБАЯ СОЙКА НАХОДИТ ЖЕНУ

Голубая Сойка был трикстером, нередко подшучивавшим надо всеми, в особенности над своей сестрой Иои. Поскольку она была его старшей сестрой, считалось, что Голубая Сойка должен слушаться ее. Но он нарочно представлял ее слова в неверном свете, оправдывая себя тем, что то и дело повторял: «Иои всегда лжет».

Иои решила, что пора Голубой Сойке покончить с беззаботной жизнью и обзавестись женой. Она сказала ему, что он должен выбрать себе жену из народа, населявшего страну мертвых, которых звали «Сверхъестественными Людьми». Иои посоветовала Голубой Сойке выбрать в жены пожилую женщину и предложила недавно умершую жену вождя. Но Голубая Сойка не послушался ее: он хотел взять себе молодую и привлекательную жену. Он нашел тело красивой молодой девушки и принес его к Иои, которая посоветовала ему отнести тело в страну мертвых, где оно оживет.

Голубая Сойка пустился в путь и наконец добрался до первой деревни Сверхъестественных Людей. Они спросили его: «Сколько времени она пробыла мертвой?» «Всего лишь один день», — ответил он. Тогда Сверхъестественные Люди из первой деревни сказали ему, что ничем не могут ему помочь; он должен отправляться в ту деревню, где оживают люди, пробывшие мертвыми ровно один день.

На следующий день Голубая Сойка пришел во вторую деревню и попросил людей оживить его жену. Люди снова спросили его, сколько времени она мертва. «Уже два дня», — ответил он. «Мы ничего не можем поделать, — ответили люди. — Мы можем оживлять лишь тех, кто пробыл мертвым ровно один день». И Голубая Сойка двинулся дальше.

Через день он добрался до третьей деревни и попросил ее жителей оживить девушку. «Сколько времени она мертва?» — спросили они. «Уже ровно три дня». «Тебе не повезло, — отвечали люди. — Мы можем оживлять лишь тех, кто пробыл мертвым ровно два дня». И так продолжалось до тех пор, пока Голубая Сойка наконец не пришел в пятую деревню, жители которой смогли помочь ему. Народ пятой деревни полюбил Голубую Сойку и сделал его своим вождем. Но вскоре ему надоело жить в Подземном мире, и он захотел вернуться со своей женой в землю живых.

Когда Голубая Сойка пришел домой вместе со своей женой, ее брат увидел, что она ожила, и побежал сообщить об этом отцу, старому вождю; вождь потребовал, чтобы Голубая Сойка срезал все свои волосы в дар своим новым родственникам. Но Голубая Сойка не послушался, и тогда вождь рассердился и послал мужчин разыскать его. Когда они уже почти схватили его, Голубая Сойка принял облик птицы и улетел в страну мертвых.

В это мгновение его жена упала на землю бездыханной. Она отправилась в страну мертвых к своему мужу, где он теперь стал жить как изгнанник.

ИОИ И МУЖ-ПРИЗРАК

Духи скитались в поисках жен, и один из них влюбился в Иои, сестру Голубой Сойки. Духи принесли в подарок зубы зверей, а ночью, после свадебного пира, исчезли, забрав с собой Иои.

Голубая Сойка не слыхал ничего об Иои целый год. Наконец, он решил посетить страну духов, чтобы еще раз увидеться с сестрой. Он проходил через множество деревень и среди животных, расспрашивая всех о том, где находится страна духов, но никто не мог ответить ему. Наконец он нашел человека, согласившегося проводить его за вознаграждение.

Оказавшись в стране духов, он увидел, что Иои стоит между кучами костей, которые ему представили как новых родственников Иои. Время от времени кости приобретали вид нормальных людей, но снова рассыпались, как только кто-нибудь начинал громко шуметь.

Иои попросила Голубую Сойку взять с собой на рыбалку младшего брата ее мужа. Лодки, в которых плавали призраки, выглядели совершенно ужасно: в них было множество дыр, а днище было покрыто мхом. Обнаружив, что от громкого крика его спутник превращается в кучу костей, Голубая Сойка очень развеселился. Помимо прочих шалостей, Голубая Сойка перепутал кости, поместив череп ребенка к торсу взрослого, и потом долго хохотал, глядя на возникшее из этих костей нелепое существо.

На следующий раз, когда Голубая Сойка и младший брат мужа Иои отправились на рыбалку, они поймали нечто, показавшееся Голубой Сойке кучей веток, — тогда как в действительности в мире духов это был прекрасный лосось. В другой раз духи пришли в сильное волнение: говорили, что на берег вынесло «кита». Но глазам Голубой Сойки предстал не кит, а большое бревно. Духи принялись выдалбливать сердцевину бревна, утверждая, что это лучший китовый жир. Зная, что он может криком превратить их в кости, Голубая Сойка так и сделал и забрал себе жир, — но в его руках он оставался древесиной.

Духи устали от шалостей и проделок Голубой Сойки, и муж Иои стал просить ее отправить шутника домой. Тогда Иои послала брата в мир живых, чтобы он погасил пять пожаров, пылавших в прерии. Она дала ему пять горшков с водой, но — как всегда — Голубая Сойка пренебрег советами сестры, заявив: «Иои всегда лжет». Он лил воду на огонь, не заботясь о том, сколько ее остается. И, когда он прищел к пятому пожару, воды больше не было. Огонь поглотил его, и Голубая Сойка умер. Но мертвые не сразу понимают, что уже умерли.

Возвратившись в страну мертвых, Голубая Сойка еще не знал,

что мертв. Когда Иои послала навстречу ему свое каноэ — каноэ, которое прежде казалось Голубой Сойке жалким и прохудившимся, — он воскликнул: «Какая прекрасная лодка! Никогда прежде я не видел такого чудесного каноэ». Когда духи принесли ему лососины, которая прежде казалась ему древесными ветвями, Голубая Сойка воскликнул: «Какой превосходный лосось! Никогда прежде я не видел такой отличной лососины!»

Духи пытались убедить Голубую Сойку, что он уже умер, но он отказывался верить им, повторяя: «Иои всегда лжет». Вспомнив о своих проделках над духами, Голубая Сойка издал громкий крик. Но духи не превратились в кучи костей — вообще ничего не произошло.

Все еще не веря, что он умер, Голубая Сойка отправился к знахарям страны духов и принялся докучать им. Рассердившись на него, они сделали его безумным. Когда Иои нашла его, Голубая Сойка танцевал на голове.

Иои сказала людям: «Теперь мой брат умер совсем: он потерял рассудок».

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И РИМЛЯН

После смерти душа покидает тело и отправляется в Подземный мир под руководством бога Гермеса. Сперва она попадает на берег реки Стикс (что значит «ненавистная»). При погребении покойному обычно клали в рот монету, чтобы он смог расплатиться с перевозчиком Хароном, который переправляет душу через реку. Если душа не сможет заплатить ему, ей предстоит скитаться в виде неприкаянного призрака сотню лет.

Переправившись через Стикс, душа попадает к трем судьям мертвых — Радаманту, Миносу и Эаку. Говорят, что Радамант судит европейцев, Эак — азиатов, а Минос, бывший при жизни царем Крита, рассматривает только самые сложные дела. На основании решения соответствующего судьи грешная душа отправляется в Гадес для наказания, где ей сторицей воздается за преступления, которые она совершила при жизни. Праведник же попадает на Елисейские Поля — в область вечного блаженства, залитую священным пурпурным светом (пурпур считался цветом

знати). Платон сообщает, что в этой области сторицей воздается за каждое доброе деяние. Каждая душа, попавшая на Елисейские Поля, может еще трижды воплощаться и возвращаться на землю. Но перед тем, как покинуть царство мертвых, душа должна испить воды из Леты — реки забвения.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Орфей был величайшим на свете музыкантом. Он был сыном смертного и музы Каллиопы, покровительницы музыки. Его склонность к музыке проявилась еще в раннем детстве, и сам Аполлон подарил мальчику чудесную лиру. Достигнув зрелости, Орфей влюбился в Эвридику и женился на ней.

Вскоре после свадьбы Эвридика гуляла на берегу реки. Какой-то мужчина заметил ее и попытался насильно овладеть ею; Эвридика пустилась бежать и случайно наступила на ядовитую змею, укусившую ее. Орфей был совершенно убит горем. Он взмолился богам, чтобы они позволили ему спуститься за Эвридикой в Подземный мир и вернуть ее к жизни. Боги растрогались, услышав его скорбные песни, и исполнили его просьбу; Аполлон помогал ему в пути.

Когда Орфей добрался до берега реки Стикс, границы между миром живых и Подземным миром, солнечный свет померк и небо покрылось густой тенью. Орфей стал играть на лире; Харон был так очарован его музыкой, что перевез его на другой берег, забыв о плате. Злобный страж ворот Подземного мира, трехголовый пес Цербер, прекратил лаять и стал прислушиваться к музыке. Трое судей мертвых тоже были околдованы музыкой, прервав свою работу, и мучения грешников, в том числе и Сизифа, приостановились.

Наконец, Орфей встретился с Аидом, повелителем Подземного мира, и музыка его смягчила сердце царя мертвых. Аид согласился исполнить просьбу Орфея при одном условии: Орфей не должен оборачиваться и смотреть на Эвридику, пока они не выйдут из Подземного мира и не окажутся вновь в мире живых. Если Орфей хотя бы раз взглянет на Эвридику, ей придется остаться в Подземном мире навсегда.

Помня об этом, Орфей отправился обратно в мир живых, а

Эвридика шла за ним следом. Он шел прямо и не оборачивался. Но в конце концов мысли о возлюбленной переполнили его сердце, и Орфей не утерпел; он обернулся — и потерял свою жену навсегда.

ЭНЕЙ В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

Прибыв в Италию, Эней*, предок Цезарей, обратился за советом к италийской пророчице Сивилле. Она прекрасно знала, что Эней тоскует о своем покойном отце Анхизе и что именно Анхиз может дать Энею самый лучший совет. Итак, Сивилла согласилась проводить Энея в Подземный мир, чтобы он смог встретиться со своим отцом.

Дорога в Подземный мир была мрачной и окутанной тьмой. Эней и Сивилла миновали зловонное озеро Авернус и вошли в рощу черных тополей, обозначавшую границу между миром живых и Подземным миром. Сивилла посоветовала Энею принести четырех черных быков в жертву Гекате, богине ночи. Когда дым от жертвы поднялся высоко в небеса, прогремел гром и земля содрогнулась. Затем Сивилла указала Энею на дерево с золотой ветвью, сказав ему, что он должен отломить эту ветвь и взять ее с собой.

Затем Сивилла сурово взглянула на Энея и промолвила: «Теперь тебе потребуется все твое мужество». Они вступили в преддверие Подземного мира, пройдя мимо ужасных духов Раздора, Недуга, Голода и Войны, и попали на поле, полное несчастных душ, которые не были похоронены должным образом и были обречены целое столетие скитаться без приюта, прежде чем смогут войти в Подземный мир. Затем Сивилла и Эней достигли берега реки Стикс, где перевозчик Харон сердито сказал им, что переправляет только мертвецов, а не живых. Но Эней показал Харону золотую ветвь, и перевозчик согласился доставить их на другой берег.

Лодка Харона проплыла мимо полей скорби, где скитались

---

* История Энея рассказана в латинской эпической поэме «Энеида» римского поэта Вергилия. Там повествуется о том, как Эней бежал из Трои после Троянской войны и отправился в Италию, где стал родоначальником римлян. «Энеида» — миф о создании Римского государства; римские аристократы стремились возвести свою родословную к Энею.

несчастные юные влюбленные, покончившие с собой. Затем путники миновали престолы трех судей мертвых.

Дальше река разветвлялась на два рукава. Слева от себя путники услыхали вопли мучающихся грешников. Справа они увидели пурпурные лучи, озаряющие Елисейские Поля, где праведники и великие люди наслаждались вечным блаженством. Сивилла велела Энею положить золотую ветвь на скалу напротив того места, где река разделялась на два потока. Тогда Харон налег на весла и повернул вправо, к Елисейским Полям. Там Эней увидел великих героев, поэтов, мудрецов и прочих праведников, в том числе и своего отца Анхиза.

При виде отца Энея охватила бурная радость. Когда перевозчик причалил к берегу, отец и сын обнялись. Анхиз сказал, что Энею суждено стать основателем величайшей империи. При расставании Анхиз подвел Энея к колодцу Леты, чтобы он испил воды забвения.

Затем Сивилла проводила Энея обратно в мир живых, где он исполнил свое предназначение.

ПЕРУАНСКИЕ МИФЫ О СМЕРТИ

У человека есть две души — Атхун Айяйо и Юккуи Айяйо. Атхун Айяйо создан Пачамамой [Матерью-Землей]; эта душа отвечает за сознание, движение и прочие признаки жизни. Атхун Айяйо остается жить после смерти тела.

Юккуи Айяйо создает телу защиту от болезней, поддерживает равновесие между умом, телом и Атхуном Айяйо. Когда человек спит, Юккуи Айяйо выходит на свободу и путешествует, передавая свои впечатления в образах сновидений. Если Юккуи Айяйо покидает живое тело, оно теряет защиту от болезней. Когда тело умирает, Юккуи Айяйо выходит из него в течение первой недели после смерти.

Оба Айяйо в течение трех дней витают над телом покойного. Холостякам и старым девам советуют в этот период держаться подальше от тела, иначе Атхун может забрать их душу с собой в качестве своего супруга в загробной жизни.

Атхун Айяйо иногда возвращается на землю, чтобы навестить живых; в особенности часто это происходит в христианский День Всех Святых — 1 ноября. В это время можно побеседовать с Атхунами покойных родственников и подарить им подарки.

СОКРАТ О ГРЕКО-РИМСКОЙ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Из речи Сократа, приговоренного к смерти:

«Более того, отсюда мы можем сделать вывод о существовании великой надежды на то, что смерть есть благословение. Ибо умереть означает одно из двух: либо умерший исчезает полностью и лишается всяких ощущений; либо, как утверждают, происходит определенная перемена и перемещение души из одного места в другое. И в случае, если это лишение всех ощущений, как бы сон без сновидений, то смерть должна быть чудесным даром. Ибо я считаю, что если некто, избрав ночь, в которой он спит таким глубоким сном, что не видит сновидений, и сравнив эту ночь со всеми прочими ночами и днями своей жизни, захочет сказать, что за свою жизнь он провел множество ночей гораздо лучше и приятней этой, то, по моему мнению, не только простой человек, но даже великий царь вынужден будет признать, что их все же было куда меньше, чем других ночей и дней. Если, следовательно, смерть именно такова, я скажу, что это приобретение: ибо все будущее, таким образом, представляется не более чем единой ночью.

Но если, с другой стороны, смерть — это переход отсюда в другую область и если верно говорят, что все мертвые попадают туда, то что может быть более великим благословением, чем это, судьи мои? Ибо если человек, прибыв в Аид и освободившись от тех, кто претендует быть судьями, найдет там истинных судей, которые, как говорят, вершат там правосудие, — Миноса и Радаманта, Эака и Триптолема и прочих полубогов, которые были справедливы при жизни, неужели это будет печально? Какую бы цену вы отказались заплатить за разговор с Орфеем и Мусеем, Гесиодом и Гомером? Мне даже самому хотелось бы умереть, если это правда. Ибо путешествие туда для меня было бы восхитительным, если я смог бы встретиться с Паламедом, и Аяксом Теламонидом, и други-

ми людьми древности, которые умерли по несправедливому приговору. Сравнить их страдания с моими, я считаю, было бы не так уж неприятно.

Но величайшим наслаждением было бы для меня проводить время в расспросах и изучении обитающих там людей, подобно тому, как я делал здесь, и распознавании, кто из них мудр, а кто лишь пытается казаться мудрым. Какую бы цену, судьи мои, вы отказались заплатить за возможность расспросить того, кто вел могучее войско против Трои, или Одиссея, или Сизифа, или десять тысяч других мужчин и женщин, которых можно было бы упомянуть? Тех, беседовать и общаться с которыми, тех, кого расспрашивать было бы непостижимым счастьем. Ясно, что тамошние судьи не осуждают за это на смерть; ибо во всех отношениях те, кто живет там, более счастливы, чем живущие здесь, и вдобавок бессмертны — если, конечно, то, что об этом говорят, истинно.

Поэтому вам, о судьи мои, следовало бы питать добрые надежды на смерть и размышлять об этой истине — о том, что для доброго человека нет ничего дурного ни в жизни, ни в смерти и что боги склоняют слух к его заботам. И то, что постигло меня, произошло не случайно; нет, совершенно ясно, что умереть сейчас и освободиться от моих забот для меня лучше всего. Поэтому предупреждение никак не изменило моих поступков; и я не таю злобы против тех, кто осудил меня, и против моих обвинителей, хотя они осуждают и обвиняют меня не по этой причине, а чтобы причинить мне вред; и за это они заслуживают упрека.

...Но пришло время расставаться: мне — умирать, вам — жить. Но кому из нас будет лучше, известно одному лишь богу.

ПЕРСИДСКИЕ (ЗОРОАСТРИЙСКИЕ) МИФЫ О СМЕРТИ

Зороастризм, древняя религия Персии (современного Ирана), — это вероисповедание, основанное на учении пророка Зороастра. В настоящее

время в мире насчитывается лишь около 100 000 зороастрийцев (в основном, в Индии, Иране и Великобритании).

После смерти душа витает над телом в течение трех ночей. В первую ночь душа созерцает слова своей прошедшей жизни; во вторую ночь она созерцает свои мысли; в третью — свои поступки. Затем душа попадает к трем судьям, которые абсолютно беспристрастны и не обращают никакого внимания на общественное положение, которое человек занимал при жизни. Трое судей основывают свой приговор на поступках человека, которые записаны в Доме Песнопений. Достоинства души взвешиваются на весах. Если добро перевешивает зло, то душа отправляется на небеса. Если добро и зло оказываются равными, душа попадает в Хаместаган — Чистилище, — где она очищается от греха. Если зло перевешивает добро, душа отправляется в ад.

Покинув судилище, душа встречается с проводником. Для праведных проводником становится прекрасная девушка, для грешных — уродливая карга. Проводник называет себя, говоря человеку: «Я — твоя совесть». Все души, праведные и грешные, отправляются в сопровождении проводника на мост Чинват.

На этом мосту путь в небеса расширяется для праведных, а для грешных становится тонким, как лезвие, и те падают в ад. Впрочем, адские мучения не вечны: когда душа искупит свои грехи, она может возвратиться на суд для пересмотра решения. Если душа действительно очистилась, она попадает на небеса.

В конце времен, на последнем суде, все мертвые будут воскрешены, тело и душа воссоединятся и будут судимы в единстве.

НАЧИКЕТАС
(*Индия*)

Некогда жил брахман-скотовод по имени Вайяшрава, который искренне стремился добиться благосклонности богов; он хотел принести им жертву, чтобы гарантировать себе процветание. Но все его коровы уже были стары и перестали давать молоко. Его поля приносили маленький урожай, которого ему едва хватало, чтобы прокормить семью. Вайяшрава заговорил

со своим сыном Начикетасом об этом затруднении. Начикетас ответил: «Отец, тебе нечего предложить богам, кроме меня. Какому богу ты хотел бы принести меня в жертву?» Вайяшрава с грустью сказал: «Яме, повелителю мертвых».

Начикетас был необыкновенно мудрым юношей и все хорошо обдумал. Он знал, что ему нечего бояться: он был не первым и не последним из людей, которых приносили в жертву Яме. И милости, которыми будет осыпан принесший такую жертву, поистине будут велики. Итак, юноша согласился на это. Начикетас пришел в страну мертвых, но Ямы там не оказалось: он был занят, собирая души на земле. Начикетас ждал Яму три дня.

Когда Яма вернулся, слуги сказали ему, что его ждет благородный брахман по имени Начикетас. Естественно, к нему следовало проявить радушие и гостеприимство, поскольку юноше пришлось ждать хозяина. Кроме того, Яма знал, что если брахман приходит в гости, а хозяин не приветствует и не угощает его, то это может навлечь на хозяина большие беды.

Итак, Яма сказал Начикетасу, что как почетный гость, терпеливо прождавший три дня, он имеет право попросить хозяина о трех вещах, в которых он ему не откажет. Первым делом Начикетас пожелал, чтобы его отец узнал и приветствовал его, когда он вернется из страны мертвых. Вторым его желанием было узнать, где находится священный огонь, который ведет прямо на небеса. Третьим желанием Начикетаса было узнать тайну, которая выше смерти, на которую не простирается власть Ямы.

Яма с готовностью исполнил первые две просьбы, но выполнять третью ему очень не хотелось. Яма сказал Начикетасу: «Даже боги древности не знали точного ответа на этот вопрос. Попроси чего-нибудь другого — богатства, славы, сыновей, долгой жизни, — но только не этого».

Начикетас ответил Яме, что богатство не вечно и даже долгая жизнь когда-нибудь окончится, сыновья могут принести не только счастье, но и скорбь, и все земное обречено превратиться в прах; все материальные богатства и блага — не что иное, как иллюзия. Тогда Яма предложил Начикетасу в жены прекраснейших девушек с неба Индры и власть над миром. Начикетас отвечал, что все это — лишь удовольствия, а удовольствия — это тоже иллюзия. Юноша сказал: «Меня не интересует ничего, кроме тайны, которая выше смерти».

Яма улыбнулся и ответил: «Ты очень мудр, Начикетас. Есть путь долга и есть путь наслаждения. Всегда лучше избрать путь долга, ибо наслаждения могут вести к заблуждениям. Глупец считает, что реальна только жизнь в этом мире, и предает свое сердце удовольствиям и богатству. Даже ученый становится жертвой иллюзии. Но я скажу тебе, что выше смерти: это великий и вечный Единый*. Многие не знают вечного Единого и не ищут его. Познать вечного Единого, который выше всех богов, значит стать бессмертным, о Начикетас; Единый никогда не был рожден и никогда не умирает. Он меньше малого и больше великого, Он обитает в сердце человека, который ищет Его. Человек, познавший Единого, не ведает скорби; ничто не может привести его в отчаяние. Это невозможно познать ни благодаря простому объяснению, ни даже благодаря знанию и чтению Писаний. Лишь когда все узлы в сердце человека будут развязаны, он сможет познать Единого».

Третье желание Начикетаса было исполнено, и он вернулся в мир живых. Спросив у Смерти, что выше Смерти, он достиг бессмертия.

ИУДЕЙСКИЙ МИФ О СМЕРТИ

МЕРТВЫЙ ГОСТЬ РАВВИНА

«Однажды, после своей смерти, известный еврей из конгрегации Цаддика [святого человека] Рабби Иссокора из Вельбурна пришел к нему за помощью; поскольку его жена умерла, как сказал этот человек, ему нужны были деньги для повторного брака.

«Но ты ведь сам умер, — сказал Цаддик. — Что ты делаешь в мире живых?»

Мервый не хотел поверить ему до тех пор, пока раввин не заставил его приподнять свой плащ и не показал ему, что под ним саван. Когда мертвец ушел, сын раввина спросил его: «Отец, откуда мне знать, что я тоже не мертвец, скитающийся в мире живых?»

---

* Брахман.

«Если ты знаешь, что существует смерть, значит, ты не мертв, — ответил раввин. — Мервые ничего не знают о смерти».

Пинхас Седер.
«Еврейский фольклор»

ТИБЕТСКИЕ МИФЫ О СМЕРТИ

В то мгновение, когда человек умирает, душа сперва оказывается в омывающем ее бесцветном свете пустоты. Если она использует эту возможность и сливается со светом, она спасена. Но большинство людей теряют при этом сознание и возвращаются к нему позднее от ужаса, что они умерли. Зачастую осознание смерти пугает душу, и она пытается бежать, но тщетно. Если она пытается поддержать свою отдельную индивидуальность, цепляясь за иллюзию «я», это также бессмысленно. Очень немногие достигают спасения и обладают достаточной проницательностью, чтобы понять, что происходит.

Для тех, кто упускает первую возможность спасения, наступает период ужасных видений, представляющих грехи жизни, и прекрасных грез о лучших временах на земле. Через несколько дней после смерти образуется «умственное тело» — это истинная сущность личности, отягощенная кармой прошлого. Оно может по желанию путешествовать через время и пространство.

Через три с половиной дня после смерти душе являются [святые] Будды и Боддхисатвы во всей своей сияющей славе и добродетели. Свет, который они излучают, настолько ярок, что душе тяжело смотреть на них прямо. Если душа понимает эти видения и не пугается их, она сливается с самим сердцем Бога и достигает спасения. Если же она не понимает происходящего, то ее странствия продолжаются. Большинство людей не могут понять эти святые видения.

Если душа не поняла, что произошло, следующие семь дней будут исполнены ужаса. Ее окружат злые божества, ее будут спрашивать, почему она не творила добро, почему при жизни она не прислушивалась к призывам религии, почему она не обращала внимания на нужды других людей. Душе будет сказано, что она осуждена, ибо не сумела постичь спасительные истины.

Это — решающий момент странствий души: здесь предоставляется еще одна возможность спасения. Однако большинство продолжают идти дальше и становятся частью великого Колеса Становления, принужденные к новому воплощению. Но нельзя терять бдительности: теперь душа должна встретиться с Ямой, повелителем мертвых.

Душа рассказывает Яме о своей жизни; глупо пытаться что-либо скрыть или солгать. Яма подводит душу к сияющему зеркалу кармы, в котором все отражается в истинном свете, и душа сама произносит себе приговор. Это зеркало — совесть человека.

Затем душа видит в отдалении разнообразные светящиеся огни: это — тропы судьбы. Душа может последовать за красным светом, который приведет к перерождению среди асуров — воинственных духов; это происходит с теми, кто при жизни был склонен к насилию; такое перерождение не очень благоприятно. Голубой свет указывает на перерождение в мире людей. Зеленый свет означает невежество души, которая вследствие этого переродится в мире растений или животных. Белый свет весьма благоприятен: он означает перерождение на одном из небес.

В этот момент, если душа привлечена зеленым или голубым светом, она увидит, соответственно, пару животных или людей, занятых половым актом. Это притянет душу. Если в следующей жизни душа должна возродиться женщиной, ее потянет к мужчине; если она должна стать мужчиной, то ее потянет к женщине*. В момент соединения яйцеклетки и сперматозоида начинается новое воплощение.

БАЛЬДР
(Скандинавия)

Миф о Бальдре представляет большой интерес по ряду причин. Он подается как возможный источник суеверий, связанных с числом тринадцать (в особенности — пятницей, приходящейся на тринадцатое число месяца). Его можно также сопоставить с алгонкинским мифом о Глускапе и Малсуме, который часть исследователей считают взаимосвязанным со скандинавским мифом.

---

* Ср «эдипову» теорию Фрейда

Как бы то ни было, миф о Бальдре — в любом случае великолепный образец мифов о путешествии в Подземный мир.

Бальдр, сын Одина и его жены Фригг, был самым прекрасным из богов и пользовался всеобщей любовью. Но однажды его начали мучить ужасные сны, предвещающие смерть. Он рассказал об этих снах своим родителям, и Фригг прошла по всей земле, взяв со всех живых существ обещание не причинять вреда Бальдру; лишь один маленький побег омелы остался незамеченным и не принес клятвы.

Одину это показалось недостаточным, и он отправился в гости к владычице царства мертвых Хель. Он также поговорил с колдуньей Ангрбодой, уже умершей и обитавшей в Подземном мире.

Жителей Асгарда, страны богов, было двенадцать, считая Бальдра. Кроме того, у Одина был побратим — злой бог огня Локи, который считался тринадцатым богом. В день, посвященный Фригг — пятницу, — все тринадцать богов собрались вместе. Теперь Бальдр был неуязвим, и боги стали развлекаться, бросая в него камни и копья, которые не оставляли на нем ни единой царапины.

Локи принял облик женщины и пришел к Фригг с просьбой объяснить, что за странное развлечение придумали себе боги. Фригг рассказала ему о клятвах, которые дали все живущие на земле. Локи спросил, нет ли какого-нибудь исключения. Будучи супругой Одина, Фригг не могла лгать. Она призналась, что не стала брать клятвы с маленького побега омелы — ведь он казался совершенно безобидным. Не теряя времени Локи срезал несколько веток омелы и сделал из них стрелы. В стороне от других богов стоял слепой бог Ход. Локи спросил его, почему он не принимает участия в общем веселье. Ход объяснил, что ему нет никакого смысла бросать в Бальдра камни и копья, потому что он не увидит, как они отскакивают от него.

Но Локи хитростью убедил Хода принять его помощь и метнуть в Бальдра стрелу из омелы; Бальдр тут же упал замертво. Боги были испуганы, зная, что это ужасное преступление совершил Локи. Фригг, убитая горем из-за смерти любимого сына, сказала, что осыпет милостями любого, кто спустится в царство

Хель и выкупит Бальдра. Хермод, еще один из сыновей Одина, вызвался отправиться за Бальдром. Он сел на Слейпнира, восьминогого жеребца Одина, и пустился в путь. Сперва он подъехал к мосту Гьолль, который пересекают все входящие в страну мертвых. У этого моста ожидает прекрасная девушка, которая проводит умершего к его новому жилищу.

Она спросила Хермода, зачем он явился. Когда Хермод объяснил, что пришел выкупить Бальдра, девушка сказала, что видела, как он проходил здесь. Хермод верхом на жеребце Одина перескочил через ворота страны мертвых и встретился с Хель, которая сказала ему, что освободит Бальдра при одном условии: если убитого бога будут оплакивать все живущие на земле.

Хермод передал это богам, и вскоре все, что есть на земле, — горы, камни, деревья, животные и птицы — стали оплакивать Бальдра. Но одно существо отказалось плакать: старая ведьма по имени Текк. Эта бессердечная старуха сказала: «Я буду плакать о нем лишь сухими слезами; ведь люди умирают каждый день!» Так Бальдр остался в стране мертвых.

У всех героев викингов были свои собственные корабли, а корабль Бальдра был самым прекрасным. Боги сложили огромный погребальный костер на корабле Бальдра, положили на него тело бога, зажгли костер и отпустили корабль в море.

Локи был наказан за свое преступление. Он бежал от разгневанных богов и спрятался в горах, построив себе хижину, в каждой стене которой была дверь, чтобы не упустить из виду возможное приближение врагов. Один, которому было известно все на свете, вскоре обнаружил укрытие Локи, но злой бог, владевший искусством рыбной ловли, превратился в лосося, чтобы спастись от Одина. Тор, бог грома, сплел сеть, чтобы поймать Локи. Когда Локи выпрыгнул из воды, как это делают все лососи, Тор схватил его за хвост и крепко сжал. По сей день у лосося хвост тоньше и уже, чем у других рыб, а Локи до сих пор считается изобретателем рыболовной сети.

Затем Локи приковали к скале, где он будет оставаться до времени Сумерек Богов. Его жена Сигюн находится там рядом с ним. Боги повесили над головой Локи ядовитую змею; когда яд капает ему на лицо, он испытывает ужасную боль. Крик Локи вызывает землетрясения. Но Один знает, что приближается день, когда Локи отомстит богам.

СМЕРТЬ МОИСЕЯ
(*Талмуд*)

Когда Моисей достиг 120-летнего возраста, Самаэль, которого теперь называют Сатаной, спросил Всемогущего, может ли он выступить ангелом смерти и забрать душу великого законодателя.

Бог ответил: «Почему ты думаешь, что можешь забрать душу такого святого человека, которого Я возлюбил? И как ты сможешь приблизиться к Моему слуге и взять его душу? Как ты думаешь, что сделает Моисей при виде тебя? Моисей видел Мой Божественный Лик на горе Синай; его руки касались Моего закона. Как же ты возьмешь его душу из этих рук? И как ты сможешь взять его душу из его ушей? Ведь его уши слыхали Мой голос. Как ты сможешь взять его душу из его стоп? Ведь эти стопы стояли на святой земле! Впрочем, я разрешаю тебе попытаться взять его душу».

Самаэль взял свой меч и отправился к Моисею, в то время как этот великий вождь Исхода писал на земле палкой Святейшее Имя Господа. Когда Моисей писал Имя, лицо его светилось и сияло, подобно солнцу. Сила Божьего Имени заставила Самаэля в страхе бежать прочь. Но затем Самаэль собрал все свое мужество и вернулся, пропищав робким, хнычущим голосом: «Моисей, отдай мне свою душу!»

Моисей рассмеялся при виде дьявола и сказал: «Никогда я не отдам ее тебе, о враг Бога и человечества! Неужели ты забыл? Я был избран Всемогущим Богом, чтобы вывести Его народ из Египта; со мной Он говорил из пылающего куста; мне Он доверил Тору. Кем ты себя считаешь, чтобы просить у меня душу? Убирайся отсюда!» И Самаэль в страхе бежал.

Самаэль вернулся к Богу и рассказал Владыке, что произошло (словно Он и без того не знал!).

Бог рассмеялся над Самаэлем. «Ты — жалкий невежа. Я помню, как ты взбунтовался против Меня, как ты соблазнил Моих детей в Саду Эдема. Ты тогда считал себя таким умным! Я позволил тебе попытаться забрать душу Моисея, а ты приполз обратно, поджав хвост! Посмотрим, сумеет ли «сияющий» падший ангел взять душу Моисея! Ведь это ты привел смерть в этот мир».

Самаэль разозлился из-за того, что и Моисей, и Бог посмеялись над ним. Он снова вернулся к Моисею. Но Моисей снова

вынудил его бежать, произнеся несколько слов из священной Торы — Закона Господнего.

Потом Моисей обратился к Богу с такими словами:
О Всевышний Господь, создавший мир в любви;
О Всевышний Господь, чьим первым словом было благословение;
Не предавай меня в руки врага!
Отнесись ко мне с любовью.
Я знаю, что Самаэль пришел забрать мою душу для Тебя,
а не для себя.
Но не дай мне попасть в его руки;
сохрани меня от ненавистного врага людей.

Бог услышал слова Моисея и послал трех ангелов забрать душу законодателя: Гавриила, Михаила и Загзагиля. Гавриил подготовил место для Моисея, чтобы он лег и умер. Михаил постелил пурпурную царскую мантию, чтобы Моисей лег на нее, а Загзагиль подложил подушку под голову святого. Затем Господь обратился к душе Моисея:

Моя прекрасная дочь, возвращайся домой.
Ибо сто и двадцать лет провела ты в праведном теле.
Но теперь настало время вернуться ко Мне.
Такова Моя воля,
которой ты следовала все эти годы.

Моисей услыхал, что Бог говорит его душе: «Возвращайся к Богу, как Он повелевает». И Бог с поцелуем забрал душу из тела Моисея, поместив ее рядом со Своим престолом. Ангелы погребли тело Моисея в тайном месте, зная, что Самаэль все еще разыскивает его.

Самаэль спросил у моря: «Ты не видело Моисея?» Море ответило: «Нет, не видело со времен Исхода, когда мои воды расступились перед ним». Затем Самаэль спросил людей Обетованной Земли Ханаанской. Они сказали ему, что Моисей никогда не ступал на эту землю. Самаэль спросил скалы; они отвечали, что не видели Моисея с тех пор, как он заставил забить источник воды, и с тех пор, как он вырезал на камне слова Закона. Самаэль спросил горы; они сказали, что не видели Моисея с тех пор, как он получил Закон на Синае.

Тогда Самаэль спросил ангелов, и они ответили:

«Мы слышали плач на земле и ликование на небесах.
Но мы не видели его».

Ангелы не солгали: ведь Моисея видели только трое из них — Гавриил, Михаил и Загзагиль; прочие же ангелы видели лишь его душу, которая невидима. Ангелы никогда не лгут, но и не говорят глупостей.

Наконец, Самаэль стал ходить среди людей и расспрашивать о Моисее. Люди боялись Самаэля и обычно приветствовали его из страха. Но на сей раз они радовались, что могут сказать злому духу:

Ты никогда не найдешь его здесь.
Ты никогда не сможешь найти его здесь.
Тебе больше нечего делать с ним:
Обманщик обманут сам!
Его душа на небесах пред Богом,
куда никогда не достигнет твоя ложь!

И с проклятием на устах Самаэль вернулся в ад, испытав полное поражение.

Конец света: видения апокалипсиса

КАК РУДРА РАЗРУШАЕТ ВСЕЛЕННУЮ
(*Индия*)

Земля создавалась, разрушалась и воссоздавалась заново много раз; лишь вечный Единый знает, сколько раз это происходило. А быть может, не знает и он. Законы Вселенной неизменны: естественным путем приходят и уходят Четыре Века человечества, по мере того как Дхарма — четырехногий трон истины — укрепляется и распадается, постепенно лишаясь своих опор по одной, пока не оказывается, что ей больше не на чем держаться. И разрушение Вселенной в каждом цикле неизбежно.

В начале каждого цикла мир создается Брахмой; на протяжении всего цикла порядок вещей в мире поддерживается Вишну; разрушает мир Шива.

Цикл, или День Брахмы, продолжается 12 000 «божественных» лет, или 4 320 000 человеческих лет. В начале каждого такого Дня, когда вечный Единый пробуждается, мир всякий раз воссоздается вновь.

Каждый цикл делится на четырнадцать манвантар, каждой из которых управляет один из Ману, или «учитель». Каждая манвантара оканчивается великим потопом, уничтожающим все живое, кроме немногих, выживающих, чтобы населить мир заново. При этих потопах перемещаются континенты.

День Брахмы можно также разделить на 1000 юг, каждая из которых состоит из описанных ранее Четырех Веков. В общей сложности четыре юги продолжаются 4 320 000 лет: первая — 1 728 000 лет; вторая — 1 296 000 лет; третья — 864 000 лет; четвертая — 432 000 лет. 1993-й год считается 5093-м годом Кали-юги. Название последней юги связано с тем, что некоторые считают богиню Кали разрушительницей мира.

Когда оканчивается последняя юга, земля полностью истощает все свои запасы. В этот момент цикла истории Вселенная уничтожается и готовится к новому воссозданию. Бог Вишну принимает форму Рудры, бога бури, разрушителя всех вещей. Сперва наступает ужасная засуха, продолжающаяся 100 лет, после чего жизнь на земле почти угасает, если не уничтожается вовсе.

Затем Рудра входит в Солнце, и все воды на земле — моря, океаны, реки и озера — высыхают. Вся вода испаряется с земли и уходит в небо. Древние учителя говорили, что «Рудра всасывает воды», — так, словно вся жидкость на земле втягивается через соломинку. Все, что остается на земле после этого, сгорает в лучах раскаленного Солнца; так уничтожается вся Земля; точно так же происходит и во всей Вселенной.

Затем Рудра выдыхает огромные облака, наполненные жидкостью, впитанной на Земле. Он мечет молнии с небес, и начинается ливень, который продолжается 1000 лет и гасит огонь. Вода поднимается до тех пор, пока не достигает области Семи Мудрецов высоко-высоко над землей.

Затем Брахма посылает ветер, который высушивает почти всю воду, и в небо поднимаются облака. Мир превращается в водный хаос, возвращаясь в первозданное состояние, из которого будет сотворен новый мир.

ПЕРСИДСКИЙ АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ МИФ

Последователь Истинной Веры:
«О, Ормузд, я спрашиваю тебя о настоящем и будущем,
Что произойдет с праведными
И что произойдет с жестокими
На последнем суде?
Я спрашиваю тебя, о Ахура [Владыка], как будут наказаны те, кто служит Злому, –
Те, кто не может поддержать свою жизнь иначе, чем похищая скот и грабя скотоводов?
О, Ормузд, я спрашиваю тебя о добронравном, о том,
кто стремится улучшать дома, селения, роды и области
своей справедливостью, –
Сможет ли он стать подобным тебе?
И когда?

Благодаря каким поступкам?
Скажи мне, о Владыка, чтобы я больше не заблуждался;
Стань моим учителем в Благорасположении!»

Ормазд, Мудрый Господь, отвечает:

«О, добронравный верующий,
Не слушай приверженцев Злого,
Ибо они стремятся лишь разрушать дома, селения, роды и области.
Они могут вызвать лишь несчастье и смерть.
Сражайся с ними изо всех твоих сил!
Только праведный будет спасен от уничтожения и тьмы;
От мерзкой пищи и злейших проклятий во время конца времен.
Но жестокие — остерегайтесь!
Ибо на вашу долю выпадут все эти мерзости из–за вашего злого духа.
Тот, кто служит Мудрому Господину в мыслях и деяниях,
Тот будет награжден радостью божественной дружбы, и всей полнотой счастья, бессмертием, справедливостью
и силой, и Благорасположением!»

Мудрый Господь пошлет на землю трех спасителей перед тем, как произойдет неотвратимая последняя битва, результатом которой станет окончательное торжество добра над злом, Последний Суд и воскресение мертвых. Первый спаситель придет в эпоху, известную как Эпоха Железа, в которую демоны будут неустанно нападать на землю, никого не щадя. Они будут стремиться не столько убивать праведных людей, сколько причинять им страдания. Тьма будет так сильна, что даже свет луны и солнца потускнеет. В эту эпоху случится звездный дождь, который возвестит рождение первого спасителя, предводителя праведных, которого будут звать Аншедар.

Пятнадцатилетняя девственница искупается в священном озере в Иране, которое когда-то было чудесным образом оплодотворено семенем пророка Зороастра; девственница зачнет сына — Аншедара. Когда Аншедару исполнится тридцать лет, солнце на десять дней остановится в зените. После этого небесного знамения Аншедар встретится с ангелами и вернется на землю, чтобы проповедовать учение о праведности и призывать всех людей противостоять злу. Когда Аншедар покинет землю, она станет

лучше, чем прежде. Но зло будет побеждено лишь временно. К концу времени Аншедара люди больше не будут умирать от болезней, причиненных демонами; смерть будет наступать лишь в результате преклонного возраста, несчастных случаев и убийств.

Тысячу лет спустя зло снова наберет силу, и человечество вновь испытает давно забытые тяготы. Снова появятся страдания, болезни, войны и голод. И снова пятнадцатилетняя девственница искупается в священном озере, забеременеет и родит второго спасителя — Аушедармаха. Когда Аушедармаху исполнится тридцать лет, солнце опять остановится в зените — на сей раз лишь на шесть дней. Зло снова будет побеждено, но не полностью. В конце этого периода все перестанут есть мясо, и люди станут менее агрессивными.

Но пока Аушедармах будет пребывать на земле, злой дракон Ажидахака пробудится ото сна в своей пещере и начнет опустошать землю; он убьет треть всех людей и животных. Тогда Господь воскресит древнего персидского героя Кересаспу, который убьет чудовище. Добро снова восторжествует над злом на некоторое время.

Третий, и последний спаситель, Саошиант, явится еще тысячу лет спустя; он станет провозвестником последнего суда над живыми и мертвыми и беспрепятственного господства Мудрого Владыки над всем миром. Он тоже родится от девственницы таким же образом, как и два предыдущих спасителя. Он прославится на весь мир как великий борец за добро на земле. Землю затопит гигантская волна расплавленного металла; злые люди погибнут в жестоких муках, а для праведных эта волна покажется приятным купанием в теплой воде.

После этого очищения земли тела и души всех, кто когда-либо жил на свете, воссоединятся при воскресении. Затем наступит время Последнего Суда. Мудрый Господь спустится с небес в сопровождении ангелов. Его свет отразится во всех, кто был привержен добру; праведники воссияют, как солнце. В дурных же, напротив, станут видны все их мерзости.

Возглавит Последний Суд третий спаситель, Саошиант. Грешники и Ахриман, Владыка Зла, будут осуждены на вечные адские муки, когда Мудрый Господь станет безраздельно властвовать над миром. Все смерти, болезни и страдания навеки исчезнут. Земля преобразится, и блаженные будут наслаждаться бессмертием в новом Раю.

Храните свои сердца, о праведные, и живите в надежде!

ИСЛАМСКИЙ АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ МИФ

Коран для мусульман — это не миф и даже не откровение Бога, записанное человеком. Мусульмане верят, что их Священное Писание — это реальные слова Бога, продиктованные пророку Мухаммеду.

«Во имя Аллаха, Сострадательного, Милосердного. Когда то, что грядет, наступит — и ни единая душа тогда не станет отрицать его приход, — некоторые будут унижены, а другие — возвышены.

Когда земля содрогнется и будет потрясена, и горы рассыплются в прах и мелкую пыль, вы будете разделены на три множества: те, кто по правую руку (благословенны будут те, кто по правую руку!); те, кто по левую руку (прокляты будут те, кто по левую руку!); и те, кто впереди (самыми главными будут они!). Таковы те, кто предстанут перед Владыкой в садах наслаждения: огромное множество из людей прошлого, но лишь немногие из поздних поколений.

Они опустятся на подушки, расшитые драгоценностями, лицом к лицу, и рядом с ними будут стоять бессмертные юноши с чашами и кувшинами и кубком чистейшего вина (от которого не заболит их голова и не пропадет их рассудок); с плодами по их собственному выбору и мясом дичи, которым они насладятся. И будут им принадлежать темноокие гурии*, целомудренные, как потаенные жемчужины: награда за их деяния.

Они никогда не услышат праздной болтовни, но лишь приветствия: «Мир, мир».

Те, кто по правую руку, — счастливы будут те, кто по правую руку! Они будут отдыхать на приподнятых подушках в тени деревьев под гроздьями [бананов]; среди журчащих вод и изобильных плодов, не ведая никаких запретов, не ведая конца блаженству.

---

* Гурии — это прекрасные и безупречные женщины, дарящие наслаждения праведникам в мусульманском раю.

Мы создали гурий и сделали их девственными, любящими спутницами тех, кто по правую руку, — множества людей из прошлого из множества из поздних поколений.

Что же до тех, кто по левую руку (прокляты будут те, кто по левую руку!), то они будут жить среди воющих ветров и ревущих вод; во мгле черного, как смоль, дыма, не зная ни прохлады, ни отдыха. Ибо они жили в уюте и упорствовали в гнусном грехе [идолопоклонства], говоря: «Неужели когда мы умрем и превратимся в прах и кости, то мы вместе со всеми нашими предками вновь восстанем к жизни» [из 56-й Суры].

Воистину наступит день, когда мы узрим правоверных, мужчин и женщин, в свете, сияющем перед ними и на их десницах, и голос скажет им: «Возрадуйтесь этому дню. Вы вступите в сады, орошаемые бегущими ручьями, где вы будете пребывать вовеки». Это — высшее торжество.

В этот день лицемеры, и мужчины и женщины, скажут правоверным: «Подождите нас, одолжите нам немного вашего света». Но они ответят: «Уходите и ищите другого света».

Между ними будет поставлена стена с воротами. Внутри ее будет милосердие, а снаружи — адские кары. Они будут взывать к ним, говоря: «Разве мы были не на вашей стороне?» «Да, — ответят те, — но вы подверглись искушению, вы колебались и сомневались, и обманывались своими желаниями, когда воля Аллаха была едина, а Лицемер обманывал вас насчет Аллаха. Сегодня от вас и от неверных не примут выкупа. Ад будет вашим домом; вы заслужили его по справедливости, заслужили мрачную гибель» [из 57-й Суры].

Хадит

Хадит для ислама — это, грубо говоря, то же, что Талмуд для иудаизма. Хадит — это не часть Корана, а собрание устных высказываний, которые приписываются пророку Мухаммеду и его спутникам.

Спутник святого пророка Мухаммеда спросил его, каковы будут признаки конца света.

Пророк поведал ему об ужасном времени, о котором многое сказано в Священном Коране. Люди больше не будут изучать Коран, а все свое время будут употреблять на поиски материального богатства, наслаждений и мирской власти. Будет мор в Джедде, голод в Медине, чума в святом городе Мекке. Будут землетрясения, более сильные, чем когда-либо, по всему Магрибу [Северная Африка]; гибельные бури обрушатся на Турцию и Иран; Ираном завладеют убийцы и разбойники. Народы Дальнего Востока погибнут в череде наводнений. Нравственные основы, связующие общество, совершенно ослабнут; каждый будет сам по себе. В это время появится Дажжал — Антихрист — верхом на обезьяне, который подчинит себе все народы на земле.

Но Дажжал будет править лишь сорок дней, покоряя себе людей страхом и силой. А потом Бог пошлет Иисуса с небес, который спустится верхом на белом коне с копьем в руке, чтобы победить Дажжала. Остатки правоверных объединятся в могущественное войско Бога, чтобы помочь Иисусу в войне с Дажжалом. Дажжал будет повержен, но не убит; Бог сделает так, что ноги Дажжала прирастут к земле, и тогда Иисус нанесет ему смертельный удар.

С неба спустится престол, и Иисус будет править землей сорок лет в совершенном мире и справедливости. Каждый из этих сорока лет будет продолжаться двадцать шесть месяцев, а не двенадцать, как обычно, — так что в действительности они будут равняться восьмидесяти семи обычным годам.

В конце своего царствования Иисус отправится в Иерусалим и помолится в мечети Каменного Свода, откуда Господь возьмет Иисуса на небо. Через семь дней после возвращения души Иисуса на небо чудовищные Гог и Магог, плененные Александром [Искандером] Великим, вырвутся на свободу, круша все на своем пути.

Тогда Господь призовет на помощь двух ангелов. Первый из них — Азраил, ангел смерти. Правоверным Азраил является в виде прекрасной звезды и нежным, сладким голосом зовет их отдохнуть. А грешникам Азраил является как ужасное чудовище, вырывающее их душу из тела.

Второй ангел, Израфил, в последний день протрубит в трубу. Поскольку к этому моменту все праведники уже будут убиты грешниками, то все оставшиеся на земле обречены на гибель,

которая начнется при трубном звуке. Устав от людского зла, Господь велит Израфилу протрубить в трубу, и горы рассыплются в пыль. Затем последуют сорок лет ужасных землетрясений и бурь, после чего труба протрубит вновь. При этом звуке души благочестивых разыщут свои тела, чтобы соединиться с ними и воскреснуть. Затем, когда души и тела соединятся, благочестивые люди проведут сорок лет, восхваляя Аллаха.

При третьем звуке трубы святой пророк Мухаммед вернется на землю верхом на своем коне Бураке, которого будет вести на поводу ангел Гавриил. Все увидят престол Аллаха. Больше не останется тайн: тайные грехи правоверных и неверных выйдут на свет. Эти тайные грехи будут положены на левую чашу весов, а добрые деяния, пусть даже самые маленькие, будут помещены на правую чашу. Если правая чаша перевесит левую, душа будет спасена; если наоборот — душа будет проклята.

Но что будет с теми, чьи добрые и злые дела весят одинаково? Такие души могут спастись в этот ужасный день, если воззовут к милосердию Бога. Если душа будет искренне плакать и сожалеть о своих грехах, на правую чашу весов упадет записка, написанная Богом собственноручно, и рай откроется для этой души.

Суд будет продолжаться всего один час.

Затем праведники и грешники пересекут мост, ведущий в рай, тонкий, как волосок. Праведники преодолеют его без труда, а грешники упадут в адскую бездну. Некоторые с большими усилиями и с искренним сердечным раскаянием смогут выбраться из ада. Эти люди и все праведники напьются сладких вод из озера Мухаммеда и никогда не будут знать скорби, жажды, голода и страданий.

МАЙТРЕЙЯ

(*Тибет, Корея, Монголия*)

В будущем в мире свершатся великие перемены. Океан частично пересохнет, в результате чего Индийский субконтинент станет более обширным и плоским, чем сейчас. Тогда людям будет легче путешествовать по Азии, и субконтинент будет достаточно велик, чтобы вместить всех людей мира. Мир внезапно в изобилии наполнится пищей. Люди, некогда питавшие друг к другу вражду, внезапно станут добры друг к другу. Среди людей останется лишь три затруднения — голод, уничтожение отбросов

и старение; болезни и войны исчезнут. Но люди будут жить очень долго: жениться они будут не раньше, чем в 150 лет от роду, а умирать — около 500 лет.

Тогда над всем миром будет властвовать единый правитель по имени Шанкха. Он распространит по всему миру как закон Дхарму Будды. Во время его царствования родится будущий Будда — Майтрейя. Его мать будет вынашивать его десять месяцев, а потом он явится из ее чрева совершенно чистым. При рождении он провозгласит, что это — его последнее воплощение; впереди его теперь ждет только Нирвана (высшее просветление). Подобно первому великому Будде (Будде Шакьямуне, или Гаутаме), Майтрейя будет созерцать природу вещей и постигнет иллюзорность смертной жизни. У него будет восемьдесят четыре тысячи последователей, которые будут прислуживать ему. Это время Брахмы. Вечный Бог объявит с небес истину Дхармы.

В этот период исчезнут эгоизм и иллюзии. Материальные владения утратят свою ценность. Никто не будет ни о чем заботиться, кроме просветления. Люди перестанут жить, повинуясь страстям; они будут вести совершенно целомудренную жизнь, как современные монахи. Ибо при их долгой жизни не будет нужды в том, чтобы порождать детей. Сам Майтрейя будет проповедовать более шестидесяти тысяч лет в окружении совершенной гармонии, после чего он покинет землю и уйдет в Нирвану — абсолютное единение с Богом. Вечный закон, Дхарма, будет оставаться в силе еще десять тысяч лет, и все люди достигнут Нирваны.

Все люди освободятся от страданий и боли; все препятствия к постижению Дхармы людьми исчезнут. В конце десятитысячелетнего периода сам Брахма провозгласит вселенскую истину человечеству, открыв тайны, которые были недоступны даже Буддам.

РАГНАР–К: СУМЕРКИ БОГОВ
(*Скандинавия*)

С тех пор как Один обменял свой глаз на глоток воды из колодца мудрости Мимира, он знал о грядущем неизбежном уничтожении Вселенной и гибели богов, в том числе и своей собственной. Начало конца света будет возвещено знаками в природе. Однажды животные начнут запасать себе пищу на зиму

еще ранней весной, ибо они раньше людей узнают будущее. Зима, которая наступит в этом году, будет продолжаться три сезона: от конца осени этого года до начала осени следующего. Это будет самая холодная из зим. Таких зимы будет три подряд; они будут перемежаться лишь короткими тремя месяцами оттепели. Затем наступят Сумерки Богов. Земля содрогнется. Землетрясения произойдут даже там, где их никогда прежде не знали; море выйдет из берегов и затопит сушу. Эти землетрясения вызовет злобный Локи, разрывающий свои оковы.

Локи, как вы помните, — это злой бог, повинный в смерти Бальдра, сына Одина. В наказание боги приковали его к скале. Когда цепи проржавеют и ослабнут, Локи начнет дергать их, чтобы освободиться, и это вызовет землетрясения. Много столетий он лелеял мысли об отмщении богам. И когда он освободится, он объединится с другими врагами богов, чтобы напасть на их страну — Асгард.

На земле люди будут во множестве умирать от голода, холода, наводнений, землетрясений и других катаклизмов. И сейчас Один уже не сможет помочь им.

Дело в том, что Одину самому придется бороться за свою жизнь. Хеймдалль, страж богов, протрубит в боевой рог, возвещая вторжение в Асгард Локи и других недругов. Все живые существа услышат звук рога и задрожат от ужаса.

Волк Фенрис, некогда покоренный и скованный богами, тоже вырвется на свободу. Великий мировой змей поднимется из океана. Локи и сыны Муспельхейма, огненные великаны, проскачут по радужному мосту и сойдутся с богами в битве, пробудив огонь, который сожжет землю. Тор, бог грома, убьет мирового змея; но в последнее мгновение змей выплюнет яд, который погубит Тора. Сурт, предводитель армии великанов, метнет на землю огонь, который уничтожит последние остатки живого. Солнце померкнет, и звезды упадут с небес.

Сам Один будет убит, так же как и все боги. Не останется в живых и никто из их врагов. В этой последней войне не будет ни победителей, ни побежденных, все, кто сражался в ней, погибнут.

Но, когда мир будет окончательно разрушен, Альфадур («Всеотец»), великий и единственный вечный Бог, стоящий выше богов, останется в живых. Он создаст новую землю, новых живых существ и сотворит мужчину и женщину, чтобы возродить человеческий род.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МИФЫ

Пони

Тирауа Атиус — владыка всех вещей и единственный, кто определяет судьбу. В начале мира он поставил в небе, на крайнем северо-западе, великого буйвола. Каждый год этот бык теряет по волоску; когда он потеряет все волосы, наступит конец света. Когда упадет последний волосок, начнутся метеорные дожди, солнце и луна померкнут.

В начале мира Тирауа Атиус назначил Северную Звезду и Южную Звезду управлять судьбой. Однажды Северная Звезда прямо заговорил с народом пони и сказал ему, что Южная Звезда каждый год чуть-чуть сдвигается к северу. Когда Южная Звезда схватит Северную Звезду, настанет конец света.

Повелевать окончательным уничтожением мира будут четыре бога сторон света. Запад отдаст приказ об уничтожении мира, а Восток повинуется. Тогда звезды с небес упадут на новую землю и превратятся в людей. Люди, оставшиеся в этом мире после разрушений, взлетят высоко в небо и превратятся в звезды.

Чероки

Земля плавает на воде, как огромный остров, и с четырех сторон ее поддерживают сыромятные ремни. Эти ремни привязаны к вершине хрустальной скалы на небесах. Рано или поздно ремни обветшают и лопнут, и тогда земля уйдет под воду и все живое погибнет. Потом, как это уже происходило, Творец вытащит землю обратно из-под воды и создаст мир заново.

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

(*Книга пророка Даниила, 11:40—12:4*)

«Под конец же времени сразится с ним [Великим Гонителем] царь южный, и царь северный устремится как буря на него с колесницами, всадниками и многочисленными кораблями, наводнит их и пройдет через них.

И войдет он в прекраснейшую из земель, и многие области пострадают, и спасутся от руки его только Едом, Моав и большая часть сынов Аммоновых.

И прострет он руку свою на разные страны; не спасется и земля Египетская.

И завладеет он сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта; Ливийцы и Ефиопляне последуют за ним.

Но слухи с востока и севера встревожат его, и выйдет он в величайшей ярости, чтоб истреблять и губить многих.

И раскинет он царские шатры свои между морем и горою преславного святилища; но придет к своему концу, и никто не поможет ему.

И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге.

И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление.

И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, во веки, навсегда.

А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение».

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Христианские теологи, говоря о конце света, называют его «эсхатон».

Выдержки из Евангелия от Марка

Эсхатологическая проповедь (Марк, 13:1—4)

«И когда выходил Он [Иисус] из храма, говорит Ему один

из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!

Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей:

Скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все должно совершиться?»

Начало скорбей (Марк, 13:5—32)

«Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас;

Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, что это Я, и многих прельстят.

Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец.

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это начало болезней.

Но вы смотрите за собою; ибо вас будут предавать в судилища, и бить в синагогах, и пред правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства пред ними.

И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие.

Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите; ибо не вы будете говорить, но Дух Святый.

Предаст же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их.

И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы;

А кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего;

И кто на поле, не обращайся назад взять одежду свою.

Горе беременным и питающим сосцами в те дни!

Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала

творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет.

И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни.

Тогда, если кто вам скажет: «вот, здесь Христос», или: «вот, там», — не верьте.

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Вы же берегитесь; вот, Я наперед сказал вам все.

Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего,

И звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются.

Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою.

И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет Избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба.

От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето;

Так и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях.

Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет.

Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец».

Выдержки из Апокалипсиса (книга откровения Иоанна)

Число Зверя 666 (Откр. 13:15—18)

«И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя.

И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их.

И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть».

Последняя битва (Откр., 19:11—21)

«И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует.

Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим; Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого;

Он был облечен в одежду, обагренную кровию. Имя Ему: Слово Божие.

И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый.

Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя.

На одежде и на бедре Его написано имя: Царь царей и Господь господствующих.

И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по середине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию,

Чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих.

И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его.

И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою;

А прочие убиты мечем Сидящего на коне, исходящим из уст Его; и все птицы напитались их трупами».

Суд (Откр., 20:11—15)

«И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места.

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад

отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим,

И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая.

И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное».

Небесный Иерусалим (Откр., 21:1—8)

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их;

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло.

И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны.

И сказал мне: совершилось! Я есмь Алфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой;

Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном;

Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою».

Выдержки из 2-го послания Павла к Фессалоникийцам (II Фес., 2:1—12)

«Молим вас, братия, о пришествии Господа Нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему,

Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами (посланного), будто уже наступает день Христов.

Да не обольстит вас никто никак; ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек

Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога.

Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?

И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, —

И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего,

Того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными,

И со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения.

И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи,

Да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду».

Часть III

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ МИФА

«Я использую понятие «миф» в том смысле, в котором оно обычно употребляется в науке об истории и религии. Миф — это рассказ о происшествии или событии, в котором участвуют сверхъестественные, сверхчеловеческие силы или личности (и это объясняет, почему миф часто определяют просто как историю о богах). Мифологическое мышление — это противоположность научного мышления. Оно приписывает определенные феномены и события действию сверхъестественных, «божественных» сил, которые мыслятся либо просто динамически, либо представлены как олицетворенные духи или боги. Таким образом, мифологическое мышление обособляет определенные феномены и события, а также определенные области от привычных вещей и явлений мира, которые поддаются постижению и контролю. Научное мышление, напротив, заранее формирует «рабочую гипотезу», которая основывается на замкнутом континууме причины и следствия; фактически, научное мышление представляет собой предельное развитие такой рабочей гипотезы и предполагает единство всего мироздания и закономерно урегулированный порядок вещей и событий в мире.

Рудольф Бултманн,
немецкий теолог и критик Библии.
«Новый Завет и мифология. Основные труды»

Точки зрения на миф и смысл

Джеремия Кэртин (1835—1906), ирландский исследователь мифов:

«Здравый смысл пытается уверить нас, что мифы древности — это, грубо говоря, синоним лжи и выдумки; тогда как истинные мифы (а таких существует много) — это самые исчерпывающие и великолепные утверждения истины, известные человеку. Миф, даже если в нем содержится некий универсальный принцип, выражает его в конкретной форме; его своеобразные персонажи используют язык и аксессуары конкретного народа; благодаря таким знакомым и милым сердцу событиям, происходящим в конкретном месте и в конкретное время, мы получаем от мифа высочайшее наслаждение, и истина идет с ним рука об руку, как душа — с телом».

Зигмунд Фрейд (1856—1939),
австрийский основоположник психоанализа:

«Я уверен, что значительная часть мифологических понятий о мире, глубоко проникших в большинство современных религий, есть не что иное, как психология, спроецированная во внешний мир».

Ананда Кумарасвами (1877—1947), индийский философ XX века:

«Миф воплощает собой теснейшее сближение с абсолютной истиной, какое только может быть выражено в словах».

Николай Бердяев (1874—1948),
русский христианский философ-экзистенциалист:

«Поэтому я склоняюсь к убеждению в том, что тайны

божественного, равно как и человеческого и мирского бытия, со всеми своими сложнейшими историческими судьбами, поддаются разгадке лишь с помощью конкретной мифологии. Невозможно познать божественное бытие средствами абстрактного философского мышления, основанного на принципах формальной или рациональной логики; это возможно лишь с помощью конкретного мифа, который ощущает божественное бытие как полную страстей судьбу конкретных и деятельных личностей...»

Карл Густав Юнг (1875—1961),
шведский основоположник психоанализа:

«Миф — это естественная и необходимая ступень между бессознательным и сознательным мышлением. ...Я наконец понял, что значит жить с мифом и что значит жить без него. «Миф, — пишет один из отцов церкви, — это то, во что верят всегда, все и повсюду; поэтому человек, который считает, что может прожить без мифа или вне его, — это исключение. Он словно лишен своих корней, не имеет истинной связи с прошлым или жизнью предков внутри себя, ни даже с современным ему обществом».

Джордж Сантаяна (1863—1952),
американский философ, испанец по рождению:

«Примитивный склад мышления сохраняется в мифологии, которая представляет собой наблюдение за предметами, обремененное всем, что только может предложить драматическая фантазия. Это не сознательная поэзия, но и не полноценная наука, но в ней заключен общий источник и первичный материал того и другого.

Алан Уоттс (1915—1973),
английский писатель и западный комментатор
дзен-буддистских текстов:

«Каждое утвердительное заявление о предельных вещах должно совершаться в неоднозначной форме мифа или поэзии. Ибо в этой области прямая и указательная

форма речи может сказать лишь: «Neti, neti» («Нет, нет» на санскрите), поскольку то, что подлежит описанию и категоризации, неминуемо входит в область условного.

Миф — это символическая история, раскрывающая внутренний смысл вселенной и жизни человека».

Томас Манн (1875—1955), немецкий романист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1929 года:

«Теперь становится ясно, что все типическое — это, по сути дела, мифическое и что с равным значением можно говорить о «прожитом мифе» и о «прожитой жизни»... Интерес к мифологии так же родствен психоанализу, как интерес к психологии — всем творящим писателям. Проникновение в детство индивидуальной души — это в то же самое время проникновение в детство всего человечества, в первобытное и мифическое... Ибо миф есть основание жизни; это безвременная схема, благочестивая формула, по которой струится жизнь, бессознательно воспроизводя ее особенности... Чего он достигает, так это прозрения высших истин, содержащихся в действительности; улыбающегося познания вечного, непреходящего и достовернейшего; познания схемы, в которой и согласно с которой живет индивидуум, при своей наивной уверенности в себе как личности, уникальной для всего пространства и времени, не сознавая той степени, до которой его жизнь — лишь формула и повторение, а вехи на его пути расставлены теми, кто проделал этот путь прежде него».

Фридрих фон Шлегель (1772—1829), немецкий романтик, критик и философ:

«Мифология — это поэма природы. В нее искусно вплетены самые высокие идеалы; все в ней — взаимосвязь и трансформация, все соединено и превращается друг в друга, и эта связь и превращение составляют ее неповторимый смысл, ее внутреннюю жизнь, ее метод».

Ф.Макс Мюллер (1823—1900), родившийся в Германии британский лингвист, исследователь мифологии и переводчик индуистских Священных Писаний:

«Мифология неизбежна; мифология естественна; это врожденная необходимость языка, если признать язык внешней формой и проявлением мысли; по сути, это — теневой покров, который язык набрасывает на мысль и который не может исчезнуть до тех пор, пока язык не станет полностью соразмерен с мыслью, — чего не произойдет никогда. Несомненно, что мифология наиболее мощно выплескивается на ранних этапах истории человеческой мысли, но полностью она не исчезает никогда. В нащи дни тоже есть мифология, как и во времена Гомера, но только мы не воспринимаем ее — и постольку, поскольку мы сами живем под ее тенью, и постольку, поскольку все мы прячемся от полуденного сияния истины... Мифология в высшем значении — это власть, которой язык обладает над мыслью во всех возможных сферах умственной деятельности».

Бруно Беттельхейм (1903—1990), родившийся в Германии американский психиатр и интерпретатор волшебных сказок:

«Платон (который, возможно, понимал, что формирует ум человека, гораздо лучше некоторых наших современников, которые хотят, чтобы их дети имели дело лишь с «реальными» людьми и повседневными событиями) знал, какой интеллектуальный опыт нужен для того, чтобы обрести истинную человечность. Он предполагал, что будущие граждане его идеальной республики будут начинать свое образование с чтения мифов, а не с голых фактов так называемых рациональных наук. Даже Аристотель, мастер здравого смысла, говорил: «Друг мудрости — это друг мифа».

Современые мыслители, изучавшие мифы и волшебные сказки с философской или психологической точки зрения, приходят к тому же самому заключению, независимо от своих первоначальных предубеждений. Один из них, Мирча Элиаде, описывает мифы как модели

человеческого поведения, [которые] уже одним этим придают жизни смысл и ценность.

Роберт Грейвс (1895—1985), британский поэт, писатель и исследователь мифов, в соавторстве с израильским ученым Рафаэлем Патаи:

«Мифы — это драматические истории, образующие священный документ, который либо оправдывает сохранение древних установлений, традиций, ритуалов и верований на той территории, где они приняты, либо одобряет нововведения».

Бронислав Малиновский (1884—1942), родившийся в Польше британский антрополог:

«Я придерживаюсь убеждения, что существует особый класс историй, считающихся священными, которые воплощены в ритуалах, моральных установлениях и социальной организации и которые формируют целостную и деятельную часть первобытной культуры. Эти истории сохраняются не из праздного интереса, не потому, что они занятны и увлекательны; нет, для аборигенов они служат утверждениями первозданной, более великой и более достоверной реальности, которой определяется текущая жизнь, судьбы и деятельность человечества и знание которой обеспечивает человека основаниями для ритуалов и нравственных по́ступков, а также указаниями на то, как их следует совершать.

При изучении живого мифа... он представляется не символическим, а прямым выражением темы; это не объяснение, служащее для удовлетворения научного интереса, а выраженное в форме рассказа воскрешение первозданной реальности, призванное удовлетворить глубокие религиозные потребности, нравственные чаяния, социальные обязанности, притязания и даже практические нужды. Миф исполняет в первобытной культуре незаменимую функцию: он выражает, укрепляет и узаконивает верования; он охраняет и поддерживает мораль; он гарантирует эффективность ритуала и содержит в себе практические правила, которыми руководствуется человек в своей жизни. Таким образом, миф является жизненно важным компонентом челове-

ческой цивилизации; это не развлекательная сказка, а мощная движущая сила; это не интеллектуальное рассуждение и не художественный вымысел, а прагматический документ, удостоверяющий первобытную веру и нравственную мудрость».

Клод Леви–Штросс (р. 1908), французский антрополог и основоположник структурализма:

«С помощью научного мышления мы способны достичь господства над природой... миф не способен дать человеку больше власти над его окружением. Но крайне важно, что он дает человеку иллюзию, что он способен постичь вселенную и что он ее уже постиг».

Джозеф Кэмпбелл (1904—1987), американский исследователь мифов:

«Во всем обитаемом мире, во все времена и при любых обстоятельствах, мифы всегда процветали и являлись живым источником вдохновения для всего, что бы ни порождало человеческое тело и ум. Не было бы преувеличением сказать, что миф — это тайные врата, через которые неистощимая энергия космоса изливается в культурные достижения человека. Религии, философские учения, искусство, социальные установления первобытных и современных людей, базовые открытия науки и технологии, даже наполняющие наш сон сновидения — все это капли из волшебной кипящей чаши мифа».

Ганс Кюнг (р. 1928), современный католический теолог:

«...не стоит критиковать мифы, легенды, образы и символы из-за того, что они — мифы, легенды, образы и символы... Так, даже когда мифологический элемент просто исключается [из христианства] (как это, очевидно, происходит в теологии Просвещения и либерализма), то это идет только во вред христианской идее, которая сбрасывается за борт вместе с мифом».

Карлос Фуэнтес (р. 1928), современный мексиканский писатель и эссеист:

«Миф — это прошлое вместе с будущим, проявляющиеся в настоящем».

Луи-Огюст Сабатье (1839—1901), французский протестантский теолог:

«Создать миф, так сказать, осмелиться за реальностью здравого смысла искать более высокую реальность — это самый явный признак величия человеческой души и доказательство ее способности к бесконечному росту и развитию».

Рудольф Бултманн (1884—1976), немецкий теолог и «формальный критик» Библии:

«Настоящая задача мифа — не в том, чтобы дать объективную картину мира; в нем, скорее, выражается то, как мы, люди, понимаем свое место в окружающем нас мире. Таким образом, миф не поддается интерпретации в космологических терминах, он хочет, чтобы его толковали в терминах антропологии, а еще лучше — в экзистенциальных* терминах. Миф рассуждает о силе или силах, действие которых, как нам кажется, мы испытываем в качестве основы и ограничений нашего мира и наших собственных действий и страстей. Он говорит об этих силах, вводя их в круг привычных предметов и законов мира, в круг жизни человека, его привязанностей, мотивов и возможностей. Так происходит, скажем, когда миф говорит о мировом яйце или мировом древе, чтобы изобразить основу и источник мира графическим способом, или когда он говорит о войнах между богами, в результате которых сложились все законы и обстоятельства привычного нам мира. Миф повествует о неземном как о земном, о божественном как о человеческом.

Миф подчеркивает, что основа и цель привычного и доступного мира, в котором мы живем, не заключены в нем самом; напротив, его основание и границы лежат за пределами всего обычного и доступного; все, что окружает нас, постоянно находится под угрозой и в то же время под контролем сверхъестественных сил, которые и есть основание и границы мира. Кроме того, миф также выражает уверенность в том, что мы — не хозяева себе, что мы зависим не только от

* Здесь имеется в виду философия смысла человеческого существования. В данном контексте можно было бы сказать также «в терминах человеческих ощущений и опыта».

знакомого и привычного мира, но и, в еще большей степени, от сил, царящих над этим миром, и что именно благодаря этой своей зависимости от них мы способны освободиться от власти обычных сил.

...Миф говорит о богах как о людях, об их действиях — как о человеческих поступках, с тем лишь различием, что боги представлены как наделенные сверхчеловеческой мощью, а их поступки непредсказуемы и способны противоречить естественному ходу вещей. Таким образом, миф превращает богов (или Бога) в людей исключительной силы, и так происходит даже тогда, когда он говорит о божественном всемогуществе и всезнании, ибо здесь отличие от человеческой силы и знания не качественное, а лишь количественное.

Короче говоря, миф объективизирует трансцендентное в имманентное и, таким образом, доступное, что становится очевидным, когда культ все больше и больше превращается в действие, призванное повлиять на бога, отвратив от себя его гнев и завоевав его милость.

Рейнгольд Нибур (1892—1971),
американский протестантский теолог:

«Охватить взором целое возможно, лишь приняв, что человеческая история имеет некий смысл; а современный эмпиризм боится допустить это. История может приобрести смысл только с помощью мифологии».

(«Размышления о конце эпохи»)

«Только миф способен представить мироздание как царство согласованности и смысла, не отрицая при этом несогласующиеся между собой факты. Мироздание мифа согласованно, потому что все факты в нем связаны с неким центральным источником смысла; но эта согласованность не рациональна, поскольку миф не подчиняется бесплодной необходимости соединять между собой все явления в терминах непосредственной рациональной связности».

(«Интерпретация христианской этики»)

«Сущностная истина великого религиозного мифа не может быть измерена непосредственным происшестви-

ем, который породил его; она не может толковаться исходя из поверхностного намерения. История Вавилонской башни могла возникнуть на основе того, что недостроенный храм Мардука в Вавилоне взволновал воображение обитавших в соседней пустыне людей, созерцавших его несовершенное величие и размышлявших о причине, по которой он остался неоконченным. Непосредственной целью этой истории могла быть попытка создать мифологическое объяснение происхождения множества языков и культур. Но ни сомнительное происхождение этой легенды, ни фантастический характер ее предполагаемой истории не должны затемнять ее сущностную идею в сознании тех, кто достаточно мудр, чтобы распознать в первобытных фантазиях вечные и бесценные прозрения».

(«По ту сторону трагедии»)

Пауль Тиллих (1886—1965), родившийся в Германии американский протестантский теолог:

«Мифологический язык представляется в такой же степени древним, сочетая в себе техническое объяснение явлений с религиозным переживанием, которое обладает высочайшим смыслом даже для повседневной жизни. Религиозный язык — язык символико-мифологический, даже тогда, когда он интерпретирует факты и события, принадлежащие к царству обыденной встречи с повседневной реальностью. Современное смешение этих двух типов языка служит причиной одного из самых серьезных препятствий к пониманию религии, так же как в донаучный период — к постижению обычной повседневной реальности как объекта технического использования.

Язык мифа, так же как и язык повседневной реальности, может быть переведен на другие типы языка — поэтический или научный. Как и религиозный язык, поэтический язык живет в символах, но поэтические символы выражают иное качество столкновения человека с реальностью, чем религиозные символы».

Параллельные мифы и способы их интерпретации

ОТКРЫТИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИФОВ

Великие исторические встречи между европейцами и разнообразными народами Африки, Азии и Америки повлекли за собой множество далеко идущих последствий. Самым, возможно, интересным (а для первых исследователей — просто ошеломляющим) результатом было открытие того, что культуры, далеко отстоящие друг от друга во времени и пространстве, имеют чрезвычайно сходные между собой религиозные обряды и мифы.

К примеру, когда испанцы впервые ступили на землю Нового Света, они были потрясены многочисленными параллелями между туземными религиями и католицизмом. Сравнивая веру испанцев с верованиями мексиканских ацтеков, американский историк XIX века Уильям Прескотт писал в своей книге «Завоевание Мексики»:

> «Еще более исключительное совпадение с христианскими ритуалами представляет их церемония именования детей. Губы и живот ребенка окроплялись водой [sic!], и «Владыка должен был позволить священным каплям смыть грех, отягощающий его со времен еще до основания мира; так, чтобы ребенок мог родиться заново». О христианской морали нам напоминают их молитвы, в которой они используют стандартные формулы. «Неужели, о Владыка, ты уничтожишь нас навеки? Неужели это наказание должно уничтожить нас, а не изменить?» И снова: «Удели нам по твоему великому милосердию дары, которых мы недостойны по нашим заслугам».

...Нерушимо соблюдались тайны исповеди, а епитимьи, налагавшиеся на грешников, очень напоминали те, которые использует католическая церковь».

Конквистадоры обнаружили множество параллелей с католицизмом среди народов Инкской империи в Перу и Боливии. Вот отрывок из книги Джеральда Л.Берри «Религии мира»:

«Практиковались обряды крещения и исповеди. Жертвоприношение младенцев замещалось ритуалом, в котором проливалась кровь, но жизнь сохранялась (эту практику можно сопоставить с обрезанием мужчин). В ветхозаветной истории Авраама и Исаака можно найти отголосок инкского обычая предлагать в жертву сына за грехи отца. У инков был обряд святого причастия, в котором использовался священный хлеб «санку», обрызганный кровью жертвенной овцы [по-видимому, не «овцы», а ламы. — *Прим. автора.*]».

Американский художник и путешественник XIX века Джордж Кэтлин жил на Великих Равнинах Северной Америки среди множества различных племен. Он обнаружил, что ритуалы этих племен похожи на обряды древних евреев, описанные в Ветхом Завете. Вот что говорится в его «Письмах и записках об обычаях, традициях и обрядах индейцев Северной Америки»:

«На основании множества традиций, которые я наблюдал среди них, мне пришлось убедиться в том, что они решительно напоминают иудейские; многие из них столь своеобразны, что нельзя считать невозможным или, во всяком случае, исключительно маловероятно, чтобы два народа каким-то образом пришли к подобным обрядам и практиковали их совершенно одинаково.

...Первый и самый потрясающий факт среди североамериканских индейцев, отсылающий нас к иудеям, состоит в поклонении Великому Духу, или Иегове, которое было предписано евреям божественным повелением. И это — вместо многочисленных богов, как у древних язычников, и вместо самодельных идолов. Североамериканских индейцев ни в коем случае нель-

зя назвать идолопоклонниками: они обращаются напрямую к Великому Духу, или Иегове, без всяких посредников, конкретных или символических.

Индейские племена повсеместно разделяются на группы со своими вождями, символами, знаками и пр., и я нашел многие из их способов поклонения Богу исключительно похожими на те, что предписывает Моисей. У евреев была «святая святых», — то же можно сказать и об индейцах с их домами совета или знахарскими домами, которые всегда считались священными местами. Индейцы, так же как и древние евреи, не позволяют женщинам молиться вместе с мужчинами; едят они также раздельно.

В своих обрядах купания и омовения во все времена года, являющихся частью религиозных установлений, они отвели для мужчин и женщин разные помещения, и в этом снова наблюдается сходство [с евреями]. А традиция, принятая среди женщин, удаляться из общества на время месячных истечений, абсолютно созвучна закону Моисея... После этого требуется период уединения, очищения в проточной воде и умащения благовониями — точь-в-точь в согласии с иудейскими правилами; и лишь затем женщина может вернуться в жилище своей семьи. Для дикарского народа это — поистине исключительная традиция...

Во время пиров, постов и жертвоприношений они ведут себя во многом так же, как древние евреи. У многих из них пиры очень напоминают иудейскую Пасху. Среди других наблюдается обряд, похожий на израильтянский Праздник Кущей, который продолжался восемь дней (как сообщает нам история, на этом празднике евреи носили ивовые ветви и постились несколько дней и ночей): в этот день индейцы приносят в жертву первые плоды и все самое лучшее, что весьма похоже на еврейские жертвоприношения, совершавшиеся во искупление греха и ради заключения мира».

Кэтлин осторожно замечает, что не поддерживает популярную в те дни теорию, воплощенную сегодня в религии мормонов, согласно которой индейцы были потомками десяти потерянных

израильских племен, исчезнувших после падения северного царства Израиля; он также не пытается выдвинуть какую-либо теорию контактов между индейцами и древними евреями. Но задолго до триумфального шествия психиатрии и современной антропологии он выражает свое потрясение удивительным сходством между этими двумя народами.

Немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс, разворачивая свою теорию «осевого периода» в истории (которая будет обсуждаться подробнее в этой главе), упоминает о том, как были удивлены первые миссионеры-иезуиты в Японии, обнаружив секту японских буддистов, сильно напоминавшую европейских лютеран. Эта секта, которая известна теперь как буддизм «чистой земли», открыто заявляет о своей вере в «спасение милостью через веру»; в данном случае — веру в Амида-Будду. Грешник, согласно учению секты «чистой земли», абсолютно беспомощен и не имеет шанса на спасение, если полагается лишь на свои личные заслуги; но он должен верить в милость Амида-Будды, чтобы «возродиться в чистой земле», аналогично протестантскому «спасению милостью через веру в Христа».

Европейские колонизаторы и миссионеры развивали любопытные, а подчас и курьезные теории, чтобы объяснить феномен параллельных верований. Одна точка зрения, особенно распространенная среди испанских миссионеров в Мексике, состояла в том, что все неевропейские религии являлись «сатанинскими» подражаниями «истинной вере». Другая теория, не так далеко отстоящая от психологических теорий, которые мы рассмотрим ниже, гласила, что все эти верования — это проявления Божественного откровения, которое когда-то приняли и поняли по всей земле, но с течением времени оно подверглось искажениям. Лично мне из всех предлагавшихся объяснений сходства между католицизмом и религией перуанцев больше всего понравилось следующее: оказывается, Святой Фома в I веке н.э. совершил путешествие в Перу через Индию*. Близкое сходство религиозных обрядов Старого и Нового Света чрезвычайно занимало публику в XIX столетии; на этой почве пышно расцвела теория

* Испанский священник Гарсиласо де ла Вега был совершенно очарован перуанской легендой о Тунпе, мудром и почитаемом учителе, воздвигшем некое подобие креста Де ла Вега идентифицировал Тунпу со Святым Фомой, который, как считалось, совершил путешествие в Индию в русле миссионерской деятельности ранней христианской церкви Де ла Вега полагал, что Святой Фома из Индии отправился через Тихий океан в Перу, где он и проповедовал Евангелие

«затерянных племен Израиля», которая принималась всерьез вплоть до гражданской войны в Америке.

Но к 1900-му году серьезные ученые уже обратились к сравнительной религии и мифологии. Это привело к возникновению двух основных подходов к параллелям между мифами отдаленных друг от друга культур. Первый подход — теория рассеяния, утверждавшая, что мифы изначально создавались в нескольких немногочисленных областях, таких как Индия, а затем, еще в древнейшие времена, распространились по всему миру в ходе общения между различными культурами. Второй подход — психологический, полагающий, что основные элементы мифа — это продукты человеческой психики, универсальной для всех людей. В наши дни принимаются обе эти точки зрения, а также их синтез.

МИФ КАК ИСТОРИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН: МАТРИАРХАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Общепринято, что миф — это, по большей части, продукт устной истории, передававшейся из поколения в поколение. Поскольку миф начинается с сотворения мира, это поистине «история доисторических времен». Двое ученых, исследовавших эту тему, — швейцарский классик XIX века Иоганн Якоб Бахофен и английский писатель XX века Роберт Грейвс — обнаружили во многих греческих мифах свидетельства (порой завуалированные, порой совершенно откровенные) доисторической борьбы между матриархатом (обществом, управлявшимся женщинами) и нарождающимся патриархатом (обществом, во главе которого стоят мужчины). Для Бахофена и Грейвса эти свидетельства являются одним из центральных моментов древней истории Европы.

Читая сегодня такие мифы, часто поражаешься несоответствию между величественным философским содержанием и грубейшим отношением к женщине, выраженным в этих текстах.

Иоганн Якоб Бахофен (1815—1887)

Бахофен, уроженец швейцарского города Базеля, учился на юриста, но добился известности на поприще археологии и стал

знатоком древнегреческого языка. Его чрезвычайно привлекала греческая мифология, и он попытался обнаружить в ней ключи к древнейшей истории Европы. Бахофен пришел к выводу, что ранняя европейская культура отчетливо делится на три периода. Первый — период варварства; за ним последовал матриархат, который, в свою очередь, сменился патриархатом.

С его точки зрения, история этой борьбы, периодические отступления к состоянию более ранних фаз развития и конечная победа патриархата совершенно ясно зафиксированы в мифах.

Период варварства Бахофен называл «гетеризмом» (от греческого слова «hetero» — «оба»). На этой ранней стадии в обществе не доминировали ни мужчины, ни женщины. В этот период был широко распространен промискуитет, когда дети не знали своих отцов, женщины были беззащитны, место брака занимало насилие, а семейная жизнь практически не существовала. Ведущей богиней в греческой мифологии на этом этапе, согласно Бахофену, была Афродита, богиня любви, лишенная каких бы то ни было аспектов законности или нравственности.

Затем женщины сплотились между собой для самозащиты, что привело к развитию матриархального общества, сменившего хаос гетеризма. Здесь расцветают первые достижения цивилизации, законы, земледелие и искусство. Для этого периода были характерны любовь к матери и поклонение богине-матери, символом чего для Бахофена выступала Деметра, богиня урожая. В одном из главных греческих мифов дочь Деметры, Кору (или Персефону) у матери силой отнимает Гадес, повелитель Подземного мира. Согласно Бахофену, греческие мифы о свирепых воительницах, амазонках, являются воспоминаниями о том, как женщины объединялись в группы для самозащиты.

Бахофен интерпретирует миф об Эдипе как изображение трех стадий этой борьбы. Эдип убивает Сфинкса, символ старого века гетеризма (Сфинкс был гермафродитом, двуполым существом). Затем Эдип женится на собственной матери, царице Фив. Трагические события, объясняющие ее падение, таким образом интерпретировались как слабо завуалированный намек на переход от матриархата к патриархату.

Бахофен, как мы увидим, оказал влияние на развитие теории эдипова комплекса в исследованиях Зигмунда Фрейда. Не исключено, что Бахофен повлиял и на другого основоположника психоанализа, австро-американского ученого Альфреда Адлера.

Адлер считал, что угнетение женщин мужчинами во взрослом возрасте было гиперкомпенсацией за ту зависимость, которую мальчики в детстве испытывают по отношению к своим матерям. Грейвс и Бахофен сказали бы, что это было сознательным продолжением бессознательной наследственной памяти о том времени, когда взрослыми мужчинами управляли взрослые женщины.

Любопытно отметить, что уже в наше время в ходе борьбы за ратификацию поправки к Конституции США о всеобщем избирательном праве противники законопроекта предостерегали, что равноправие полов может привести к своего рода гетеризму (хотя именно этот термин они не употребляли).

Роберт Грейвс

Роберт Грейвс был, по всем стандартам, весьма плодовитым и разносторонним автором: ученым-классиком, критиком, романистом и поэтом. Сын ирландского писателя и немки, Грейвс был одаренным лингвистом, соавтором перевода «Рубайята» Омара Хайма и, как утверждалось в хвалебной статье в «Лондон Таймс», «величайшим лирическим поэтом Англии со времен [Джона] Донна». В США и Канаде он в настоящее время известен в первую очередь благодаря своим историческим романам о Древнем Риме — «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий», на основе которых были созданы популярные телепостановки Би Би Си.

Изучая греческие, германские, кельтские и семитские мифы, он пришел к выводу, что европейская мифология может быть правильно понята только в свете первобытного матриархального периода, когда по всей Европе почиталось универсальное божество Земли-Матери — «белая богиня» (такое название носит одна из книг Грейвса).

Грейвс чувствовал, что мифы, повествующие о мужчине-предводителе греческих богов, Зевсе, свергнувшем более ранний пантеон богов, а также ряд других миф являются свидетельствами торжества патриархата над матриархатом. Грейвс не сомневался в этом факте относительно древней Европы, но понимал, что в случае других культур это вовсе не обязательно. Во введении к своей знаменитой книге «Мифы Древней Греции» он писал:

«В древней Европе не было богов. Великая богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Религиозное мировоззрение пока еще обходилось без идеи отцовства. У богини были супруги-соправители, однако брала она их для удовольствия, а не для того, чтобы дать отца своим детям. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством... Ничто, тем не менее, не свидетельствует о том, что даже в те времена, когда женщины безраздельно властвовали в делах религии, для мужчин не оставалось поля деятельности, где они могли бы прилагать свои усилия без оглядки на женщин... Мужчины даже могли перенять ряд характеристик «слабого пола», которые ныне считаются функциональной особенностью мужчин. Им могли доверять охоту, рыбную ловлю, сбор отдельных продуктов питания, уход за стадами и участие в защите племенной территории от пришельцев, но, однако, лишь в той мере, в какой это не нарушало законов матриархата».

Грейвс, как и Бахофен, считал Луну важнейшим религиозным символом эпохи матриархата. Богиня Артемида (римская Диана), богиня охоты, соотносилась также с Луной, тогда как ее брат Аполлон связывался с Солнцем, будучи при этом покровителем искусств и культуры. Греки считали охоту совершенно несвойственным женщине занятием, и роль Артемиды можно с уверенностью интерпретировать как пережиток древнего матриархального мышления. Грейвс определяет функции женщин в Европе периода матриархата как охоту и войну; впоследствии мужчины стали торговать под контролем матриарха.

В согласии с примером лунной богини Артемиды и теориями Бахофена, Грейвс пришел к выводу, что в эпоху матриархата время измерялось по Луне, фазы которой находятся в соответствии с менструальным циклом женщин. Смена лунных религиозных культов на поклонение солнечному богу, а также переход от измерения времени по Луне к солнечному году — это иллюстрации перехода от матриархата к патриархату.

Конец матриархата не был полностью внезапным и окончательным; битвы между матриархатом и патриархатом до сих пор не утратили своего влияния на культуру. Современные движения в защиту женщин Грейвс рассматривал как реакцию на тиранию патриархата, преобладавшего в обществе с архаических времен.

В объяснении существования параллельных мифов Грейвс в основном придерживался теории рассеяния. И это вполне естественно, поскольку Грейвс в первую очередь занимался Европой и наблюдал существование определенных мифопроизводящих центров на древнем Ближнем Востоке и среди индоевропейских завоевателей Европы. Греческие мифы — это результат «синкретизма», смешения традиций этих двух мифологических источников.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФА

Адольф Бастиан (1826—1905)

Бастиан, уроженец Берлина, обучался врачебному делу, но вскоре утратил интерес к медицине и посвятил себя любимому занятию — этнологии, изучению культур. Знания в этой области он получил в основном благодаря самообразованию и путешествиям по Азии, Африке и Южной Америке, где он был глубоко впечатлен параллелями между мифами столь далеко отстоящих друг от друга культур. Бастиан одним из первых выразил этот феномен как нечто общее для всех людей во всех культурах и во все периоды истории.

Наблюдения Бастиана находят свое отражение в современных школах интерпретации мифа — структуралистской и психологической. Бастиан выдвинул теорию двух компонентов мифа: элементарной идеи (серии базовых мифологических образцов, общих для всех людей и, вероятно, связанных с мозговой деятельностью) и народной идеи (специфической «окраски» элементарной идеи в каждой данной этнической группе в данное время).

Как указывали индийский ученый Ананда Кумарасвами и американец Джозеф Кэмпбелл, подход Бастиана подобен традиционному индусскому взгляду на параллельные мифы. Существует «марга» — универсальный путь, элементы мифа, общие для

всех людей; это — элементарная идея Бастиана. Существует также «деши-марга»* — специфическая форма, которую «марга» принимает в данном месте и в данное время.

Лео Фробениус (1873—1938)

Фробениус был немецким ученым-любителем. Днем он работал в бременской экспортной фирме, а по вечерам изучал древнегреческий язык, антропологию и мифологию. При жизни Фробениус считался самым выдающимся в мире авторитетом в области доисторического искусства.

В 1898 году Фробениус выдвинул радикальную для того времени теорию, получившую название «Kulturkreislehre» (изучение «культурных кругов»). Он верил в существование центрального мифопроизводящего региона, простиравшегося от Западной Африки до Индии, а оттуда, через Индонезию и Океанию, — до американских континентов. Иными словами, Фробениус был первым радикальным сторонником теории рассеяния.

Фробениус заметил множество общих мифов и культурных взаимосвязей в этой области и решил, что параллельные мифы являются результатом культурного обмена между древними народами в масштабе, превышающем все допущения большинства современных ученых. К примеру, древние полинезийцы должны были совершать далекие морские путешествия, поскольку они населяли так далеко отстоящие друг от друга острова, как Новая Зеландия, Таити, остров Пасхи (у побережья Чили) и Гавайи. Фробениус считал, что было бы неразумно допустить, что древние полинезийцы возвращались обратно, доплыв, скажем, до острова Пасхи; гораздо вероятнее, что они продолжали свой путь и вступали в контакты с народами Перу, также расположенного на побережье Южной Америки. Существовали океанские течение, которые могли бы доставить гавайцев к северо-западному побережью современных США.

Следуя теориям Фробениуса, норвежский исследователь Тур Хейердал в 1947 году совершил свое знаменитое путешествие, описанное в «Кон-Тики», на южноамериканской лодке из дерева бальза из Перу в Полинезию, чтобы установить, были ли возмож-

---

* «Деши» на санскрите означает «принадлежащий стране». К примеру, «Бангладеш» переводится как «страна [«деш»] народа бенгальцев [Бангла]».

ны контакты между этими двумя культурами. «Кон-Тики» — это понятие, общее для перуанской мифологии, где оно обозначает имя бога-творца, и мифологии полинезийцев, где «тики» — это изображение бога.

Люсьен Леви-Брюль (1857—1939)

Знаменитый французский антрополог Леви-Брюль сосредоточил свои исследования в области мыслительных процессов «примитивных» или «традиционных» народов. Он пришел к выводу, что «традиционные» культуры не делают различия между природным (или объективным) миром и мифом, а также между мифом и историей. Для людей, живущих в таких культурах, миф — это единственная возможная история.

Леви-Брюль выдвинул влиятельную теорию параллельных мифов, утверждая существование в мифах единых для всех людей «мотивов» или «коллективных представлений» (общих сюжетов и действующих лиц).

Эмиль Дуркхейм (1858—1917)

> «...В религии есть нечто вечное, а именно — вера и культ.
> Поклоняться богам древности означало обеспечивать их материальное существование дарами и жертвоприношениями, ибо жизнь этого мира зависела от жизни богов.
> Даже самые рациональные и секуляризированные религии не могут и никогда не смогут сбросить со счетов весьма своеобразную форму мышления, которую нельзя назвать научной».

На протяжении этой книги мы уже приводили несколько цитат из Эмиля Дуркхейма, великого французского социолога, указавшего на силу мифа, связующего общество воедино. Согласно Дуркхейму, ключевая функция мифа — приспособление поведения индивидуума к группе.

Намереваясь первоначально стать раввином, Дуркхейм очень интересовался степенью влияния мифа и религии на культуру. В особенности его впечатлила идея «гражданского мифа», на кото-

ром держатся государства, а также сила мифа как проводника нравственных устоев.

Дуркхейм объяснял поразительные совпадения между мифами исторически и географически удаленных друг от друга культур теорией, которую он назвал теорией «коллективного сознания». Он считал, что основные компоненты мифа, сюжеты и действующие лица являются продуктами нервной деятельности человеческого мозга и, таким образом, они должны быть общими для всех людей. Эти универсальные мифологические паттерны и были «шаблонами», по которым создавался миф, и каждая отдельная культура заполняла такой «шаблон» своими специфическими элементами. В книге «Элементарные формы религиозной жизни» Дуркхейм писал:

> «Коллективное сознание — это высшая форма психической* жизни, поскольку это есть осознание сознания. Находясь вне и превыше всех индивидуальных и локальных обстоятельств, оно рассматривает явления в их непреходящем и сущностном аспекте, кристаллизирующемся в общепонятные идеи... Оно одно способно предоставить мышлению шаблоны, приложимые решительно ко всем вещам и дающие возможность рассуждать о них».

Идея о том, что миф — это продукт коллективного сознания, общего источника наследственной памяти и общих для всех людей образов и представлений, является прямым вкладом Дуркхейма в психологическую интерпретацию мифа, разработанную Карлом Юнгом (и расширенную Джозефом Кэмпбеллом), а также в структуралистскую школу интерпретации мифа, основанную Клодом Леви-Штроссом.

Личная жизнь Дуркхейма отмечена страшной трагедией. Он был тонким, нервным и чувствительным человеком, и I мировая война нанесла по нему жестокий удар. Он подвергся нападкам как «профессор германского происхождения», преподававший «иностранную» науку социологию, которая считалась заимствованной у ненавистных немцев. Не исключено, что в этих напад-

---

* Дуркхейм, а вслед за ним и Юнг, использовали термин «психический» в значении «мыслительный», а не в смысле «паранормальный» или «сверхъестественный»

ках содержался и элемент антисемитизма. Сын Дуркхейма, солдат французской армии, в 1916 году погиб в бою, а сам Дуркхейм умер в следующем году, в возрасте всего лишь пятидесяти девяти лет.

Как мы увидим далее, вклад Дуркхейма в интерпретацию мифа трудно переоценить.

Бронислав Малиновский

> «Миф в том виде, в каком он существует в дикарском сообществе, то есть в своей примитивной форме, — это не только история, но и живая реальность. Это вовсе не занимательный рассказ о том, что происходило в некие незапамятные времена, — нет, миф продолжается вплоть до настоящего времени, до сих пор влияя на судьбы мира и людей. Миф для дикаря — это то же самое, чем для верующего христианина являются библейские истории Творения, Грехопадения, Распятия Христа. Подобно тому, как наша священная история продолжает жить в ритуалах, управляет нашей верой и поведением, так и миф продолжает жить для дикаря».

Бронислав Малиновский родился в Польше. Он стал выдающимся английским антропологом, изучавшим влияние мифа на первобытные культуры, в особенности на те, которые принадлежали к его основному полю деятельности на островах Тробриан в Тихом океане. Малиновский видел, что «первобытные» народы считают миф единственной имеющей значение историей и уверены в том, что вся современная объективная жизнь — это лишь повторение событий, описанных в мифах.

Малиновский подчеркивал, что миф играет центральную роль во всех культурах, а не только в первобытных. Миф, с его точки зрения, — это источник ритуалов, моральных устоев и социальных отношений, это ключевой элемент в мировоззрении народа.

Малиновский разделял взгляды Дуркхейма, но его объяснение параллельных мифов испытало сильное влияние теорий Фробениуса: Малиновский полагал, что основные мифологические темы рассеялись по разным областям из несколько мифопроизводящих центров.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В МИФЕ

Пьер Жане (1859—1947)

> «Мы не вправе предположить, что какая-либо религия смогла бы долго продержаться, если бы боги не говорили».

К 1900-му году были выделены и в целом общеприняты среди психологов и медиков четыре различные функции бессознательного мышления:

1. Консервативная функция: фиксация личных воспоминаний.
2. Диссолютивная функция: объекты, бывшие когда-то сознательными, становятся бессознательными (например, привычки) или подавляются.
3. Творческая функция.
4. «Мифопоэтическая функция». Этот термин был создан английским литературным критиком и психологом-любителем Фредериком Майерсом, который, возможно, первым заявил, что мифы и эпические истории являются неотъемлемой частью человеческой ментальной структуры и что они постоянно сочиняются и разыгрываются в сфере бессознательного.

В это время Зигмунд Фрейд, Пьер Жане и Карл Юнг находились на ранних этапах своей деятельности. В 1900 году сорокачетырехлетний Зигмунд Фрейд публикует свою книгу «Толкование снов», явившуюся поворотным событием в его карьере. В этом же году впервые прозвучали рассуждения о том, что мифы могут являться выражениями образов бессознательного мышления. Пьеру Жане в 1900 году был сорок один год; Юнг был студентом-медиком двадцати пяти лет от роду.

Жане, французский психиатр и философ, был другом американского психолога и философа Уильяма Джеймса и французского философа Анри Бергсона, родившегося в один год с Жане. Берсон оказал на Жане особо сильное влияние, так же как и Жане — на Бергсона. Жане, как и его друг Джеймс (автор знаменитого труда «Многообразие религиозного опыта»), считал религию и мифологию основными ключами к пониманию чело-

веческой психики. Хотя Жане был одним из самых известных и уважаемых ученых своего времени, сейчас он почти забыт на фоне своих великих современников Фрейда, Юнга и Адлера. Фрейд никогда не признавал своей зависимости от Жане, теории которого гневно отвергал главный ученик и биограф Фрейда Эрнст Джонс.

Жане, а следом за ним и Юнг, ощущал, что ключом к пониманию различных форм человеческого поведения является понимание духовной природы человека. Жане считал духовность существенной частью человека, а не просто фазой в культурном развитии, которую следует «перерасти» и заменить «научным мышлением» (именно этого последнего мнения придерживался Фрейд). Жане начал свою деятельность с изучения медиумов-спиритуалистов, а позднее, в сотрудничестве с католическими авторитетами, изучал Мадлен — женщину, которую охватывали всплески религиозного экстаза. У Мадлен даже были стигматы — настоящие физические раны в виде следов от гвоздей на ладонях, как у Христа; подобное явление наблюдалось на протяжении истории у многих святых. Жане диагностировал такие взрывы религиозного экстаза как уникальную форму истерии, но рассматривал их как возможный ключ к мифологическим функциям мышления.

Жане, воспитанный в католической вере, был, тем не менее, сдержан в выражении своих религиозных воззрений; ему приписывают как агностицизм, так и действительную принадлежность к католичеству. Как бы то ни было, эксперименты с Мадлен произвели на него глубокое впечатление. Он приложил все усилия к тому, чтобы его собственные дети воспитывались в протестантской вере, хотя сам он был погребен по католическому ритуалу.

Жане рассматривал функции мышления как «экономии». Иными словами, он считал, что мышление здорового человека распределяет ментальные ресурсы наиболее эффективным способом. К примеру, человек, придерживающийся холодной логики в ущерб эмоциональной жизни, не вполне здоров; то же можно сказать и о человеке, в котором эмоции резко доминируют над логикой. Жане верил в существование функции мышления, которую он назвал «Fonction fabulatrice», — самостоятельного мыслительного процесса, в ходе которого сочиняются мифы и сказки.

Жане придерживался вполне определенных взглядов на развитие мифа и религии. Люди, находящиеся на самом примитивном уровне, исполняют ритуалы, которые являются, по словам Жане, «сложными системами поведения, в которых жестко фиксированы даже самые ничтожные детали». Эти ритуалы могут иметь природу «сделки» (к примеру, жертвоприношения богу дождя с целью вызвать дождь); после того как ритуал выполняется на протяжении некоторого времени, сочиняется миф, чтобы оправдать его необходимость и обеспечить дальнейшее его соблюдение. Такую же точку зрения высказывал Роберт Грейвс. Для этой стадии религиозного мышления характерен анимизм — наделение природных явлений (скал, озер и т.п.) душой, или их персонификация. Жане писал: «Анимизм спонтанно расцветает в тот момент, когда вы впервые понимаете необходимость проводить различие между человеком, который говорит и действует как друг, и невидимым, неслышимым врагом, крадущимся за ним по пятам».

Согласно Жане, чтобы общество функционировало, оно нуждается в религии и мифе. Все общества везде и повсюду заключали с Богом или богами союзы или «заветы», — по словам Жане, «из-за страха, потребности в морали или необходимости в руководстве и любви». Жрецы и шаманы нужны обществу, чтобы «заставить бога говорить». Если бог не может говорить, общество отказывается от мифа. Примеры этого можно обнаружить в целом ряде обществ, особенно примечательные — у греков и римлян. Когда олимпийские боги не смогли «говорить», отвечая нуждам общества, люди обратились к восточным мистическим религиям, таким как культ Исиды или митраизм; в конце концов старая религия была полностью замещена этими верованиями, а затем — христианством.

Боги могут говорить по-разному. Один способ — разговор с молящимся, который Жане считал внутренним диалогом между человеком и его духом или между человеком и неврологически обусловленным «богом». Люди, согласно Жане, обладают врожденной верой в существование своего «духовного двойника» — души. Одержание демоном Жане считал вывернутой наизнанку молитвой: духовный двойник становится злым в результате проекции зла на этого двойника, необходимой, чтобы исключить зло из сознания личности.

Кроме того, Жане полагал, что ритуал предшествует мифу,

что миф возникает для абстрагирования философских размышлений и превращается в религию — систематический диалог между личностью и душой, происходящий в фиксированных для всего сообщества формах.

Зигмунд Фрейд (1856—1939)

Зигмунт Фрейд родился во Фрейбурге (Моравия) в 1856 году. Почти всю свою жизнь он провел в Вене. Признанный отец современного психоанализа, Фрейд считал, что изучение сновидений — это сущностно важный элемент для понимания бессознательной психики человека. Миф, по Фрейду, — это коллективная проекция процессов, происходящих в бессознательной области ума, своего рода «коллективное сновидение». Но, в отличие от Бастиана и Юнга, Фрейд считал, что мифологические образы — это продукты подавленных личных воспоминаний детства, разыгрывающиеся на языке сознания; иными словами, они являются продуктами только индивидуального бессознательного, а не какой-либо универсальной мифопорождающей сферы бессознательного, общей для всех людей. Параллельные мифы Фрейд объяснял тем, что у всех людей в мире есть отец и мать, и по этой причине образы личного бессознательного в разных культурах одни и те же.

Сам Фрейд тщательно изучал мифологию. Описывая «эдипов комплекс», теорию инфантильной эротической любви, которую мальчик испытывает к своей матери, Фрейд использовал греческий миф: Эдип — трагический персонаж, убивающий своего отца и берущий в жены родную мать (подробнее см. ниже). Когда Фрейду понадобился термин для описания избыточной любви человека к самому себе, он снова обратился к греческой мифологии; так возникло общеизвестное в наши дни понятие нарциссизма (от истории Нарцисса).

Отсылки к мифологии Фрейд использовал даже в своей собственной жизни. Популяризируя «эдипов комплекс», он говорит о своей дочери и профессиональной подопечной Анне Фрейд как о своей « Антигоне» (Антигона была дочерью Эдипа от его матери, царицы Иокасты). Этим Фрейд хотел подчеркнуть, что Анна была ему ближе, чем просто дочь.

Фрейд считал миф переходной фазой на пути к «неизбежному» научному мировоззрению. Несмотря на то что он был

воспитан в духе ортодоксального иудаизма (и, возможно, в детстве испытал сильное влияние нянек-католичек), Фрейд писал, что он «полностью отчужден от религии своих предков, как и от любой другой». В своих трудах он называет себя «атеистом». В книге «История психоаналитического движения» он пишет:

> «В четырех эссе на тему «Тотем и табу» я попытался обсудить проблему расовой психологии средствами анализа. Это должно привести нас непосредственно к истокам возникновения запрета на инцест и к истокам сознания.
>
> Если мы принимаем эволюцию представлений человека о вселенной... согласно которой АНИМИСТИЧЕСКАЯ фаза сменяется РЕЛИГИОЗНОЙ, а та, в свою очередь, — НАУЧНОЙ, то мы без труда можем проследить судьбы «всемогущества мысли» в каждый из этих трех периодов. На анимистической стадии человек приписывает всемогущество себе; на религиозной — уступает его богам, но не отказывается от него всерьез, ибо сохраняет за собой правой управлять богами, тем или иным способом влияя на них в своих интересах. При научном подходе к жизни для всемогущества человека не остается места; человек признает свое ничтожество и смиренно покоряется смерти, как и прочим неизбежностям. И все же, поскольку мы полагаемся на мощь человеческого духа, воспринимающего законы реальности, в нас продолжает жить осколок этой первобытной веры во всемогущество мысли».

Хотя Фрейд не рассматривал элементы мифа ни как универсальный компонент бессознательной сферы любого человека, ни как врожденную черту самой области бессознательного, проекцию коллективных внутренних образов бессознательного мышления всего рода человеческого, он считал мифы внешней проекцией бессознательного (пусть даже чистр индивидуального бессознательного), а также признавал общность между образами сновидений и мифов. В этом он заложил основание для трудов своего «наследника», а впоследствии оппонента, Карла Юнга.

В своем труде по истории психоаналитического движения,

«Открытие бессознательного», Генри Ф. Элленбергер предполагает наличие прочных связей между матриархальными теориями Бахофена и психологическими теориями Фрейда. Бахофен прослеживал связи между мифологией и психологией личности, а параллели между бахофеновской теорией развития ранней европейской культуры и фрейдовским взглядом на развитие человечества просто разительны.

Бахофен	Фрейд
Период гетеризма и примитивного сексуального промискуитета.	Инфантильная сексуальность, «полиморфная перверзия».
Матриархат: в обществе господствуют «матери».	Доэдипов период сильной привязанности и полной зависимости ребенка от матери.
Дионисийский период: обращение к оргиастическим культам, «откат» к гетеризму. Миф об Эдипе: свидетельство сдвига от матриархата к патриархату. «Социальный стресс» перехода.	«Фаллическая» стадия: мальчик начинает сознавать наличие у себя пениса и свою «мужественность». Мальчик переживает «эдипову стадию», сексуальную привязанность к матери, зависть к отцу; испытывает стресс.
Патриархат: господство «отцов».	Стадия зрелых гениталий: мальчик идентифицируется с Отцом, девочка — с Матерью.
Подавление матриархата и гетеризма, которым отныне остается место только в мифе.	Инфантильная «амнезия»: подавление детских воспоминаний.

Чтобы лучше понять связь между мифом об Эдипе и фрейдовской теорией инфантильной сексуальности, полезно прочесть этот миф.

Миф об Эдипе

Лай, царь Фив, был женат на Иокасте, но брак их был бездетным. Отчаявшись родить наследника, Лай отправил посланца к оракулу бога Аполлона в Дельфы за советом. Оракул объявил ему ужасное известие: лучше всего Лаю оставаться бездетным. Ибо когда ребенок Лая и Иокасты вырастет, он убьет своего отца и женится на собственной матери. Устрашенный пророчеством, Лай приказал заточить Иокасту в одной из комнат своего дворца; отныне она никогда не должна была делить с ним ложе.

Но Иокаста была огорчена этим и хотела родить ребенка; она стала придумывать план, как переспать с царем. Однажды, подкупив слуг, Иокаста подстроила так, что Лай выпил много вина. Греки обычно смешивали вино с водой, чтобы уменьшить его крепость. Но слуга поднес Лаю неразбавленное вино, чтобы царь опьянел. Затем Иокаста соблазнила пьяного мужа и зачала сына.

Помня о пророчестве, Лай взял новорожденного мальчика, проткнул его ступни гвоздями, связал их вместе и бросил младенца умирать на пустынной горе.

Но боги судили сыну Лая долгую жизнь. Проходивший мимо со своим стадом пастух услышал плач младенца, принес его домой и выкормил. Увидев проколотые ступни ребенка, пастух назвал его Эдипом, что значит «опухшая ступня». Впоследствии пастух отвел найденыша в город Коринф и показал его слугам царя Полиба. Ребенок был царского происхождения, а царь Полиб и его жена Перибея были бездетны и нуждались в наследнике. Итак, Полиб усыновил Эдипа.

По другой версии мифа, Лай, проколов ступни младенца и связав их, поместил мальчика в деревянный сундук и бросил его в море. Когда волны вынесли сундук на берег, его нашла царица Перибея. Чтобы обеспечить трон наследником, Перибея отнесла младенца в кусты и стала кричать, словно роженица. Слуги услышали эти крики, и вскоре по всему царству разнеслась весть, что Перибея наконец родила наследника. Как бы то ни было, Полиб и Перибея любили Эдипа и воспитывали его как наследного царевича.

Однако когда Эдип подрос, по его внешности стало очевидно, что он не мог быть родным сыном Полиба и Перибеи. Другие

дети стали дразнить его за это; возникли пересуды, и все во дворце сплетничали о том, кто мог быть настоящими родителями царевича.

В поисках совета Эдип отправился к оракулу, чтобы узнать, кто его родители. Оракул предсказал Эдипу, что ему суждено убить своего отца и жениться на матери. Пифия, голос оракула, сказала Эдипу: «Убирайся из этого священного места, чудовище! Убирайся и не оскверняй своим присутствием священный оракул!»

Потрясенный словами оракула и все еще считая, что его настоящими родителями были Полиб и Перибея, Эдип решил уйти из Коринфа.

По дороге Эдип встретил царя Фив Лая, своего настоящего отца. Лай велел юноше уступить ему дорогу, ибо он — царь. Эдип ответил Лаю, что он сам — наследный царевич и не уступит. Лай приказал своему колесничему ехать вперед, не обращая внимания на дерзкого юношу. Оскорбленный Эдип метнул копье в колесничего и убил его. Лошади встали на дыбы, сбросили Лая с колесницы, и царь тут же скончался. Пророчество исполнилось: Эдип убил своего родного отца.

Лай до этого происшествия направлялся к дельфийскому оракулу за советом, как избавить свое царство от Сфинкса. Это ужасное существо имело голову женщины, хвост змеи, тело льва и орлиные крылья и было двуполым. Оно останавливало всех путников на дороге в Фивы и задавало им загадку. Если несчастный путешественник не мог найти ответа, Сфинкс убивал его и пожирал. Это мешало торговле, и царская казна Фив почти опустела.

Эдип, приближаясь к Фивам, встретил Сфинкса, который задал ему загадку: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?» До сих пор на этот вопрос не смог ответить ни один путник. Но Эдип без всяких колебаний тут же ответил: «Это — человек». Ибо во младенчестве человек ползает на четырех конечностях; становясь взрослым, он ходит на двух ногах; в старости же он нуждается в трости — «третьей ноге». Сфинкс пришел в отчаяние от сообразительности Эдипа и бросился со скалы, разбившись насмерть.

Фиванцы обрадовались избавлению от ужасного Сфинкса. Теперь их город снова стал одним из богатейших в Греции, и они провозгласили Эдипа своим царем. Поскольку Лай был мертв,

Иокаста с радостью вышла замуж за юного героя. Откуда ей было знать, что Эдип — ее родной сын? Итак, исполнилось второе пророчество.

Боги не могли оставить без наказания такое преступление, и Фивы поразила жестокая чума. Эдип отправил гонца к оракулу, чтобы узнать, как избавиться от эпидемии. Пифия ответила: «Изгоните из города убийцу царя Лая, и чума прекратится». Эдип узнал ответ оракула и издал указ, содержащий проклятие убийцы Лая и повелевающий отправить преступника в изгнание. Начались розыски убийцы.

Прошло несколько месяцев, а преступник так и не был найден. Эдип был в отчаянии, поскольку чума продолжала свирепствовать. Наконец, слепой прорицатель Тиресий, знаменитый по всей Греции, попросил о встрече с царем Эдипом.

У самого Тиресия за плечами тоже была богатая событиями история. Говорят, что однажды он увидел двух совокупляющихся змей, что считается дурной приметой. Когда змеи попытались броситься на него, Тиресий убил своим посохом самку змеи. А согласно греческой традиции, если мужчина убьет самку змеи, он превращается в гомосексуалиста, а то и вовсе в женщину. И Тиресий стал похотливой распутной женщиной. Снова сделаться мужчиной Тиресий смог лишь тогда, когда вернулся на прежнее место и убил самца змеи.

Другая история повествует о том, как Тиресий однажды случайно увидел девственную богиню Афину обнаженной во время купания. За это он был лишен зрения. Но его мать пошла к Афине и объяснила ей, что Тиресий увидел ее купающейся не намеренно, а по несчастливой случайности. Афина оставила его слепым, но велела своей ручной змейке вылизать уши Тиресия, благодаря чему он научился понимать пророческий язык птиц и стал величайшим прорицателем Греции.

По другой версии этого мифа, он был ослеплен Герой. Гера и Зевс, как это часто с ними бывало, поссорились из-за супружеской неверности Зевса. Зевс заявил в свою защиту, что женщины получают от любви больше удовольствия, чем мужчины. Гера не согласилась с этим и позвала Тиресия, который побывал и мужчиной, и женщиной, чтобы тот разрешил их спор.

Тиресий ответил: «Если считать, что любовное наслаждение состоит из десяти частей, то трижды по три части получает женщина и лишь одну — мужчина!» Зевс от души рассмеялся,

услышав это, ибо Тиресий подтвердил его точку зрения; Гера же была в ярости и ослепила прорицателя. Но Зевс в награду за помощь даровал Тиресию исключительно долгую жизнь. Вот почему этот великий провидец появляется в сотнях мифов, события которых отделены друг от друга огромными промежутками времени.

Зная о мудрости Тиресия, цари очень часто обращались к слепому прорицателю с просьбой уладить какой-либо раздор, раскрыть преступление или ответить на трудные вопросы. Так что Эдип с радостью принял предложение Тиресия о помощи. Тиресий сказал царю, что убийца Лая был потомком детей, произошедших из зубов Гидры. Если убить этого потомка, чума прекратится.

Гидра была чудовищем, которое убили уже давным-давно; когда ее зубы посеяли как семена из земли выросли взрослые люди. Одним из их потомков был престарелый Менекей, отец Иокасты и дед Эдипа. Услышав слова Тиресия, Менекей понял, что годы его все равно сочтены, и бросился вниз с городской стены. Тогда чума прекратилась.

Но Тиресий имел в виду вовсе не Менекея: он подразумевал Эдипа, который, будучи внуком Менекея, тоже происходил от зубов Гидры. Когда Тиресий при всем собрании фиванского двора заявил, что должен умереть внук старика, Иокаста ответила, что у Менекея не было внуков. Тогда прорицатель сказал, что Эдип был внуком Менекея, сыном Лая, а также сыном и мужем Иокасты; Эдип убил своего отца и женился на матери. Что еще более ужасно — у Эдипа и Иокасты от их нечестивого союза уже родилась дочь Антигона.

Сперва эта новость казалась слишком потрясающей, чтобы поверить в нее. Но Эдип хотел раз и навсегда разобраться с этим делом. Он послал гонца к Перибее и спросил ее о своем происхождении: был ли он в действительности сыном Полиба и Перибеи или нет? В ответ Перибея прислала ему письмо.

Несколько лет назад ее муж сообщил ей ужасное пророчество оракула относительно Эдипа. В письме она пересказала это пророчество и поведала о том, как был найден и воспитан ребенок Эдип. Потом она уточнила, что младенца нашли примерно в тех же местах, где впоследствии был убит царь Лай. Это роковое свидетельство, подтверждавшее слова Тиресия, окончательно ужаснуло Эдипа.

Царица Иокаста от стыда повесилась. Эдип, охваченный раскаянием и отвращением, выколол себе глаза. Его поводырем стала Антигона, приходившаяся ему одновременно сестрой и дочерью.

Говорят, что после этого Эдип много лет скитался по свету и встретился с героем Тесеем. Истории о его смерти противоречивы: одни утверждают, что он с честью погиб в сражении, другие — что его замучили в Колоне мстительные фурии.

«Вполне возможно, что многим видам страдания нельзя найти логического объяснения. Но переживая определенный опыт или размышляя над определенными событиями, мы можем случайно уловить, на какое-то ускользающее мгновение, туманный край одеяния истины. Мы можем уловить его, размышляя о Распятии (считая его добровольным и в то же время необходимым страданием самого Бога). А еще мы можем уловить его, читая определенные мифы, такие, как миф о смерти слепого Эдипа, на долю которого выпали столь жестокие и несправедливые страдания. Но следует понять и примирение, к которому взывает этот миф, — не в свете будущей жизни, но в свете существования вечной реальности»

Виктор Голланц (1893—1967),
английский публицист и писатель.
«Из тьмы к свету»

Карл Густав Юнг

«Миф — это естественная и незаменимая промежуточная ступень между бессознательным и сознательным мышлением.

Потребность в мифологических утверждениях удовлетворяется тогда, когда мы обретаем точку зрения на мир, адекватно объясняющую существование человека в космосе, точку зрения, которая произрастает из всей нашей психической целостности, из сотрудничества между сознанием и бессознательным. Бессмысленность ущемляет полноту жизни и, таким образом, равнознач-

> на болезни. Смысл позволяет вынести очень многое, быть может, все, что угодно. Никакая наука никогда не заместит миф; миф нельзя сделать ни из одной науки. Ведь дело не в том, что Бог — это миф, а в том, что миф есть откровение божественной жизни в человеке. Не мы изобретаем миф; скорее, он говорит с нами, как слово Бога.

Карл Густав Юнг родился в семье протестантского священника в немецкоязычном кантоне Базеля; всю свою жизнь он прожил в Швейцарии, между Базелем и Цюрихом. Любопытно, что Иоганн Якоб Бахофен был другом и коллегой деда Юнга по отцовской линии, которого тоже звали Карлом Густавом, и во времена отрочества будущего великого психиатра на улицах Базеля нередко можно было встретить престарелого Бахофена. Обучаясь на врача и невролога, Юнг стал учеником Зигмунда Фрейда, который в то время называл Юнга «своим любимым сыном» и «наследником» в роли вождя международного психиатрического движения.

Но к 1912 году Юнг и Фрейд расстались, причем не в самых лучших отношениях. Юнг легко признавал вклад Жане и прочих мыслителей в теории Фрейда; Фрейд же отрицал это со всей горячностью. Юнг ставил под вопрос священную для Фрейда «эдипову теорию» инфантильной сексуальности: Юнг считал смешным предположение о том, что ребенок мужского пола обязательно испытывает сексуальную тягу к своей матери и ревнует к отцу. Кроме того, Юнг признавал заслуги таких антропологов и социологов, как Бастиан, Леви-Брюль и Дюркхейм, включая их достижения в свою психологическую теорию. Но самое важное, пожалуй, то, что он вслед за Фрейдом продолжал верить в определенную взаимосвязь образов сновидений и мифологических образов. Однако, в отличие от Фрейда, Юнг не считал, что эти образы порождены личными воспоминаниями человека.

Еще в начале своей деятельности Юнг заметил связь между символами сновидений и символами мифов:

> «Еще в 1909 году я обнаружил, что не могу ничего поделать с латентными психозами, если не понимаю их символизма. Тогда я и начал изучать мифологию».

Юнг критически относился к тому, что Фрейд принижал миф и религию, считая их просто проекциями личного бессознательного. Для Юнга образы мифов были универсальными, общими для всех людей. Такую теорию в 1970—1980 гг. популяризировал Джозеф Кэмпбелл, который писал:

> «Совершенно иной подход [к мифу] представлен Карлом Г.Юнгом, с точки зрения которого образная система мифологии и религии служит позитивным, жизнеутверждающим целям. Согласно его мнению, все органы нашего тела (не только те, что отвечают за секс и агрессию) обладают собственными целями и мотивами; некоторые из них подчиняются сознательному контролю, другие — нет. Наше сознание, ориентированное на внешний мир, имеющее дело с повседневными потребностями, может упускать из виду эти внутренние силы; мифы же, как утверждает Юнг, при правильном прочтении дают нам возможность снова обратиться к ним. Мифы образным языком повествуют нам о психических силах, которые следует распознать и интегрировать в свою жизнь, силах, которые всегда взаимодействуют с духом человека и представляют мудрость всего рода человеческого, благодаря которым человек выдержал испытание тысячелетий [sic]. Таким образом, они не были и никогда не будут замещены достижениями науки*, имеющей дело скорее с внешним миром, чем с теми глубинами, в которые мы погружаемся во сне. Благодаря диалогу с этими внутренними силами, осуществляющемуся в сновидениях и при изучении мифов, мы сможем узнать и признать куда более широкие горизонты нашего собственного, более глубинного и мудрого, внутреннего «я». Аналогично, и общество, которое сохраняет и поддерживает свой миф, будет питаться из глубочайшей и богатейшей сферы человеческого духа».

Вслед за «элементарной идеей», предложенной Бастианом, «коллективным сознанием» Дуркхейма и «коллективными пред-

---

* Здесь можно вспомнить, что Фрейд рассматривал мифы как проекции только личного бессознательного и считал, что мифологическое мышление неизбежно сменится «научным»

ставлениями» Леви-Брюля, Юнг верил в существование «коллективного бессознательного», считая, что каждый человек несет в себе врожденный, базирующийся в нервной системе элемент этого бессознательного, проявляющийся в сновидениях и мифах.

Сценарии наших сновидений и мифов содержатся в коллективном бессознательном; персонажей их Юнг назвал «архетипами». Например, Юнг и Кэмпбелл идентифицируют «героя» как архетип, общий для всех параллельных героических мифов. Точно так же в ряде сходных между собой мифов появляется архетип «трикстера».

По поводу коллективного бессознательного Юнг писал:

> «Более или менее поверхностный слой бессознательного, без сомнения, является личным. Я называю его «личным бессознательным». Но это личное бессознательное покоится на более глубинном слое, который не происходит из человеческого опыта и не является личным приобретением. Это — врожденный слой, который я называют «коллективным бессознательным». Я выбрал термин «коллективное», поскольку эта часть бессознательного — не индивидуальная, а универсальная; в отличие от содержимого личной психики, его содержимое более или менее одинаково повсюду и у всех индивидуумов. Иными словами, у всех людей оно идентично и, таким образом, составляет общий психический субстрат сверхличностной природы, представленный в каждом человеке.
>
> Итак, я выдвигаю следующий тезис: в дополнение к нашему непосредственному сознанию, которое обладает чисто персональной природой и которое мы считаем единственной эмпирически познаваемой психикой (даже если мы согласны признать в качестве приложения к нему личное бессознательное), существует еще и вторая психическая система, обладающая коллективной, универсальной и безличной природой, идентичная для всех индивидуумов. Это коллективное бессознательное не развивается вместе с индивидуумом; оно имеет врожденный характер. Оно состоит из предсуществовавших форм, архетипов, которые могут

стать сознательными лишь опосредовано и которые придают определенную форму тем или иным психическим элементам».

Об архетипах Юнг писал следующее:

«Понятие архетипа, неразрывно связанное с идеей коллективного бессознательного, указывает на определенные формы в человеческой психике, присутствующие повсюду и всегда. Исследователи мифов называют их «мотивами». В психологии первобытных народов они соответствуют предложенному Леви-Брюлем понятию «коллективных представлений», а в области сравнительной религии Хуберт и Маусс* определили их как «категории воображения». Много лет назад Адольф Бастиан назвал их «элементарными» или «изначальными» идеями. Из этих примеров должно быть ясно, что моя идея архетипа (буквально — предсуществовавшей формы) не является чем-то исключительным: ее уже распознали и выделили в других областях науки.

Итак, номинальное значение слова «архетип» достаточно ясно из его связи с мифом, эзотерическим учением и сказками... Исследователи мифов всегда прибегали к солярным, лунарным, метеорологическим, растительным и прочим идеям такого рода. Но почему-то до сих пор они абсолютно не желали принимать тот факт, что мифы — это, в первую очередь и по большей части, психические [т.е. относящиеся к психике, мышлению] феномены, открывающие нам тайную природу души. Первобытного человека не особенно интересовали объективные объяснения очевидного, но он испытывал настоятельную потребность... неотвратимую нужду ассимилировать весь внешний опыт во внутренние, психические события... Все мифологические природные процессы, такие как лето и зима, фазы Луны, сезоны дождя и так далее, ни в коем случае не являются аллегориями этого объективного опыта; скорее, это — символические выражения внут-

* Марсель Маусс был племянником Дуркхейма.

ренней, бессознательной драмы, разыгрывающейся в психике, которая становится доступной человеческому сознанию благодаря проекциям».

Отметьте сходство между юнговским понятием архетипа и часто встречающимся в литературе описанием «типов» Виктора Гюго (из книги «Современная традиция» под ред. Ричарда Элманна и Чарльза Фейдельсона):

«...Тип живет. Если бы это была лишь абстракция, люди не смогли бы распознать его и позволили бы этой тени незаметно промелькнуть мимо них. Трагедия, получившая название «классической», создает фантомы; драма творит живые типы. Урок, который она преподает нам, — это человек; это миф с человеческим лицом, столь подвижным, что нам кажется, будто это — наше отражение в зеркале; это притча, толкающая нас под локоть... Типы — это случаи, предусмотренные Богом; гений обнаруживает их. Кажется, будто Господь предпочитает преподавать людям уроки при помощи людей же — чтобы внушить им больше доверия. Поэт идет по улице рядом с живыми людьми; у него такой же слух, как и у них. Отсюда — действенная сила типов. Человек — это предпосылка, тип — заключение; Бог создает феномены, гений дает им имена.

Типы существуют в Искусстве и Природе на одном и том же уровне; они — откровенный идеал. В этих персонажах воплощены добро и зло, содержащиеся в человеке. И под взглядом мыслителя каждый из них порождает человечество».

Юнг понимал, что миф придает человеческой жизни смысл. Пример этого он обнаружил среди народа пуэбло в Нью-Мексико. Юнга чрезвычайно интересовали их мифы и религиозные воззрения, но он обнаружил, что пуэбло очень неохотно обсуждают эти вопросы с посторонним. Наконец, старый вождь сказал ему: «Солнце — это Бог. Каждый может это увидеть». Потом он сказал Юнгу, что церемониальные танцы пуэбло необходимы для того, чтобы Солнце продолжало светить и

двигаться верным путем. Пуэбло делали это не только для себя, но и для всего человечества. Более того, старик даже не мог себе представить, какие беды произойдут, если эти танцы по какой-либо причине будут забыты.

Теория коллективного бессознательного побудила Юнга заняться тщательным изучением эзотерических религий, гностицизма, алхимии и мифологии. В ходе своих исследований он обнаружил устойчивые примеры действия более или менее идентичных архетипов.

Сам Юнг затруднялся дать какое-либо точное определение собственным религиозным воззрениям. Джозеф Кэмпбелл описывает его как «политеиста», видевшего в архетипах «богов», которые были проявлениями единого «Бога», — подобно тому, как индус считает множество своих «богов» манифестациями Брахмана. К своему отцу-священнику Юнг относился весьма критически; он чувствовал, что Юнг-старший пережил кризис в своих религиозных верованиях, но был слишком слаб, чтобы отказаться от них или хотя бы допустить, что такой кризис имел место. Однако Юнг нередко говорил о Боге в терминах, напоминающих о его протестантском детстве. Учитывая бессознательную природу архетипов и их присутствие в каждой человеческой душе, мы могли бы назвать Юнга «пантеистом», верящим, что Бог присутствует во всех вещах и явлениях. Но несомненно одно: Юнг не считал элементы духовной жизни «нереальными» и не сбрасывал их со счетов как простые «проекции», подобно Фрейду. Лично я считаю, что Юнг верил в трансцендентного Бога, который становится доступным, или «открывается», человеческому опыту посредством архетипов.

Даже спустя тридцать лет после смерти Юнг остается противоречивой фигурой. Из-за того, что он был президентом немецкого психиатрического общества, находившегося на обеспечении у нацистов, Юнг навлек на себя ложные обвинения в симпатиях к нацизму. Он гневно отрицал подобные нападки, указывая на то, что его деятельность в этом обществе помогла ему спасти множество немецких евреев. Среди ближайших учеников Юнга также было много евреев. Более того, если в 1930-х годах он и опубликовал несколько статей, в которых при большом желании можно усмотреть симпатию к нацистам, то уж, во всяком случае, после 1940 года все его работы неизменно просоюзнические.

С одной стороны, подход Юнга к мифологии и религии

христиане считали полезным инструментом для понимания врожденной духовной ориентации человека и ценили его взгляды на религию как непреходящую сферу человеческого сознания (а не фазу, которую следует «перерасти»). Его цитирует американский протестантский теолог Г. Ричард Нибур; труды его используют протестанты, католики и православные. Юнговские размышления о «сыновстве» и роли Святого Духа дали новый жизненный импульс христианской вере, ознаменовав собой широкое распространение харизматических движений внутри церкви.

С другой стороны, юнговские архетипы отлично усвоила религия Новой Эпохи, приняв их в качестве оправдания своего политеизма и низведения религии до эзотерических символов. Так, Юнг предоставляет психологические обоснования для неогностицизма — формы христианства, основанной не на вере, а на «тайном» знании, доступном только избранным.

Как бы то ни было, протестантский пастор, совершавший обряды на похоронах Юнга, воздал ему хвалу как человеку, восстановившему достоинство и предоставившему интеллектуальную поддержку религиозной жизни после того, как ее отверг Фрейд и прочие мыслители XX века.

И в любом случае, юнговский подход к интерпретации мифа предлагает нам интересное психологическое объяснение параллелизма, сочетающее в себе психиатрию, социологию, антропологию и литературоведение.

СОВРЕМЕННЫЙ ВНЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: СТРУКТУРАЛИЗМ

Клод Леви-Штросс

> «Вероятно, в моей собственной душе есть какое-то весьма глубинное свойство, благодаря которому я всегда был тем, что сегодня называют структуралистом. Моя мать говорила мне, что, когда мне было два года от роду и я еще, само собой, не умел читать, я заявил, что на самом деле читать умею. А когда меня спросили почему, я ответил, что когда смотрю на вывески на магазинах... «boulanger» [«булочник» по-французски] или «boucher» [«мясник» по-французски], — то могу

кое-что прочесть, поскольку, с графической точки зрения, было совершенно очевидно, что часть написанного не могла значить ничего, кроме «bou», одинакового первого слога в словах «boucher» и «boulanger». Быть может, ничто не стоит так близко к структурному подходу, как этот пример; ведь это — поиск инварианта или инвариантных элементов, стоящих за поверхностными различиями».

Ранние современные интерпретаторы мифов, такие как Фробениус, Бастиан, Леви-Брюль и Дуркхейм, опирались на культурную историю и социальные взаимосвязи внутри культур. Психологический подход Жане, Фрейда и Юнга (а впоследствии Кэмпбелла) рассматривал миф как нечто отличное от культурной истории, имеющее внутренний психологический источник. А в структурной антропологии Клода Леви-Штросса мы обнаруживаем еще один подход.

В 1960-е годы теории Леви-Штросса вызвали большое волнение в научных и антропологических кругах. Леви-Штросс заявлял, что если мы только смогли распутать сложные инвариантные структуры человеческого мышления, то законы поведения человека можно было бы сформулировать с такой же точностью и определенностью, как закон гравитации.

Клод Леви-Штросс родился в еврейской семье в Брюсселе, но вырос и провел большую часть жизни во Франции. Это до некоторой степени можно назвать подобающим наследнику Люсьена Леви-Брюля и Эмиля Дуркхейма, каковым он и являлся. Дуркхейм, как вы помните, считал, что параллельные мифы можно объяснить укорененными в нервной системе «шаблонами» мифов, общими для всех людей. Марвин Хэррис пишет в своей книге «Культурный материализм»:

«Структуралисты следуют мнению Дуркхейма, что в мышлении есть «шаблоны», позволяющие размышлять обо всей совокупности предметов и явлений мира. Эти шаблоны — и есть структуры структуралистов. В своей самой элементарной форме они представлены в мышлении каждого человека и в конечном счете являются частью нейрофизиологии человеческого мозга. Однако

каждая культура заполняет эти «шаблоны» своим собственным специфическим содержанием — своими собственными идеями».

Леви-Штросс тщательно избегает термина «примитивный» в описании «традиционных» культур, указывая, что у так называемого «примитивного» человека такая же мозговая структура, как и у нас с вами. «Примитивная» личность физически способна понять те же вещи, что и мы, но в нашем термине «примитивный» присутствуют коннотации, связанные с «детскостью». А ведь, по сути дела, наш так называемый современный способ мышления во многом является результатом «примитивного» мышления или мифологии, а не только продуктом технологии и науки. И наше мышление, согласно Леви-Штроссу, оперирует в той же самой «инфраструктуре», что и мышление дикаря.

Порой читать Леви-Штросса труднее, чем любых других современных исследователей мифологии. Его работы изобилуют абстрактными, сложными и графически представленными взаимосвязями между структурами, предположительно проявленными в мифах. Но если подытожить теории структурализма, то мы получим следующие характеристики:

1. Структура — это не набор социальных взаимосвязей и не тема или течение в культурной истории. В отличие от выдвигавшейся Дуркхеймом и ранними антропологами точки зрения на миф как на коллективную социальную функцию, структура — это «разыгрывание» базового мыслительного механизма человека. Леви-Штросс утверждает, что структура — «это система, существование которой члены изучаемого общества не сознают».
2. Все люди обладают одинаковым неврологическим «инструментарием» для мышления. То, что эта базовая мозговая «инфраструктура» является общей для всех людей, объясняет существование параллельных мифов. Леви-Штросс называет «шаблоны» Дуркхейма «элементарными ячейками». Мифы схожи между собой потому, что у всех людей — одни и те же «элементарные ячейки», которые заполняются содержимым той или иной конкретной культуры.
3. Люди размышляют в диалектических терминах, то есть, так сказать, мы склонны использовать в своем мышлении пары

оппозиций, к примеру, «бог/демон», «свет/тьма», «зло/добро» и т.д. Подобный дуализм означает, что время от времени люди находят в мифе какой-либо культуры такую тему, которая не имеет смысла до тех пор, пока ей не подберется пара из мифа другой культуры.

Нет нужды говорить, что множество таких тем могут встретиться в любом взятом наугад мифе. Поэтому, когда требуется подобрать им оппозиции, структурный анализ становится весьма сложным и запутанным.

Одни из самых интересных наблюдений Леви-Штросса относятся к его сравнениям структуры мифа и структуры музыки. Леви-Штросс считал, что и миф и музыка являются особыми формами языка, смысл которых может быть найден только тогда, как они взяты в целостности. Вот что пишет по этому поводу Леви-Штросс в своей книге «Миф и смысл»:

> «...Моя отправная точка заключалась в том, что миф, так же как и музыкальную партитуру, невозможно понять в протяженной последовательности. Поэтому мы должны сознавать, что если мы попытаемся прочесть миф так, как читаем роман, слева направо, строка за строкой, то мы этот миф не поймем, поскольку его нужно воспринимать как целостность и постигать, что основное значение мифа передается не последовательностью событий... а... всей совокупностью событий, даже если эти события представлены как различные эпизоды повествования. Поэтому миф следует читать примерно так же, как мы читали бы оркестровую партитуру... И только обращаясь с мифом так, как если бы он был оркестровой партитурой... мы сможем понять его как целостность, сможем извлечь из этого мифа смысл».

По ряду причин структурализм весьма противоречив. Во-первых, его метод лишает миф присущей ему «истины», или применимости к жизни. Это чересчур холодный и безжизненный подход к объекту, придававшему человеческой жизни осмысленность на протяжении многих столетий.

Глядя на запутанные и абстрактные графики взаимосвязей

между мифами, критик может сказать, что структурный анализ без всякой необходимости усложняет изучение мифов и передает его в руки «посвященной» элиты. Другие критики этого метода заявляют, что если человек хочет найти структуру, он обязательно найдет ее.

Структурализм отвергает психологический подход Юнга и Фрейда; «элементарные ячейки» — это часть структуры мозга, а не элемент человеческого подсознания, проявляющегося в сновидениях и мифах. Таким образом, структурализм несовместим с теориями Юнга и Кэмпбелла, а также с другими интерпретаторами мифов, с которыми нам еще предстоит познакомиться.

Самое суровое обвинение, которое навлек на себя структурализм, — это обвинение в дегуманизации. Экзистенциалисты и литературные критики чувствуют, что если структуралисты правы (а ведь на самом деле существуют базовые структуры, управляющие человеческим мышлением!), то все мы, по сути дела, — просто киборги, мыслящие машины. Такая точка зрения резко противоречит человеческим способностям испытывать чувства и верить. Структурализм представляется как холодный научный подход к мифу — самой гуманной из всех функций мышления.

На протяжении 1970-х годов структурализм дал мощный импульс развитию многих социальных наук, особенно в Европе и Латинской Америке. Но Леви-Штроссу еще предстоит сформулировать законы человеческого мышления так же точно и определенно, как закон гравитации.

ФИЛОСОФСКИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА МИФ

Поль Рикюр (р. 1913)

Французский христианский мыслитель Поль Рикюр, глубоко интересующийся человеческой способностью «чувствования», диаметрально противоположен своему соотечественнику Клоду Леви-Штроссу.

Испытав сильное влияние экзистенциальной философии, подчеркивающей важность чувства осмысленности человеческой жизни, Рикюр рассматривает людей как «слабые» и «подвержен-

ные заблуждениям» существа, «подвешенные между двумя полюсами существования — конечным и бесконечным». Миф, согласно Рикюру, — это крик «патоса», отчаянная попытка примирить объективный, конечный мир с бесконечностью. Рикюр считает, что человек всегда был открыт к восприятию идеи трансцендентного Бога, позволяющей примирить эти полярности, и они действительно примиряются в христианской идее воплощения Бога как Иисуса Христа.

Рикюра интересует переход от «мифа (mythos)» к «логосу (logos)». «Mythos» — греческое слово, от которого произошло современное слово «миф» и которое изначально несло в себе значения чего-то определенного и окончательного, неоспоримого и общепринятого. «Logos» же являлся общеупотребительным греческим словом, обозначающим «слово», и представлял нечто доступное обсуждению и дискуссиям. Таким образом, переход от «мифа» к «логосу» — это переход от мировоззрения, основанного на универсальном общепринятом мифе, к философским размышлениям о месте человека во вселенной.

Когда «миф» заменился «логосом», исчезла определенность, а вместе с ней — чувство смысла. Лишенные необходимого им сознания определенного места во вселенной, люди стали «слабыми».

Чтобы восстановить чувство безопасности, которое некогда обеспечивал миф, люди теперь могут полагаться только на способность чувствования, которая одна лишь способна дать им необходимое ощущение смысла.

Теории Рикюра весьма любопытны, ибо они представляют собой точку пересечения экзистенциальной философии с интерпретациями мифа. Миф — это «реальность», поскольку ее можно ощутить.

Карл Ясперс (1883—1969)

Карл Ясперс, уроженец немецкого города Ольденбурга, начал свою деятельность в области невропатологии и нарождающейся психиатрии. Это привело его к занятиям философией, и сейчас он известен как один из крупнейших философов-экзистенциалистов XX столетия наряду с такими фигурами, как Жан-Поль Сартр и Мартин Хайдеггер.

Будучи профессором Гейдельбергского и Базельского уни-

верситетов, Ясперс чрезвычайно увлекся фактом независимого и параллельного развития великих мировых религий, произошедшего за сравнительно короткий отрезок истории — приблизительно за пять столетий, — на протяжении которого независимо друг от друга явились пророки в Китае, Индии, Иране и Палестине.

Ясперс отметил, что это был первый серьезный сдвиг от «мифа» к «логосу», от мифологического мировоззрения к философским размышлениям и религии в современном смысле слова. На протяжении «мифологической эпохи» в мышлении отношения с богами строились на взаимовыгодных сделках, основанных на восхвалении божеств или жертвоприношениях. Но затем боги уступили место Богу. Греческие философы отказались от политеизма своих предков и впервые стали рассуждать о Боге как единой силе. Ясперс пытался понять, почему подобная ситуация сложилась почти одновременно в различных удаленных и независимых друг от друга местностях.

Ясперс назвал этот период «осевым периодом». Такой термин он избрал потому, что для христиан «осью» их истории является жизнь и служение Христа. Но христианство — это лишь одна из нескольких мировых религий, а «ось», судя по всему, существовала и в других культурах Европы и Азии.

> «В этом периоде времени сосредоточены самые исключительные события. В Китае живут Конфуций и Лао-цзы, складываются все школы китайской философии, включая учения Мо-цзы, Чжуань-цзы, Ли-цзы и множество других; Индия представляет Упанишады [священные писания] и Будду и, подобно Китаю, переживает весь набор философских концепций, вплоть до скептицизма, материализма, софизма и нигилизма; в Палестине являются пророки сперва — Илия, затем — Иеремия, затем — Исайя; Греция приветствует явление Гомера, философов Парменида, Гераклита и Платона, трагиков Фукидида и Архимеда. Все, что связано с перечисленными именами, развилось на протяжении этих нескольких столетий почти одновременно в Китае, Индии и на Западе, причем регионы эти ничего не знали друг о друге».

Согласно Ясперсу, в действительности в этот период происходило широкомасштабное продвижение в духовном мышлении человечества, «эволюция» мысли от объективных, близких человеку божеств политеистического и связанного ритуалами мира к идее универсального Бога. Это неизбежно повлекло за собой трансформацию функции мифа.

> «Мифологическая эпоха с ее безмятежностью и самодостаточностью подходила к концу. Греческие, индийские и китайские философы инстинктивно отталкивались от мифологии, так же как и пророки со своими идеями Бога. Рационализм и рационально проясненный опыт вступили в борьбу с мифом; борьба эта развивалась, отстаивая превосходство единого Бога над несуществующими демонами, и в конце концов этическая религия возобладала над неправдоподобными фигурами божеств. Религия стала этической, и величие Бога благодаря этому возросло».

Вспомните, что писал Пьер Жане: если боги не могут говорить с обществом, общество отказывается от таких богов. Это и есть самое общее описание того, что произошло на протяжении «осевого периода».

> «Миф, с другой стороны, стал материалом языка, который с его помощью выражал нечто совершенно отличное от первоначального значения мифа; миф превратился в притчу. Мифы переплавлялись, в течение этого переходного периода в них открывали новые глубины, что было своего рода мифотворчеством на новый манер».

Миф выжил, но из безоговорочной и самодостаточной истины он превратился в средство постижения истины.

Ясперс ощущал, что человечество находится на грани нового «осевого периода», первого за всю историю периода, когда земной шар объединится сетью телекоммуникаций. Это тоже может оказаться критической точкой в духовном развитии человечества.

Ясперс рассматривал науку как современный миф, но миф несовершенный. Действительно, наука, как и множество древних мифов, предоставляет объяснения окружающего нас мира природы. Но наука способна ответить лишь на вопрос, как происходят те или иные явления; на вопрос «почему?» она ответить не может.

ШКОЛА МИФА «ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ»

Мирча Элиаде (1907—1986)

> «[Миф и] религия — это не фазы человеческого сознания, а, собственно, часть человеческого сознания как такового».

Мирча Элиаде родился в Румынии, но большую часть жизни провел во Франции и США. Он, возможно, был самым выдающимся в мире исследователем мифа как «священной истории» и различия между «священным» и «профанным». Для Элиаде миф являлся свидетельством прорыва «трансцендентного в наш мир».

Христианин по вероисповеданию, Элиаде считал, что миф и религия — неизменные составляющие человеческого сознания и что человеку свойственно размышлять в категориях трансцендентного и бесконечного. Элиаде тщательно проводил разграничение между своими теориями и психологическими школами мифа, подчеркивая, к примеру, что слово «архетип» он использует совершенно в другом смысле, чем Юнг. Элиаде очень беспокоило сведение «внутренне присущей человеку религиозности» к простой психологической проекции; он даже называл психологические теории интерпретации мифа «вторым Грехопадением», современным вариантом грехопадения Адама и Евы.

Элиаде ощущал, что никакое общество невозможно понять без понимания его священной истории; что все общественные институты, мораль и культура любого данного общества полностью зависят от совокупной священной истории «прорывов трансцендентного» в жизнь этого общества.

В объяснении параллельных мифов Элиаде стоял на позициях рассеяния; отчасти он является наследником теории Фробениуса о мифопроизводящих центрах.

Что касается ответа на вопрос о смысле жизни, Элиаде ощущал, что христианская религия предлагает полный набор мифических образов, способных удовлетворить внутреннюю религиозную потребность любого человека. Элиаде утверждал, что христианство следует не отвергать как социальный миф, а пересмотреть его в свете современного общества.

Миф — ваш, мой и наш

«Но снова и снова мы видим: Божество, если оно и существует, то проявляется для нас лишь в мире и говорит с нами на языке людей и мира. Оно существует для нас лишь тогда, когда принимает конкретную форму, которая, по человеческим меркам и представлениям, в то же время служит его сокрытию. Божество является лишь таким способом, какой способен постичь человек.

Таким образом, очевидно, что не стоит изводить друг друга вопросами о человеке и Божестве. И хотя единственной реальностью в мире для нас является человек, не исключено, что именно поиск человека ведет к трансценденции. То, что истинная реальность — это только Божество, не исключает того, что эта реальность доступна нам лишь в мире; иными словами — как отражение в зеркале человека: ведь, чтобы заметить Божество, в человеке обязательно должно быть что-то от Божества. Итак, тема философии ориентирована на две полярные противоположности, на два направления: deum et animam scire cupio [Лат.: «Я жажду познать Бога и душу»]»

Карл Ясперс

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЕРЫ

Христианский миф

«Слово «миф» использовано в названии этого труда в специфическом и вполне определенном смысле. Миф — это символическая история, демонстрирующая, по словам Алана Уоттса, «внутренний смысл вселенной и

человеческой жизни». Сказать, что Иисус — это миф, не значит назвать его легендой; это значит, что его жизнь и идеи служат демонстрации «внутреннего смысла вселенной и человеческой жизни». Как заметил Чарльз Лонг, миф указывает на определенный способ доступности мира человеку: «слово и содержание мифа — это откровения могущества». Или, по наблюдению А. Кумарасвами, «миф воплощает собой теснейшее сближение с абсолютной истиной, какое только может быть выражено в словах».

Многие христиане протестуют против моего употребления этого слова, даже когда я специально даю ему определение. Их пугает термин, в котором есть хотя бы малейший намек на возможность фантазии. Однако я употребляю его ровно в том смысле, в каком это делают историки религии, литературные критики и представители социальных наук. Этот термин удобен и ценен; нет другого слова, которое передавало бы именно тот смысл, который вкладывает в понятие мифа научная традиция. Христианину я посоветовал бы избавиться от страха перед этим словом и оценить, насколько полезным инструментом оно может стать для понимания его собственной веры».

Отец Эндрю Грили. «Мифы религии»

«Миф, как христианский, так и любой другой, — это представление истины в повествовательной форме. Смысл, который вкладывали в понятие «мифа» в XIX веке (а именно — выдумка), до сих пор оказывает сильное влияние на популярную литературу и журналистику. Именно из-за того, что в XIX веке миф считали выдумкой, многие христиане стали отрицать любые указания на то, что в христианском Священном Писании, теологии и обрядах содержатся разнообразные мифологические элементы. Мифологические темы, заимствованные у греков и евреев... претерпели трансформацию в христианском понимании истории и в ходе развития христианского учения.

...Функция христианского мифа — в том, чтобы в

увлекательной, а подчас и драматической форме выразить ответы на самые важные вопросы, которые задает человек: «кто я?», «куда я иду?». И хотя эти вопросы универсальны, западная цивилизация отвечает на них по большей части через познавательные и образные элементы христианского мифа. Христианский миф, озабоченный природой, происхождением и судьбой человека, человеческого общества и мира, старается осветить и обрисовать истинное положение человека (находящегося в рамках влияния западной цивилизации) таким способом, который лежит за пределами простого признания и понимания фактов, поддающихся эмпирической проверке, т.е. доступных нашим чувствам.

Применяя образную систему для передачи своих идей, христианский миф обращается к царству духа — т.е. сфере смысла и ценностей. Эта область включает понимание человеком самого себя, своих связей с обществом и миром и со священным...»

(«Энциклопедия Британника», 15-е изд., «Христианский миф и легенда»)

Иудейский миф

«Естественно, надо провести разграничение между мифом и легендой. В просторечии, миф — это история о богах и иномировых существах. Однако иудаизм — это строго монотеистическая религия; посему в таком узком смысле оригинальных иудейских мифов существовать не может... Однако если этот термин истолковать в более широком смысле — как изображение постоянных, вневременных понятий в контексте конкретных событий, то миф окажется одним из самых важных инструментов, с помощью которых иудаизм передает свои идеи: ведь лишь тогда, когда исторические события рассматриваются в этом более широком измерении, они перестают быть обычной хроникой древности и приобретают непреходящую ценность. В иудаизме, к примеру, Исход из Египта — это мифологическая проекция конкретного события, произошед-

шего в какое-то конкретное время, на нечто, происходящее постоянно; таким образом, он становится образцом для ситуаций и жизненного опыта всех людей — их освобождения от уз обскурантизма, их индивидуального откровения на индивидуальном Синае, их скитаний по собственной бесплодной пустыне и даже их смерти в этой пустыне ради того, чтобы дети детей их детей в конце концов смогли достичь «обетованной земли». Точно так же историческое разрушение иерусалимского храма превратилось благодаря мифу в образец продолжающегося взаимного отчуждения Бога и человека, их отторжения друг от друга.

Легенда же — это не более чем причудливые украшения, которые скрывают под собой предположительно исторический факт. В отличие от мифа, она не преодолевает конкретное и местное значение»

(«Энциклопедия Британника», 15-е изд., «Иудейский миф и легенда»)

Эта глава совершенно необходима: изучение мифологии естественным образом заставляет верующих иудеев, христиан, мусульман, наследников религии Единого Бога, задаться вопросами. Миф, безусловно, способен помочь нам лучше понять свою собственную веру и веру других людей. Но ведь «начинка» мифа состоит из историй о языческих богах и богинях, которые, согласно нашей традиции, истинными богами не являются.

Я не ставлю своей целью обращать вас в свою веру; я лишь хочу показать, что в наших верованиях обязательно содержится миф (если, конечно, дать понятию «миф» верное определение). И то, что наши верования включают в себя миф, не делает их ложными или надуманными.

Употребление словосочетаний «христианский миф» или «иудейский миф» немедленно вызывает отрицательную, защитную или даже враждебную реакцию у тех, кто привык к популярному определению мифа как «сказки», «выдумки» или «широко распространенного суеверия». Если средний человек встретит в одной и той же фразе слова «христианский» и «миф», то для него это будет однозначной попыткой опровержения ценности христианского вероисповедания. Ведь в XIX столетии все, что могло быть

названо «сверхъестественным» или «трансцендентным», неизбежно рассматривалось как выдумка, — иными словами, миф.

В наше время некорректное определение мифа постоянно поддерживается, к примеру, такими заголовками, как «Десять мифов о СПИДе», «Миф о снижении налогов для среднего класса», «Миф о неуязвимом японце» и т.д., и т.п. Подобные заголовки появляются над рассказами, призванными рассеять какое-либо широко распространенное заблуждение.

Но давайте вернемся к определению мифа, который дает историк религии (и верующий христианин) Мирча Элиаде. Элиаде говорит, что миф — это «священная история» прорывов трансцендентного или сверхъестественного в наш мир. Само собой, христианство, иудаизм и ислам подходят под такое определение. В данном контексте слово «миф» едва ли может навлечь на себя приговор в попытке очернить чью-либо веру.

Если мы внимательно рассмотрим миф и то, как он функционирует, то употребление этого термина перестанет быть обидным или угрожающим; более того, оно превратится в признание, высокую оценку и подтверждение наших верований. Придают ли нашей жизни смысл христианский, исламский или иудаистский мифы? Обеспечивают ли они нас «священной историей» участия Бога в делах людей? Дают ли они нам нравственный закон? Конечно, да. Мы живем этими мифами, а многие люди отдали за них свою жизнь. Если бы эти мифы были выдумкой, ложью или простой психологической проекцией, то едва ли они смогли бы просуществовать так долго и сыграть в человеческой истории такую решающую роль.

Изучение мифа обязательно дает верующему пищу для размышлений. Параллели между мифами нашей традиции и мифами других, значительно удаленных от нее во времени и пространстве культур предлагают нам параллельные мифы о Грехопадении, непорочном зачатии, воскресении и т.д., которые зачастую разительно напоминают нашу традиционную священную историю. Это заставит нас задуматься: что, если наша традиция — это лишь один из множества достойных вариантов выбора из обширного космического меню, которое предлагает нам трансцендентное. Мысль о том, что «примитивные», или «языческие», народы знали такие же мифы, как мы, может даже «оскорбить» нашу веру. Следующая история из моего личного опыта демонстрирует две противоположные реакции христиан на изучение мифа.

Несколько лет назад я посетил христианскую конференцию и случайно разговорился с двумя женщинами, выразившими две резко противоположные реакции на изучение мифа.

Первая женщина не могла сказать о мифе и мифологии ничего хорошего. Эта тема, заявила она, возвеличивает ложных богов. Для нее изучение мифа представлялось «орудием дьявола» в руках «светских гуманистов», предназначенное для того, чтобы обесценить христианство и ослабить его влияние на общество. Изучение мифа заставило ее усомниться в своей собственной вере. Она не позволяла своим детям изучать мифологию в общественной школе*. Она зашла так далеко, что выбросила все имевшиеся у нее дома книги на эту тему, чтобы никогда не отягощать их содержанием свой мозг и мозги своих детей.

Вторая женщина, изучавшая мифы, пришла к абсолютно противоположному мнению. Если вы подумали, что она была «либеральной» христианкой, последовательницей «религии Новой Эры» или придерживалась каких-либо неортодоксальных взглядов, то вы ошиблись. Она была родом из Алабамы, из самого сердца «Библейского Кольца Америки», и утверждала о себе, что «родилась заново» и «исполнилась духа»**. Ее даже с самой большой натяжкой невозможно было назвать «светской гуманисткой». Она только что закончила третий год обучения на факультете сравнительных религий в своем местном университете и с воодушевлением рассказывала о влиянии религии на свою жизнь. Параллели между мифами разных культур и библейскими историями весьма заинтересовали ее и заставили ее взглянуть на свою веру как на удовлетворение универсальных человеческих нужд. Параллельные истории о непорочном зачатии и воскресении не напугали ее, а восхитили. Она считала, что эти мотивы настойчиво повторяются в мифах и отчетливо выражаются в христианстве именно потому, что они истинны.

Христианина, иудея, мусульманина и их неверующих культурных наследников объединяет давняя традиция ценности индивидуального человека, изначально коренящаяся в гуманизме, который основан на вере в то, что человек был создан по образу Бога.

---

* Автор уже отметил, что впервые столкнулся с греческими мифами в приходской школе!

** «Харизматические» христиане или «пятидесятники» всячески подчеркивают нисхождение Святого Духа при крещении, приводя свидетельства сверхъестественных феноменов, таких как обретение способности говорить на незнакомых языках, исцелять болезни и пр

Животные не создают мифов; у нас нет никаких оснований утверждать, что они обладают чувством трансцендентного или сверхъестественного. Центральные элементы мифа — это демонстрация уникальности человеческого сознания, способного обращаться к предметам, лежащим за пределами реальности наших ощущений. Только человек обладает врожденной потребностью размышлять о своем месте во вселенной. Джозеф Кэмпбелл пишет: «Способ стать настоящим человеком — научиться различать черты Божества во всех чудесных модуляциях лица человека».

Устойчивость и могущество мифа признают не только современные науки — антропология, история религий и психология. Это признавали многие люди с древнейших времен. Еще в период раннего христианства отцы церкви писали, что человек отмечен неизгладимой печатью Imago Dei — «образа Божьего», которая присутствует в каждом человеке, верующем и неверующем. Они полагали, что человек обладает врожденным знанием о существовании Бога и что это — фундаментальная часть человеческого сознания. Святой Павел пишет в Послании к Римлянам: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны» (1:20). Дальше Павел, само собой, продолжает свое рассуждение, говоря, что это знание побудило людей создавать идолы, и проводит различие между идолопоклонством и христианским учением.

Иудейские мыслители, такие как Маймонид, католические теологи — Св.Августин и Фома Аквинский, — и протестант Мартин Лютер с готовностью признавали, что человек обладает врожденным знанием о Боге и сверхъестественном еще до того, как это знание выразится в религии.

Можно вспомнить, что Пьер Жане писал, что общество отказывается от своих мифов, когда боги перестают говорить с людьми. Если общество игнорирует внутреннюю потребность человека в мифе или мифологической системе, которой он мог бы жить, а также в религии или если общество пытается совместить мифологическую систему с богами, которые не в состоянии говорить с человеком, то это общество гибнет. «Искусственный миф», наподобие «религии разума» французских революционеров или советского мифа, не отвечающего врожденной потребности человека в мифе, не может продержаться долго.

Выживают только истинные мифы. Сталин был дурным человеком, но дураком он не был: столкнувшись с фактом фашистского вторжения, он обратился к монархистскому гражданскому мифу о «Святой Руси» и открыл церкви.

Итак, если все материалы, все «истины» религиозного откровения закодированы в наших генах, то зачем нам тогда нужна явная, оформленная религия? Не достаточно ли простого изучения мифов? Многие люди считают, что достаточно; я же так не думаю. Если мы будем следовать знанию о том, что элементы мифа есть в душе каждого из нас, разве мы не придем в Новой Эре к поиску «Бога внутри нас» а-ля Ширли Маклейн? Как писал Рейнгольд Нибур, без «знака качества» откровения наш религиозный опыт не сможет стать общественным и останется личной «причудой».

Во-первых, миф — это «клей», скрепляющий общество в единое целое; таким образом, существует коллективная потребность в гражданском мифе и общем чувстве морали. В плюралистическом обществе, наподобие нашего, традиции иудео-христианской этики и чувство классической античной эстетики — это общее наследие христианина, иудея, мусульманина, агностика и атеиста, а также «моральный закон», т.е. своего рода соглашение о том, что хорошо, а что дурно, основанное на мифе. У нас есть светская «священная история», связывающая нас всех друг с другом и дополняющая «священную историю» религии, которую исповедует каждый из нас.

Но какое отношение имеет религия к внутренней потребности в мифе?

Давайте используем аналогию. Возьмем, к примеру, газонокосилку. Если она не включается, то это значит, что либо не срабатывает запальная свеча в моторе, либо не хватает топлива. Девять шансов из десяти за то, что если вы решите одну из этих двух проблем, то сможете скосить траву на лужайке.

Так же обстоит дело и со связью между мифом и религиями. Миф, по определению Элиаде, — это прорыв священного в наш мир, «откровение». У всех нас есть «запальная свеча» коллективного бессознательного, или «ячеек», в которых находятся общие мифологические символы и образы. Топливом же для нашей веры являются религии.

Около девяноста лет назад испано-американский философ Джордж Сантаяна писал: «Каким образом евангелия могли бы

нести благую весть, если бы они не провозглашали того, что и так близко нашим сердцам?» Далее, говоря о временах Христа, Сантаяна продолжает: «Уже созрела жажда мифологии, обогащенной пафосом. Скромная жизнь и страдания Иисуса ощутились во всей своей несравненной красоте, во всем невероятном сочетании кротости и трагизма тем сильнее, когда к ним, иначе бывшим чересчур скорбными, добавилась живительная история чудесного рождения, ослепительного воскресения и возвращенной божественности».

Вспоминая слова Пьера Жане, можно сказать, что наше современное общество сложилось благодаря тому факту, что греческие и римские боги перестали говорить с людьми. Греция и Рим обратились к христианскому Богу, опиравшемуся на иудейские Священные Писания. Когда арабские идолы перестали говорить с людьми, откровение Мухаммеда прокатилось по всему Ближнему Востоку и Северной Африке, от Испании до Филиппин. Эти монотеистические религии отвечали врожденной мифологической структуре человеческого сознания.

Образы наших верований и образы мифа поистине «близки сердцу». Откровение ценно лишь тогда, когда совершается в мифологических рамках. Если откровение — это истина, переданная в форме истории, то это — миф.

Содержится ли миф в христианстве, иудаизме и исламе? Несомненно. Если миф — это истина в форме истории, «священной истории» прорыва сверхъестественного в наш мир, то нет никакого противоречия в высказывании о том, что, к примеру, откровение, полученное Моисеем на Синае, — это миф и в то же время конкретное, объективное событие, имевшее место в реальной человеческой истории и содержащее метафору, приложимую к любому человеку. Назвать это событие мифом — значит лишь сказать, что оно — часть «священной истории».

Святой Павел использует в Новом Завете греческое слово «mythos» («миф») пять раз. Как уже говорилось, термин «mythos» означал безоговорочное, общепринятое «слово», в отличие от другого греческого термина для «слова» — «logos», вполне доступного обсуждению и дискуссиям. Слово «mythos» Павел употребляет в отношении мифов язычников, которым он проповедовал; таким образом, «mythos» в данном контексте означает «ложь», и проводится четкое разграничение между христианской проповедью и «мифами» греков и римлян.

Святой Бонавентура, живший в XIII веке, призывал верующих изучать Священное Писание. В своем труде «Путешествие души к Богу» он писал:

> «В Писании содержится тройной смысл или значение: метафорический, которым люди очищаются и направляются к более праведной жизни; аллегорический, который разъясняет и ведет к пониманию; и аналогический, наполняющий душу глубокой мудростью».

Коротко говоря, он утверждал, что Священное Писание передает истину в форме истории как метафору, аллегорию и аналогию.

Современный швейцарско-немецкий католический теолог Ганс Кюнг пишет в своей книге «О том, как быть христианином»:

> «Евангелия фактически создавались для людей, которые мыслили мифологически в эпоху мифологического мышления, хотя, по сути дела (в результате монотеистической веры, столкнувшейся с язычеством и политеизмом), процесс демифологизации и историзации идет в Новом Завете гораздо дальше, чем в Ветхом. Мы не можем исследовать здесь непосредственное влияние мифов — будь то индийские мифы или гомеровские, мифы Древнего Рима или средних веков или даже суррогатные мифы современности — на эволюцию человечества и отдельных наций. Сравнительное изучение религий, антропология, психология и социология разными путями открывают могущество мифа, придающего жизни осмысленность и укрепляющего социальную интеграцию: миф действует не только в религиозной интерпретации мифа через культ, но и в индивидуальном и социальном развитии человека вообще.
>
> Несомненно, что в те времена, когда завершалось составление евангелий, живая, повествовательная форма воззвания, наполненная мифами, легендами и символами, была абсолютно необходима... Даже сегодня, в эпоху рационального и функционально-технического мышления, можем ли мы отрицать пользу живой

> увлекательной формы воззвания и определенных древних формул (мифологических, в широком смысле слова)?
> ...Можем ли мы усомниться в этой непреходящей потребности человека? Даже современный человек (и его средства массовой информации), — разве он живет только разумными рассуждениями, а не историями, только идеями, а не образами (зачастую весьма примитивными!); разве он не нуждается до сих пор в по-настоящему прекрасных образах и историях, которые можно всегда рассказывать и слушать заново?»

Швейцарский протестантский теолог Эмиль Бруннер определяет миф в соответствии как с ортодоксальным христианством, так и определениями, приведенными в этой книге. Вот что сказано в «Евангелическом словаре теологии» (под ред. Уолтера Э.Элвелла):

> «Есть и еще одно определение мифа, на которое следует обратить внимание, определение, которое, по сути, приравнивает миф к символизму и связывает его с врожденной неспособностью человеческого языка адекватно выражать то, что имеет отношение к Богу. Так, [Эмиль] Бруннер считает, что «христианская керигма [греч. «воззвание»] не может быть отделена от мифа», поскольку христианская идея антропоморфна* и выполняет то, что Бултманн** считает характерной особенностью мифического: «она говорит о Боге, как о человеке». И в таком же контексте Бултманн поясняет, что «мифология — это использование образности для выражения иномирового в терминах этого мира и божественного — в терминах человеческой жизни; иначе человек ничего не смог бы сказать о Боге и Бог ничего не смог бы сказать человеку, поскольку выразить что-либо иначе, чем в терминах этого мира, мы не в состоянии».

---

* Христианство считает Христа Богом в человеческой форме.

** Точку зрения немецкого теолога-экзистенциалиста Рудольфа Бултманна мы обсудим позднее в этой главе.

И, наконец, обратимся к мнению Карла Барта, швейцарского протестанта, который считается ведущим христианским теологом нашего столетия. Барт писал, что «связь этого Бога с этим человеком; связь этого человека с этим Богом — вот единственная тема всей Библии и всей философии». С точки зрения Барта, Библия и философия заняты вопросом прорыва священного в мир данного конкретного «человека», что, по определению, является мифическим событием.

Уяснив для себя, что в наших верованиях содержится миф и что это не отрицает их ценности, будем надеяться, что мы добились правильного понимания слова «миф». Но как же случилось, что слово «миф» превратилось в ругательное, когда его применяют в контексте веры и религии?

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИУДЕО-ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Причинное и целевое мышление

«История рационализма не менее поучительна. Стремление понять все процессы как следствия известных причин привело к развитию современной науки и постепенно достигло невероятных масштабов. Безоглядное приложение [научного] метода ко всем областям жизни требует сведения любого явления к его причине. Цель, телеологическая перспектива и случайность исключаются. Быть может, одной из самых привлекательных сторон дарвиновской теории естественного отбора было то, что она заменила целевое объяснение возникновения жизни причинным.

...Было бы ошибкой счесть универсальное применение рационализма окончательной формой мышления, конечным результатом, которого должен был достичь наш организм. Оппозиция такому отрицанию цели или превращению ее в причину, оппозиция отрицанию случайности и ее влияния на отдельные явления требует нашего признания все более и более настойчиво».

Франц Боас, германо-американский антрополог,
«Антропология и современная жизнь»

Читая мифы, мы увидели, что они функционировали в качестве науки, истории, религии, философии и литературы традиционных культур. В современном мире мы тщательно разграничили науку и миф, даже поставили их в оппозицию друг к другу. Но наука и миф (или, если смотреть шире, наука и религия) — это два абсолютно различных явления, стремящиеся ответить на два совершенно различных вопроса.

Наука рассказывает нам о том, как происходят те или иные явления; миф (и религия) говорят нам, почему они происходят. Наука полагается на объективные наблюдения и показывает нам причины явлений. Миф и религия полагаются на вещи, лежащие за пределами наших чувств, на нашу способность «сверхчувственного восприятия», и показывает нам цель.

В традиционных культурах люди обладали чувством цели в жизни. Однако, с нашей точки зрения, они бессмысленно страдали от болезней и тяжелого труда из-за недостатка технологии и науки. Но теперь, когда наука несравненно улучшила качество человеческой жизни, люди стали страдать от недостатка смысла. В нашей развитой культуре мы можем наблюдать болезни и социальные проблемы, вызванные этим недостатком: самоубийства, алкоголизм, душевные заболевания и прочие проблемы, которые ассоциируются именно с современным, а не традиционным обществом.

Современная культура изо всех сил старается примирить науку и религию, временами даже предпринимая попытки вообще исключить из религии мифологический элемент. Религиозные фундаменталисты называют такой рационалистический подход «светским гуманизмом». И хотя многие смеются над этим термином, он не лишен определенной ценности. Современное мировоззрение действительно является «светским», ибо оно отрицает действие сверхъестественных сил в мире. Однако «гуманистическим» в классическом смысле слова оно при этом не является. Изначально гуманизм ратовал за учет условий жизни и состояния человека и подчеркивал ценность индивидуальности. А индустриализированное и постиндустриальное общество заставляет многих из нас чувствовать себя лишь «винтиками» или «единицами». Вот результат потери смысла, который традиционно придавал жизни миф. «Светский гуманизм» — это, по сути дела, «жизнь без мифа»*.

* Либо подмена настоящего мифа новым и несовершенным

Если наука и миф столь различны и стремятся ответить на такие разные вопросы, то почему же тогда мы воспринимаем их как заклятых врагов, почему считаем их взаимоисключающими?

Одним из побочных продуктов научной революции стало причинное мышление: сведение всех явлений к их причинам путем наблюдения с помощью пяти чувств («эмпирического» наблюдения) и последующее формулирование законов для прогноза будущего поведения.

Миф и религия, напротив, не являются причинными: они полагаются не на эмпирическое наблюдение, а только на «сверхчувственное восприятие» и «веру». Они стремятся объяснить нам явления, лежащие за рамками наших чувств: место человека во Вселенной, место личности в мире и так далее.

Различие между причинным и целевым мышлением прекрасно иллюстрирует аналогия с наручными часами. Наручные часы можно разобрать на части, деталь за деталью, колесико за колесиком, и станет понятно, почему они работают. (В свое время я наловчился разбирать часы, но собрать их снова так почему-то и не получается!) И все же знание того, как работают часы, ничем не поможет понять, почему вам нужно знать, сколько сейчас времени, или почему так важно быть пунктуальным — то есть цель существования часов. Знание того, как работают ваши часы, не слишком утешительно для вас (или вашего начальника), когда вы опаздываете на службу.

О причинном мышлении можно сказать много хорошего. И все же, как пишет Франц Боас, это — не конечная форма человеческого мышления. В XIX веке многие люди действительно считали ее итогом развития сознания и почти полностью отрицали целевое мышление. Но если довести причинное мышление до крайности, то ценность любого эмпирического наблюдения становится сомнительной. Тогда получается, что если феномен нельзя свести к определенной причине, то он «нереален».

Поскольку современные люди в большинстве своем привыкли мыслить в категориях причинности, такая перспектива стала главным фактором, определяющим наше общество. Материалистическое мировоззрение отрицает существование «сверхъестественного» и Бога, называя все это «нереальным». Вот так миф и превратился в «выдумку».

Предпринимались серьезные попытки примирить «миф» в

христианстве и иудаизме с причинным мышлением, т.е. «демифологизировать» эти религии. Но, как пишет Ганс Кюнг, вместе с мифом была сброшена за борт и религиозная идея.

Определение мифа как «выдумки» имеет глубокие корни, уходящие еще к размышлениям немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831)

Нам слишком часто доводилось читать о философах и философии в скучных, невыразительных книгах. Но творчество Гегеля — это очень важный источник нашего «современного» способа размышлений о «качестве жизни».

Окончив Тюбингенский университет, Гегель написал своему другу Шеллингу письмо, где просил его посоветовать, какое место ему лучше всего выбрать для жительства в Германии, чтобы там было много хороших книг по истории, а также ein gutes Bier («хорошее пиво»). Поскольку Гегелю досталась по наследству внушительная сумма денег, он мог без всяких сложностей поселиться в любом месте, где только пожелал бы. И Шеллинг посоветовал ему отправиться в Иену, где было хорошее пиво, много книг и дискуссии по философии и истории. Прочитав множество трудов по истории Древней Греции и Рима (и, возможно, выпив несколько кружек пива), Гегель заявил, что эта история развивалась по вполне конкретным, очевидным линиям.

Вся история — это неудержимое поступательное движение человечества, технологический, философский и даже моральный прогресс, при котором каждая следующая стадия оказывается более просвещенной, чем предыдущая. Такой взгляд на историю, подобный христианскому и иудаистическому, линеен; он представляет историю прямой линией, направленной к некоему утопическому финалу. Размышления Гегеля небезынтересны; они использовались как аргументы и в поддержку христианства, и для демонстрации того, что христианство «старомодно», «ненаучно» и «иррационально».

Гегель считал, что история развивается как доступный наблюдению процесс со своими законами и «причинами», направленными на прогресс человечества. История — это не просто набор случайных явлений, расставленных в хронологическом порядке, а настоящий процесс, в котором проявлена работа «духа».

Во главе процесса истории стоят «выдающиеся» люди. На самых ранних стадиях истории цивилизации, в период, который Гегель назвал «семитской» фазой, ведущими «стражами цивилизации» были древние евреи и другие народы Ближнего Востока. Затем, в «классический» период, настала очередь греков и римлян. Гегель считал современный ему период «германской» фазой, в которой главной движущей силой истории являлись немцы, англичане и другие народы Северной Европы. Таким образом, философия Гегеля легла в основу современного демократического либерализма, нацизма и коммунизма.

Стоит сравнить гегелевскую точку зрения на историю с той, какой придерживались традиционные общества, где человеческая история сама по себе имела незначительную ценность, являясь лишь повторением событий, описанных в мифе.

Гегель полагал, что история развивается «диалектическим» образом. В диалектике одному утверждению, тезису, противополагается другое, антитезис, чтобы в результате получилась новая идея — синтез. К примеру, марксистская теория коммунизма утверждала, что классовая борьба между рабочими (тезис) и капиталом (антитезис) должна привести к социализму (синтез); таким образом, весь процесс истории движется к утопии чистого коммунизма. Марксизм — это великолепный пример действия гегелевской концепции линейной истории.

Гегель писал, что самая примитивная стадия религиозного развития — это «природная религия», или стадия «колдовства». От этой стадии человечество, постепенно развиваясь, приходит к монотеизму — по словам Гегеля, признанию «духовной индивидуальности Бога». На этом этапе Бог перестает быть антропоморфной проекцией, выражающейся через историю, и становится трансцендентным духом, продолжающим действовать в истории.

Гегель считал, что величайший вклад Бога в историю — это миссия Иисуса Христа, призванного примирить Бога и человечество. В результате смерти Христа союз между Богом и человеком превращается из «факта» в «жизненно важную идею», которая отныне руководит человеческой жизни, придавая ей цель.

Младогегельянцы

Неогегельянцы, или левые гегельянцы, явились главной силой в процессе «демифологизации» западной культуры.

После смерти Гегеля одна из групп его последователей, так

называемые правогегельянцы, использовали его философскую систему для защиты христианства от другой группы его последователей — младогегельянцев. Младогегельянцы испытали сильное влияние шотландского философа Дэвида Юма, который полагал, что если нечто нельзя подтвердить эмпирически (наблюдением при помощи пяти чувств) или если оно не является логически самоочевидным, то оно не имеет никакой ценности.

Младогегельянцы решили, что поступательное движение истории требует рационального пересмотра христианства, которое они восприняли как «старомодное»: прогресс истории требовал новых религиозных воззрений, которые могли бы выдержать эмпирическую проверку. Будучи рационалистами и эмпириками, они считали, что миф и сверхъестественные элементы религии лежат вне области объективного доказательства и являются «выдумкой». Они скептически относились ко всем существующим религиям, поскольку те были основаны на «иррациональном» опыте веры. Они ставили под сомнение способность какой бы то ни было религиозной системы, основанной на мифе, выжить в «научном» девятнадцатом столетии.

Самым влиятельным среди младогегельянцев был Давид Фридрих Штраус (1808—1874). Он считал, что христианство необходимо изучать с точки зрения исторической перспективы, следуя теориям Гегеля. Штраус написал книгу, вызвавшую множество толкований, в которой Иисус Христос изображался заурядным историческим персонажем, обычным сыном Марии и Иосифа. Он отрицал сверхъестественные элементы в Евангелиях.

Во Франции Эрне Ренан (1823—1892) под влиянием Гегеля и Штрауса шокировал французскую публику «демифологизированной» биографией Иисуса, лишенной каких бы то ни было сверхъестественных элементов. Он назвал ее «историзованным» евангелием. Для Ренана, как и для Штрауса, «новой» религией Запада должен был стать рациональный, демифологизированный взгляд на исторического Христа с акцентом на этическое учение.

Еще одним младогегельянцем был Бруно Бауэр (1809—1882), товарищ Штрауса и один из сотрудников Карла Маркса. Бауэр писал, что Евангелия были целиком и полностью сфабрикованы, что они неспособны выдержать испытание гегельянского исторического доказательства; он зашел так далеко, что даже ставил под вопрос историческое существование Иисуса Христа.

Здесь мы снова можем вспомнить утверждение Жане, что общество отказывается от своего мифа, когда боги перестают говорить с людьми. В середине XIX века «богам» было почти нечего сказать человеку.

Немецкая форма критики Библии

Группа немецких исследователей Библии и теологов решила совершить критический исторический анализ Библии, что внесло бесценный вклад как в исследование Библии, так и в демифологизацию культуры.

Самым известным среди них был Фердинанд Кристиан Баур (1792—1860), изучавший Новый Завет, особенно Послания Святого Павла, в свете исторических обстоятельств, при которых они были написаны. Особенно интересовали Баура конфликты в ранних христианских церквях.

Вслед за Бауром в этой области стал работать Адольф фон Гарнак (1851—1930), изучавший развитие символов веры в ранней христианской церкви и пришедший к выводу, что оно было обусловлено конфликтом между Церковью и гностическими ересями. Гарнак был убежден, что мифологические и сверхъестественные элементы Священного Писания, содержавшиеся в этих символах веры, являлись плодом упомянутого конфликта. Труды Гарнака оказали влияние как на Карла Барта, защитника традиционного христианства в XX веке, так и на Рудольфа Бултманна, подчас противоречивого библеиста, стремившегося распознать «мифологические» элементы в Священном Писании.

Следует сказать также о влиянии Гарнака на Альберта Швейцера (1875—1965). Сегодня его знают как филантропа, врача-миссионера и концертного органиста. Швейцер написал книгу под названием «Поиск исторического Иисуса», устраняющую из библейского повествования мифологические вкрапления и представляющую Иисуса типичным древнееврейским проповедником, озабоченным одной-единственной идеей: немедленным пришествием Царства Божьего. Швейцер утверждал, что, поскольку конца света не случилось, Иисус умер, исполненный горечи и озлобления. Его последователи написали Евангелия, добавив в них сверхъестественные элементы в попытке оправдать жизнь и служение Христа.

И, наконец, упомянем немца Рудольфа Бултманна (1884—

1976), который рассматривал новозаветные тексты как мифологические по своей сути и пытался отделить мифологическое от исторического в событиях жизни Иисуса*.

Позитивизм и логический позитивизм

Главным философским противником ценности сверхъестественного был позитивизм, философия французского мыслителя Огюста Конта (1798—1857). В его философии лежат истоки современного материализма и интерпретаций мифа, предложенных Фрейдом и Леви-Штроссом.

Конт считал, что научный метод можно применить к исследованию любого феномена, в том числе, безусловно, и человеческого поведения; благодаря этому Конт стал основателем социологии и других общественных наук. С его точки зрения, все, что нельзя подвергнуть научному наблюдению, не существует.

Не страдая особой скромностью, Конт заявил, что его позитивизм — третья и последняя из трех фаз истории человечества. На первой, «теологической», стадии для объяснения всех явлений были необходимы религия и миф. Вторая, «метафизическая», стадия была основана на философских рассуждениях о «идеалах» и «абсолютах». На стадии «позитивизма» будет достаточно одного лишь научного наблюдения. Для Конта причинное мышление являлось окончательной формой мысли.

Конт считал, что религиозные верования, основанные на сверхъестественном, скоро отомрут. Поэтому он основал собственную «религию человечества», немало позаимствовав у католических обрядов. Конт установил сложный ритуал, в котором были рясы, ладан и литургии. Его современники описывали эту религию как «католицизм без христианства». Конт «демифологизировал» и календарь, включив в него такие названия месяцев, как «Гутенберг» или «Шекспир».

Прямыми философскими наследниками Конта были логические позитивисты XX века, в том числе Людвиг Витгенштейн. Логические позитивисты считали, что любое утверждение, которое не может быть доказано эмпирически, следует отклонять. Логический позитивизм основывался на мелких исследованиях употребления языка и оказался недолговечным.

---

* Но не следует забывать, что Бултманн определял миф как «прорыв священного в историю» (см. выше).

Die Wissenshaft des Judentums: «Наука» иудаизма

Процесс демифологизации, серьезно повлиявший на христианство, имеет аналогию и в иудаизме. Для немецкого интеллектуала XIX столетия, будь то протестант, католик или иудаист, не было высочайшей похвалы, чем wissenshaftlich, или «научный».

Еще до европейского Просвещения XVIII века и его еврейской аналогии, Хаскалах («просвещение» по-еврейски), в европейском иудаизме существовала только одна секта — ортодоксальная. Естественно, между ритуалами сафардийских евреев и ашкенази* существовали различия, но и в том и в другом случае иудаизм оставался глубоко ортодоксальным и глубоко «мифологическим», хотя «мифологический» элемент в иудаизме как монотеистической религии откровения был менее развит, чем в других мировых религиях, и сущность библейского и талмудического иудаизма оставалась в высокой степени консервативной.

И все же эмпиризм оказал свое влияние на европейских евреев, в особенности на тех, что жили в Германии. Великий мыслитель еврейского Просвещения Мозес Мендельсон (1729—1786)** стал выразителем взглядов многих своих современников. Он писал:

> «Это верно: я не признаю вечных истин, кроме тех, которые не только можно постичь человеческим разумом, но и продемонстрировать и проверить с помощью человеческих умений».

Силы «демифологизации» и ассимиляции произвели глубокие перемены в европейском иудаизме, ознаменовавшиеся движением Реформации в Германии. Эти процессы ускорились в результате «эмансипации» евреев — достижения ими гарантий на гражданское и политическое полноправие — в наполеоновский период. Вскоре многие немецкие евреи стали рассматривать иудаизм как одну из нескольких «германских» религий, которой

---

* Евреи ашкенази жили в Германии, Центральной Европе и России и говорили на немецком языке и идиш, «Ашкеназ» по-еврейски значит Германия Сафардийские евреи были потомками испанских евреев («Сафарад» по-еврейски — Испания), которые были изгнаны из Испании королем Фердинандом и королевой Изабеллой в 1492 году и позднее осели в Нидерландах, Северной Африке, Турции и Греции

** Мозес Мендельсон был дедом композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, который обратился в лютеранство и сочинил «Реформационную симфонию» на основе лютеранского гимна «Могучая крепость — наш Господь»

суждено занять место рядом с протестантизмом и католицизмом в «современной» Германии.

Реформированный иудаизм явился выражением как ассимиляции, так и демифологизации. Богослужения стали проводиться не на еврейском, а на немецком языке; были отвергнуты все молитвы, в которых евреи описываются как «народ». Фактически первые реформированные службы, происходившие не в синагоге, а в «храме», очень напоминали службы лютеран. Последователь Мозеса Мендельсона, Давид Фридлендер (1756—1834), «отец» реформированного иудаизма, дошел до того, что попросил крупных представителей лютеранства в Берлине считать его лютеранином, не требуя при этом, однако, чтобы он и его последователи признали божественность Христа. Им отказали.

В 1810 году Израэль Якобсон учредил в Брауншвейге первый храм реформированного иудаизма, где служба велась на немецком языке, звучали гимны и органная музыка — прежде эти элементы не входили в иудейское богослужение. В 1849 году Самуил Гольдхейм в берлинском храме стал даже проводить службы по воскресеньям.

Живший в период этих нововведений Абрахам Гейгер (1810—1874) призывал реформированных иудаистов пересмотреть Писания с «научной и исторической» точки зрения — иными словами, предлагал демифологизированный подход, подчеркивавший этическое учение иудаизма, но отвергавший многие традиционные установления, в том числе законы, связанные с приемом пищи, обрезание и божественное происхождение Торы.

В Германии попытки демифологизации иудаизма (подобные тем, что производили с протестантизмом младогегельянцы) в основном предпринимал Леопольд Цунц (1794—1886), ставший родоначальником движения под названием «Die Wissenshaft des Judentums», или «Наука иудаизма». Целью его было систематическое и научное исследование евреев и их истории с акцентом на общинном, а не на религиозном аспекте иудаизма.

Иммигранты ввезли реформированный иудаизм в США, где он расцвел таким пышным цветом, на который не могли рассчитывать даже самые оптимистичные из его немецких основоположников. Главные положения реформированного иудаизма содержатся в «Питтсбургской платформе» 1885 года:

> «Мы считаем, что современные открытия научных исследователей в области природы и истории не про-

> тиворечат доктринам иудаизма, что Библия отражает примитивные идеи своей эпохи и порой облекает концепцию божественного провидения и справедливости в отношении человека в форму волшебного повествования.
> ...Мы считаем, что такие законы Моисея и раввинов, как регулирование питания, священническая чистота и одежда, возникли много столетий назад под влиянием идей в любом случае чуждых нашему современному умственному и духовному состоянию. Они не могут наполнить современного еврея чувством духовной или священнической святости; соблюдение их в наши дни способно скорее затормозить, чем ускорить духовное совершенствование».

Младогегельянская мысль, во многом окрашенная интеллектуальной жизнью среды немецких евреев XIX века и «формальной критикой» Библии, была нацелена даже в большей степени на Ветхий Завет, чем на Новый. Термин «позитивизм» применяли даже по отношению к «позитивно-исторической» школе иудаизма Захарии Франкеля (1801—1875).

Реакцией на демифологизированный иудаизм стал консервативный иудаизм, во главе которого стоял Соломон Шехтер (1850—1915) из Великобритании, не видевший необходимости конфликта между разумом и традиционным иудаизмом и не понимавший, почему общинную историю евреев нужно обязательно отделять от религиозной практики. Шехтер писал, обращаясь непосредственно к «формальным критикам»:

> «Несколько лет назад, когда волны Высшей Критики Ветхого Завета достигли берегов этой страны и в прессе и даже за кафедрой стали свободно обсуждать такие вопросы, как разнородная композиция Пятикнижия [Торы, или «пяти книг Моисея»], сравнительно поздняя дата левитского законодательства и постизгнанническое происхождение определенных пророчеств, а также псалмов, я часто слышал обидный вопрос: что же теперь случится с иудаизмом, когда Закон, его последний оплот, потрясен у самых своих оснований?

> ...Едва ли существует какая-либо метафизическая система, старая или новая, которую с течением времени способные диалектики не сводили бы к символу веры. В наше время мы стали очевидцами великолепного, хотя и не совсем оригинального, спектакля, в ходе которого Его Светлость Агностицизм превратился в верного пажа Королевы Теологии. Настоящая опасность заключается в «природе» (Естественной Науке) с ее суровым требованием законности и регулярности всех феноменов и в «простом смысле» (или Филологии) с ее опрометчивым стремлением к истине».

Слова Шехтера, обращенные к силам позитивизма и младогегельянства, доминировавшим в конце XIX и начале XX века, можно приложить и к протестантским теологам, и ко всей европейской культуре в целом. «Wissenshaftlich» мировоззрение, в отличие от мифологического, отвечает на вопрос «как», но не говорит «почему».

ЗАКОННОСТЬ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

> «Бог умер». — Ницше.
> «Ницше умер». — Бог.
> 1980-е годы,
> надпись на тенниске

Фридрих Ницше (1844—1900), сын лютеранского пастора, в 1880-е годы заявил: «Бог умер». В 1960 годы, после демифологизации христианской религии, Томас Альтицер (теолог, а не ученый!) снова произнес: «Бог умер», — что вызвало всемирный резонанс и дебаты.

Современная немецкая феминистка, теолог Дороти Зелле, оглядываясь на это утверждение, некогда звучавшее столь радикально, называет его одним из величайших «бессмысленных заявлений» в истории: тех, кто верил в Бога, оно никоим образом не затронуло, а тех, кто не верил в Бога, оно тоже никак не коснулось.

К концу 1960-х годов создалось ощущение, что места для сверхъестественного в нашей жизни просто не осталось: таков

был результат ста пятидесяти лет гегельянского «исторического» мышления и позитивисткого наследия. И именно в 1960-е годы расцвел всеобщий интерес к восточным религиям, фантастической литературе и новым формам христианства.

Миф в популярном смысле теперь означает «выдумку». И в то же время исследователи мифа изо всех сил пытаются показать, что миф — это не выдумка, а скорее средство передать истину.

В 1970—1980-е годы снова возникает широкомасштабный интерес к религии, а в особенности — к сверхъестественному. Период после объявления о том, что «Бог умер», ознаменовался подъемом христианского фундаментализма, интересом к восточным религиям, движением Новой Эры с акцентом на паранормальные явления, харизматическим возрождением в русле христианства и ростом интереса к традиционным обрядам иудаизма. Как заметил Поль Джонсон в своей книге «Современность», в 1980-е годы, вероятно, было меньше атеистов, чем в 1880-е.

Иными словами, миф жив и здоров и снова заявляет о своих правах. Быть человеком — значит иметь миф. И мифологическое мировоззрение не исчезнет никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 6
Предисловие 7

ЧАСТЬ I. ПРИГЛАШЕНИЕ К МИФУ

ВСТУПЛЕНИЕ 12

Что такое мифы? 12
Язык и миф 15
Время и миф 20
История и миф 27
Гражданский миф 30
Нравственность и миф 31
Смысл священного 32

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА 35

Греческий и римский пантеон 35
Скандинавский пантеон 39
Боги Индии 40
Египетский пантеон 42
Гавайский пантеон 43
Ацтекский пантеон 43

ЧАСТЬ II. МИФЫ

НАЧАЛО. МИФЫ ТВОРЕНИЯ. 47

Мифы творения в Индии 47
Иранский миф творения 51

Скандинавский миф творения 54
Греческие мифы творения 56
Африканские мифы творения 58
Египетские мифы творения 60
Финский миф творения 62
Китайский миф творения 63
Японский миф творения 63
Полинезийские мифы творения 65
Американские мифы творения 68
Вавилонский миф творения 78
Библейские истории творения 80
Талмудическая история творения 84
Творение 86
Несколько замечаний о мифах творения 88

ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА 99

Библейское грехопадение (*Книга Бытия, 3:1—24*) 99
Талмудическое грехопадение 104
История Пойа (*Индейцы-черноногие*) 106
Четыре века(*Индия*) 109
Пять веков (*Греция*) 111
Пять солнц (*Ацтеки*) 112
Пять миров (*Навахо*) 113
Мифы Североамериканских индейцев о выходе из-под земли ... 116
Три истории о Трикстере Мауи (*Полинезия*) 119
Прометей и Эпиметей (*Греция*) 121
Происхождение медицины (*Чероки*) 123
Мурилe и вождь луны (*Кения*) 124
Спасение рода человеческого (*Ирокезы*) 125

МИФЫ О ПОТОПЕ 128

История Ноя (*Книга Бытия, 6:5—8:22*) 128
Ману и Рыба (*Индия*) 132
Утнапищтим (*Вавилон*) 133
Гавайский миф о потопе 134
Тата и Нена (*Ацтеки*) 135
Девкалион (*Греция*) 136
Североамериканские мифы о потопе 137
Инский миф о потопе 141
Египетский миф о потопе 141

СКАЗАНИЯ О ЛЮБВИ 143

Греческие и римские мифы о любви 143
Две перуанские любовные истории 153
Энгус ОК (*Шотландия и Ирландия*) 157
Алгон и небесная дева (*Индейцы алгонкины*) 158

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ СКАЗАНИЯ ИЗ МИФОВ 161

Нравоучительные сказания из Махабхараты (*Индия*) 162
Ананси-паук (*Западная Африка*) 165
Греческие нравоучительные сказания 170

ЧЕТЫРЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИФОЛОГИИ 176

История двух братьев (*Индейцы-черноногие*) 176
История двух братьев (*Египет*) 178
Беллерофонт(*Греция*) 179
Иосиф и жена Потифара (*Быт. 39*) 181

НЕСКОЛЬКО МИФОВ О ГЕРОЯХ 183

История Зигфрида (*Скандинавия/Германия*) 183
Тесей (*Греция*) 188
Гайавата Таронхайвагон (*Ирокезы*) 194
Миф о Сизифе (*Греция*) 197

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР И ТРОПА МЕРТВЫХ 203

Иштар в подземном мире (*Вавилон*) 203
Маруэ в подземном мире (*Кения*) 206
Савитри (*Индия*) 207
Паре и Хуту (*Новая Зеландия*) 211
Сайадио в стране мертвых (*Ирокезы*) 212
Дух невесты (*Алгонкины*) 213
Осирис и Исида (*Египет*) 214
Голубая сойка в стране мертвых (*Чинук*) 219
Загробная жизнь в представлении древних греков и римлян 222
Перуанские мифы о смерти 225
Сократ о греко-римской загробной жизни 226
Персидские (зороастрийские) мифы о смерти 227
Начикетас (*Индия*) 228

Иудейский миф о смерти 230
Тибетские мифы о смерти 231
Бальдар (*Скандинавия*) 232
Смерть Моисея (*Талмуд*) 235

КОНЕЦ СВЕТА: ВИДЕНИЯ АПОКАЛИПСИСА 238

Как Рудра разрушает вселенную (*Индия*) 238
Персидский апокалиптический миф 239
Исламский апокалиптический миф 242
Майтрейя (*Тибет, Корея, Монголия*) 245
Рагнар–к: сумерки богов (*Скандинавия*) 246
Североамериканские апокалиптические мифы 248
Ветхий завет (*Книга пророка Даниила, 11:40—12:4*) 248
Новый завет 249

ЧАСТЬ III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ МИФА

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА МИФ И СМЫСЛ 257

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИФЫ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 266

Открытие параллельных мифов 266
Миф как история доисторических времен:
матриархальная теория 270
Промежуточные теории интерпретации мифа 274
Психологические теории параллелизма в мире 279
Современный внепсихологический подход: структурализм 296
Философские точки зрения на миф 300
Школа мифа «История религий» 304

МИФ — ВАШ, МОЙ И НАШ 306

Современные вопросы веры 306
Демифологизация иудео-христианской культуры 317
Законность сверхъестественного 328

Научно-популярное издание

Джон Френсис Бирлайн

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Корректоры *Л. Уланова, Л. Айдарбекова*
Технический редактор *Т. Кулагина*
Художественный редактор *В. Чернецов*
Компьютерная верстка *Е. Коптевой*

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС»)
Подписано в печать с готовых диапозитивов. 22.11.96.
Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага газетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 27,3. Тираж 11 000 экз
Заказ 2042

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
Москва, Огородный проезд, 6
Телефоны: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:
Москва, ул. Новослободская, 18
Телефон 972-14-23

При участии ТОО «Харвест» Лицензия ЛВ № 729
220034, Минск, ул В Хоружей, 21—102

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в
типографии издательства «Белорусский Дом печати»
220013, Минск, пр Ф Скорины, 79